УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Т. 13 № 1 / 2025

Издается с 2013 года
Выходит 4 раза в год

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 11 декабря 2012 г. ПИ № ФС77-52135
В запись о регистрации внесены изменения, регистрационный номер ПИ № ФС 77-76216 от 12.07.2019 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Глазьев С.Ю. (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Азоев Г.Л. (Государственный университет управления, г. Москва)
Акаев А.А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Афанасьев В.Я. (Государственный университет управления, г. Москва)
Ашмарина С.И. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара)
Буренко В.И. (Московский гуманитарный университет, г. Москва)
Ваганова О.В. (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород)
Волох В.А. (Государственный университет управления, г. Москва)
Грошев И.В. (Научно-исследовательский институт образования и науки, г. Москва)
Филлипп Джордж (Ксавьерский институт менеджмента и предпринимательства, Индия)
Егоршин А.П. (Нижегородский институт экономики и менеджмента, г. Нижний Новгород)
Зайцев А.Г. (Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орел)
Иванова О.П. (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород)
Коротков Э.М. (Государственный университет управления, г. Москва)
Латфуллин Г.Р. (Государственный университет управления, г. Москва)
Линник В.Ю. (Государственный университет управления, г. Москва)
Морозова Е.Г. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Мюллер-Штевенс Г. (Международный институт менеджмента Университета Санкт-Галлена, Швейцария)
Перетти Жан-Мари (Высшая школа экономики и коммерции Парижа (ESSEC) и Университета Корсики, Франция)
Першуков В.А. (Российская академия естественных наук, г. Москва)
Плахин А.Е. (Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург)
Попова Е.В. (Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар)
Райченко А.В. (Государственный университет управления, г. Москва)
Романов Р.М. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Руденко М.Н. (Пермский государственный исследовательский университет, г. Пермь)
Сакульева Т.Н. (Государственный университет управления, г. Москва)
Святов С.А. (АО «ForteBank», АО «Университет Нархоз», Казахстан)
Синг Анеш (Университет Квазулу-Наталь, ЮАР)
Сороко А.В. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Уколов В.Ф. (Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт), г. Москва)
Федченко А.А. (Воронежский государственный университет, г. Воронеж)
Хорин А.Н. (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Чудновский А.Д. (Государственный университет управления, г. Москва)
Шабров О.Ф. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Шамшиев Ч.Б. (Центр экономических исследований университета Париж VIII, Франция)
Шольц Маркус (Школа бизнеса Университета Пфорцхайм, Германия)
Шомова С.А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва)
Щербинин А.И. (Томский государственный университет, Институт политических исследований, г. Томск)
Эриашвили Н.Д. (Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Государственный университет управления, г. Москва)
Язев В.А. (Азиатская парламентская ассамблея, г. Москва)
Яковлев А.Ю. (Государственный университет управления, г. Москва)
Яковлева Н.О. (Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск)

© ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», 2025

Главный редактор
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Заместители главного редактора:
Линник В.Ю. – д-р экон. наук
Сакульева Т.Н. – канд. экон. наук
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук

Ответственный за выпуск
Алексеева Л.Н.
Редактор
Капарчук А.Д.
Выпускающий редактор и компьютерная верстка
Гусева Е.А.
Технический редактор
Волкова А.Р.

Миссия журнала – формирование международного уровня представления научных исследований и информации об управлении.

Тематические направления публикаций: государственное и муниципальное управление; межотраслевой менеджмент; управление в сфере экономики: проблемы и перспективы; управление процессами; информационные технологии в управлении; вызовы и угрозы; политический дискурс.

Целевая аудитория журнала – экономисты-исследователи, ведущие практики, руководители федеральных и региональных органов власти, топ-менеджеры и аналитики, преподаватели и студенты вузов.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям:
– 5.2.1 «Экономическая теория (экономические науки)»;
– 5.2.2 «Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки)»;
– 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)»;
– 5.2.4 «Финансы (экономические науки)»;
– 5.2.5 «Мировая экономика (экономические науки)»;
– 5.2.6 «Менеджмент (экономические науки)»;
– 5.5.1 «История и теория политики (политические науки)»;
– 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии (политические науки)»;
– 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)»;
– 5.5.4 «Международные отношения (политические науки)».

Статьи доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования.

Подписано в печать 26.03.2025
Формат 60x90/8
Объем 15,25 печ. л.
Бумага офсетная
Тираж 1000 экз.
(первый завод 25 экз.)
Заказ № 35_Т

Издательство: Издательский дом ГУУ (Государственный университет управления), 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Все публикуемые статьи прошли обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99
Тел.: (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
http://www.upravlenie.guu.ru

UPRAVLENIE / MANAGEMENT (Russia)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Available in print from 2013
Published quarterly

Volume 13 No. 1 2025

Founder:

Federal Government Budget Education Institution of Higher Education "State University of Management"
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia

Registration mass-media license PI No. FS77-52135
December 11, 2012.
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76216 from July 12, 2019

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

S.Yu. Glaz'ev (Glaziev S.) (Lomonosov Moscow State University, Moscow)

EDITORIAL BOARD

V.Ya. Afanasyev (State University of Management, Moscow)
A.A. Akaev (National Research University Higher School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow)
S.I. Ashmarina (Samara State University of Economics, Samara)
G.L. Azoev (State University of Management, Moscow)
V.I. Burenko (Moscow University for the Humanities, Moscow)
A.D. Chudnovskii (State University of Management, Moscow)
A.P. Egorshin (Nizhny Novgorod Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod)
N.D. Eriashvili (Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, State University of Management, Moscow)
A.A. Fedchenko (Voronezh State University, Voronezh)
I.V. Groshev (Research Institute of Education and Science, Moscow)
O.P. Ivanova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod)
A.N. Khorin (Lomonosov Moscow State University, Moscow)
E.M. Korotkov (State University of Management, Moscow)
G.R. Latfullin (State University of Management, Moscow)
V.Yu. Linnik (State University of Management, Moscow)
E.G. Morozova (Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)
G. Müller-Stewens (International Institute of Management at San-Gallen University, Switzerland)
J.M. Peretti (Higher School of Economics and Commerce Paris (ESSEC) and the Corsica University, France)
V.A. Pershukov (Russian Academy of Natural Sciences, Moscow)
A.E. Plakhin (Ural State University of Economics, Yekaterinburg)
E.V. Popova (Kuban State Agrarian University, Krasnodar)
J. Philip (Xavier Institute of Management and Entrepreneurship, India)
A.V. Raichenko (State University of Management, Moscow)
R.M. Romanov (Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)
M.N. Rudenko (Perm State University, Perm)
T.N. Sakul'eva (State University of Management, Moscow)
Marcus Scholz (Business School at Pforzheim University, Germany)
O.F. Shabrov (Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)
Ch.B. Shamshiev (Center for Economic Research, University Paris, France)
A.I. Shcherbinin (Tomsk State University, Institute for Political Studies, Tomsk)
S.A. Shomova (National Research University Higher School of Economics, Moscow)
A.M. Singh (University KwaZulu-Natal, SAR)
A.V. Soroko (Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)
S.A. Svyatov (JSC ForteBank, JSC University of Narchos, Kazakhstan)
V.F. Ukolov (Moscow International Higher School of Business MIRBIS (Institute), Moscow)
O.V. Vaganova (Belgorod State University, Belgorod)
V.A. Volokh (State University of Management, Moscow)
V.A. Yazev (Asian Parliamentary Assembly, Moscow)
A.Yu. Yakovlev (State University of Management, Moscow)
N.O. Yakovleva (South Ural State University, Chelyabinsk)
A.G. Zaitsev (Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel)

© State University of Management, 2025

Editor-in-Chief
I.V. Groshev – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation

Deputy Editors-in-Chief
V.Yu. Linnik – Dr. Sci. (Econ.)
T.N. Sakul'eva – Cand. Sci. (Econ.)
A.D. Chudnovskii – Dr. Sci. (Econ.)

Responsible for issue
L.N. Alekseeva
Editor
A.D. Kaparchuk
Executive editor and desktop publishing
E.A. Guseva
Technical editor
A.R. Volkova

The journal's mission is to create an international level of scientific research and management information.

Thematic areas of publications: state and municipal administration; m-sector management, management in the economy: problems and prospects; process management; information technology in management; challenges and threats; political discourse.

The journal target audience are research economists, leading practitioners, heads of Federal and regional authorities, top managers and analysts, teachers and university students.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission (Russia Federation) of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences must be published in the fields:
– 5.2.1 "Economic theory (economic sciences)";
– 5.2.2 "Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences)";
– 5.2.3 "Regional and sectoral economics (economic sciences)";
– 5.2.4 "Finance (economic sciences)";
– 5.2.5 "World economy (economic sciences)";
– 5.2.6 "Management (economic sciences)";
– 5.5.1 "History and theory of politics (political sciences)";
– 5.5.2 "Political institutions, processes, technologies (political sciences)";
– 5.5.3 "Public administration and sectoral policies (political sciences)";
– 5.5.4 "International relations (political sciences)".

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0, according to which unlimited distribution and reproduction are possible in any medium. The author's name, references and orginal sources have to be shown in accordance with scientific citation rules
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Signed to print 26.03.2025
Format 60x90/8
Size is 15,25 printed sheets
Offset paper
Circulation 1000 copies
(the first factory 25 copies)
Print order № 35_T

Publishing: State University of Managment, Publishing house
99 Ryazansky prospekt, Moscow, 109542, Russia

All published articles have undergone a mandatory review process

Editor office:
99 Ryazansky prospekt, Moscow, 109542, Russia, State University of Management
Tel.: (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
http://www.upravlenie.guu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Государственная промышленная политика как инструмент создания условий развития промышленности строительных материалов
Астафьева О.Е. 5

Анализ потенциала фонда национального благосостояния Российской Федерации для финансирования расширенных пенсионных программ в условиях современных вызовов
Дорофеев М.Л. 13

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Адаптация российской промышленности к социально-экономическим изменениям в регионах: вызовы и перспективы
Вагин С.Г. 24

УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Политика и практика обязательного резервирования и цифровые валюты центральных банков
Кузнецова В.В., Ларина О.И. 38

Взаимосвязь бизнеса и высшего образования для подготовки продуктивных человеческих ресурсов
Рязанова Г.Н. 51

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ

Синергетика управленческого образования как основа формирования и развития перспективных экосистем
Афанасьев В.Я., Райченко А.В. 63

Прогноз влияния качества жизни на миграционную ситуацию в регионах Российской Федерации
Орешников В.В. 75

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ

Пространственное моделирование влияния разработанных передовых производственных технологий на промышленное производство регионов России
Красных С.С. 90

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

О развитии городов Арктической зоны как опорных центров пространственного развития северо-западных регионов Российской Федерации
Морошкина М.В., Поташева О.В. 99

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Молодежная политика в условиях цифровизации: постановка проблемы
Величко А.И., Гончарова И.В. 113

CONTENTS

STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

State industrial policy as a tool for creating conditions for the building materials industry development
O.Ye. Astafyeva 5

Analysis of the Russian National Wealth Fund potential for financing expanded pension programs in the context of contemporary challenges
M.L. Dorofeev 13

MANAGEMENT IN VARIOUS INDUSTRIES

Adapting Russian industry to regional social and economic changes: challenges and prospects
S.G. Vagin 24

MANAGEMENT IN ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Mandatory reserve policy and practice and digital currencies of central banks
V.V. Kuznetsova, O.I. Larina 38

Interrelationship of business and higher education for productive human resources training
G.N. Ryazanova 51

PROCESS MANAGEMENT

Management education synergy as a basis for forming and developing promising ecosystems
V.Ya. Afanasyev, A.V. Raychenko 63

Forecast of the impact of quality of life on the migration situation in Russian regions
V.V. Oreshnikov 75

MANAGEMENT INFORMATION TECHNOLOGIES

Spatial modelling of the impact of developed advanced production technologies on industrial production in Russian regions
S.S. Krasnykh 90

THREATS AND CHALLENGES

On development of the Arctic zone cities as reference centers of spatial development of the Russian Northwestern regions
M.V. Moroshkina, O.V. Potasheva 99

POLITICAL DISCOURSE

Youth policy in the context of digitalization: problem statement
A.I. Velichko, I.V. Goncharova 113

УДК 338.45 JEL 01 DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-1-5-12
Получено: 22.08.2024 Статья доработана после рецензирования: 11.11.2024 Принято: 18.11.2024

Государственная промышленная политика как инструмент создания условий развития промышленности строительных материалов

Астафьева Ольга Евгеньевна
Канд. экон. наук, зав. каф. экономики и управления в строительстве
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Повышение конкурентоспособности российской промышленности включает различные инструменты, основным из которых на государственном уровне является промышленная политика. В условиях цифровизации экономики необходимо применять новые подходы для обеспечения промышленного развития, что невозможно без формирования соответствующих условий, адекватных сложившейся ситуации. Представлен экосистемный подход как эволюционное развитие кластерного и сетевого подходов и проявление цифровой трансформации экономики на примере развития промышленности строительных материалов. Проведен анализ современных механизмов и инструментов обеспечения устойчивого развития предприятий, относящихся к промышленности строительных материалов в рамках их экосистемного взаимодействия, наличие которого обусловлено структурными преобразованиями, приводящими к формированию новых моделей функционирования и развития, таких как промышленные экосистемы. При реализации государственной промышленной политики возрастает роль учета способов взаимодействия государства и отраслей, целевым ориентиром которого является достижение приоритетных направлений промышленного развития. Цифровые и технологические решения позволяют преобразовать модель развития промышленности, при которой локализация и концентрация отдельных хозяйствующих субъектов перестают быть определяющими факторами. Предлагаемый экосистемный подход при формировании модели взаимодействия промышленных предприятий создает условия для развития инфраструктуры и функционирования хозяйствующих субъектов в контексте цифровой экономики.

Ключевые слова: конкурентоспособность, промышленность, цифровая экономика, государственная промышленная политика, промышленная экосистема, ресурсная база, модель развития, экосистемное взаимодействие, структурные изменения, ресурсная база

Для цитирования: Астафьева О.Е. Государственная промышленная политика как инструмент создания условий развития промышленности строительных материалов//Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 5–12. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-5-12

© Астафьева О.Е., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received: 22.08.2024 Revised: 11.11.2024 Accepted: 18.11.2024

State industrial policy as a tool for creating conditions for the building materials industry development

Olga Ye. Astafyeva
Cand. Sci. (Econ.), Head of the Economy and Management in Construction
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

Improving the Russian industry competitiveness involves various tools, the main of which at the state level is industrial policy. In the conditions of the economy digitalization it is necessary to apply new approaches to ensure industrial development, which is impossible without forming appropriate conditions adequate to the current situation. The ecosystem approach as an evolutionary development of cluster and network approaches and manifestation of the economy digital transformation on the example of the building materials industry development has been presented. The analysis of modern mechanisms and tools for ensuring sustainable development of enterprises related to the building materials industry within the framework of their ecosystem interaction, the presence of which is conditioned by structural transformations leading to forming new models of functioning and development, such as industrial ecosystems, has been carried out. When implementing the state industrial policy, the role of considering the ways of interaction between the state and industries, the target of which is the achievement of priority areas of industrial development, is increasing. Digital and technological solutions make it possible to transform the industrial development model, in which localization and concentration of individual economic entities cease to be determining factors. The proposed ecosystem approach in formation of the model of interaction among industrial enterprises creates conditions for infrastructure development and economic entities functioning in the context of digital economy.

Keywords: competitiveness, industry, digital economy, state industrial policy, industrial ecosystem, resource base, development model, ecosystem interaction, structural changes, resource base

For citation: Astafyeva O.Ye. (2025). State industrial policy as a tool for creating conditions for the building materials industry development. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (1), pp. 5–12. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-5-12

© Astafyeva O.Ye., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Государственная промышленная политика является экономическим инструментом управления развитием отдельных отраслей и предприятий. Она обусловлена необходимостью формирования конкурентоспособной экономики посредством создания моделей осуществления деятельности, снижающих диспропорции в отраслевой структуре. Трансформация региональной компоненты государственной промышленной политики в сторону управления структурными преобразованиями способствует внесению изменений на микро-, макро-, мезоуровнях, связывая их между собой и создавая необходимые для развития экономики предприятий условия.

Присутствующая в некоторых регионах пространственная неравномерность размещения производительных сил приводит к диспропорции социально-экономического развития регионов. При проведении исследования теорий размещения производства определено, что уменьшение неравномерности развития достигается за счет новых подходов к формированию на уровне предприятий моделей развития с последующим их масштабированием на макро- и мезоуровнях, когда условия, созданные для функционирования и развития предприятия как социально-экономической системы, переходят на другие уровни и становятся определяющими при выборе модели развития экономики [Афанасьев и др., 2023]. Если раньше улучшение экономической ситуации возлагалось на формируемые кластерные модели или инновационные научно-технологические центры, формируемые также по кластерному принципу, то при появлении платформенных решений становится допустимо применение более современных механизмов и инструментов обеспечения развития, основанных на преимуществах экосистемного взаимодействия субъектов экономики и возможностях, образуемых приращением производственной мощности, благодаря структурным и технологическим преобразованиям, приводящим к формированию промышленных экосистем [Бекмансурова, 2014; Астафьева, 2024].

В связи с этим особое внимание в реализации государственной промышленной политики следует уделить способам взаимодействия государства и отраслей, направленным на реализацию приоритетных направлений развития промышленности посредством преобразования модели ее развития, когда локализация и концентрация хозяйствующих субъектов утрачивает значимость по территориальной принадлежности и определяется однородностью производимой продукции и осуществляемых видов деятельности.

Экосистемный подход в обеспечении устойчивого развития промышленности строительных материалов / Ecosystem approach to ensuring sustainable development of the building materials industry

В соответствии со стратегией развития промышленности строительных материалов формирование конкурентоспособности предприятий, производящих высококачественные строительные конструкции и материалы, относится к числу базовых приоритетов развития и требует проработки задач, ориентированных на решение вопроса создания ресурсной базы на основе использования потенциала межотраслевой интеграции в рамках формируемой экосистемы с согласованием приоритетов развития цифровой экономики [Астафьева, 2024]. Изменение процессов взаимодействия между предприятиями и формирование промышленных экосистем происходят посредством моделей функционирования и развития. Создаваемые условия функционирования для осуществления деятельности предприятий строительной индустрии направлены на интеграционные взаимодействия и отличаются фокусом на выработку сетевых эффектов как результатов-дополнений к основным экосистемным преимуществам, появление которых приводит к повышению эффективности деятельности каждого участника взаимодействия.

Сетевые взаимодействия на данный момент являются недостаточно изученными и требуют проработки соответствующих способов, методов, инструментов и механизмов.

Формирование экосистемы промышленности строительных материалов становится действенным механизмом развития всей строительной индустрии в силу того, что именно эта отрасль является базой материального развития строительного комплекса. Последнее связано с производством строительных материалов, конструкций и изделий и влияет на себестоимость 1 м^2 жилья, поскольку при формировании стоимости около 50–60 % составляет цена строительных материалов.

Решение задачи снижения себестоимости строительных материалов связано не только с изменением модели функционирования, но и с возможностью применения отходов смежных отраслей при их производстве. Так, вовлечение отходов производства таких отраслей, как горнодобывающая, топливно-энергетическая, химическая и металлургическая, изначально требует формирования хабов по проработке вторичных ресурсов, что станет основой для использования накопленных отходов при изготовлении строительных материалов

с низкой себестоимостью и позволит повысить энергосбережение.

С целью обеспечения объема производства строительных материалов, соответствующего темпам ввода объектов капитального строительства в эксплуатацию с учетом внутреннего спроса и объемов, представленных в программах ввода жилья, необходимо обеспечить:

• технологическое развитие предприятий промышленности строительных материалов за счет применения опережающих и прорывных технологий;

• цифровую зрелость предприятий для их «включения» в экосистему промышленности;

• снижение себестоимости строительных материалов на основе двух базовых составляющих – логистической (приближенность к пунктам добычи нерудных строительных материалов и интеграция в «цифровые» сервисы) и ресурсной (вовлечение вторичных ресурсов, изменение способов использования за счет сетевой интеграции участников);

• повышение конкурентоспособности строительных материалов отечественного производства;

• полное импортозамещение строительных материалов (на данный момент на российском рынке только 6 % строительных материалов являются импортными, однако актуальным остается вопрос импортозамещения оборудования для предприятий, производящих строительные материалы);

• создание условий для устойчивого развития посредством применения новых моделей взаимодействия;

• повышение инвестиционной привлекательности отрасли;

• актуализацию программ развития предприятий, производящих строительные материалы с учетом приоритетов государственной промышленной политики путем координации действий по модернизации их деятельности.

Модернизация технического уровня предприятий приводит к производству новых типов домов под разные ценовые категории, что отражается на повышении спроса. Автоматизация технологических линий способствует изготовлению широкой номенклатуры стройматериалов, что повышает ликвидность и снижает себестоимость продукции.

В экосистеме «локализация» производства посредством облачных сервисов ориентирована на расширение интеграционных взаимодействий по основным бизнес-процессам предприятий, что позволяет отслеживать как финансовые, так и ресурсные и логистические потоки и, как следствие, обеспечивать рост экономики за счет сопряжения их деятельности со смежными отраслями и с учетом направлений социально-экономического развития субъектов в долгосрочной перспективе.

Экосистемное взаимодействие предприятий, научно-исследовательских организаций, центров развития компетенций и образованных сетевых кластеров промышленности строительных материалов повышает их заинтересованность в совместной деятельности, благодаря чему данная модель функционирования становится источником формирования дополнительных материальных и нематериальных инвестиций. Подобного рода объединение создает модель взаимодействия, при которой происходит развитие инфраструктуры промышленности и сокращаются технологические разрывы между показателями результативности замещающей и замещаемой технологии производства. Экосистемный подход в строительной индустрии позволит промышленности выстроить взаимодействия между средним и крупным бизнесом, консолидировать деятельность всех участников строительного рынка с сохранением юридической независимости каждого их них, что предоставит государственным структурам возможность рассматривать строительный комплекс и промышленность строительных материалов как единую конкурентоспособную площадку и механизм, обеспечивающий устойчивое развитие экономики всей индустрии.

Реализуемые ранее Министерством экономического развития Российской Федерации (далее – РФ, Россия) программы поддержки создания территориальных кластеров являются тем базисом, который позволил получить сетевые образования по ряду отраслей, что способствует их встраиванию в экосистему промышленности строительных материалов и обеспечению поступательного развития [Карпинская, 2018].

Промышленность строительных материалов имеет ключевое значение для устойчивого развития экономики, обеспечивая в целом функционирование строительного комплекса с большим объемом устанавливаемых интеграционных взаимодействий. Формирование экосистемы отрасли позволяет реализовать приоритетные задачи государственной политики за счет построения взаимосвязей, цифровизации основных бизнес-процессов, повышения ресурсной результативности и создания эффективной модели развития. Развитие предприятий в рамках экосистемного взаимодействия определяется принципами устойчивого развития, приоритетами государственной промышленной политики, координацией сетевых взаимосвязей и «ценностных» установок.

Предлагаемый экосистемный подход к интеграции бизнес-процессов предприятий предполагает изначальную оценку потенциала хозяйствующих субъектов к сетевым взаимодействиям, что определяется цифровой зрелостью.

Формирование новой модели функционирования и развития промышленности строительных материалов / Forming a new model of functioning and developing the building materials industry

Цифровая экономика повлияла на экономические процессы и привела к появлению новых инструментов обеспечения развития и способов их применения за счет платформенных решений, применяемых в рамках трансформации отраслевой структуры промышленности посредством интеграционных способов выстраивания экономических отношений между хозяйствующими субъектами и использования ресурсов. В условиях экосистемы промышленности строительных материалов конкурентные преимущества модифицируются в экосистемные, которые основаны на рационализации использования ресурсов, формировании сетевых эффектов, приращении знаний на основе накопленного опыта участников взаимодействия, находящих отражение в увеличении объема высококачественных строительных материалов и развитии технологий производства.

Комплементарность технологий и ресурсов участников экосистемы промышленности строительных материалов позволяет обеспечивать устойчивость данной модели и определяется принципами, среди которых базовыми на микроуровне являются:

• принцип координации сетевых взаимосвязей (направлен на установку «ценностных» взаимодействий и увеличение отдачи от деятельности посредством ее регулирования под задачи государственной промышленной политики);

• принцип экономической интеграции (интеграционные процессы в рамках экосистемы направлены на гармонизацию и постоянное развитие);

• принцип преимущества (получение пользы от экосистемного взаимодействия хозяйствующих субъектов, когда способность акторов выпускать дополнительную единицу продукции при меньших издержках определяется различными методами производства продукции и возможностью их замещения).

По мнению Дж. Уорхэма, П. Фокса и К. Гинера, промышленные экосистемы являются сложными экономическими образованиями, осуществляющими деятельность на основе платформы с целью достижения эмерджентности продукции [Wareham, Fox, Giner, 2013]. Однако данное предположение основано на синергетическом эффекте и является по факту его мерой или воспринимается как результат антиэнтропийного фактора. Следует прежде всего учитывать появление новых качеств и свойств в результате экосистемной динамики и способности к обновлению. В качестве основной составляющей экосистемной модели следует рассматривать масштабирование деятельности и комплементарность цифровых активов, которые, несмотря на юридическую независимость экономических субъектов, позволяют поддерживать устойчивое развитие промышленности строительных материалов. Наличие механизма устойчивого развития экономики предприятий направлено на выстраивание интеграций между участниками, поддержание баланса между ресурсным обеспечением и координацию логистических и производственных бизнес-процессов.

Цифровая экономика создает новые условия для функционирования и развития промышленности – совершенствуются модели ведения бизнеса, механизмы управления интеграционными образованиями и изменение способов координации их деятельности, что отражается в трансформации модели функционирования, в которой совместное использование ресурсов становится экосистемным преимуществом, изменяющим его характеристику как фактора-риска, снижающего устойчивость и преобразующего его в фактор-развития в современных экономических условиях.

В своих трудах Дж. Ф. Мур определил взаимозависимость компаний и комплексное взаимодействие как необходимые компоненты для исследования экосистем [Moore, 1998]. Данные фундаментальные принципы для исследования экосистем на уровне цифровой интеграции следует рассматривать больше не как взаимозависимые компоненты, но как взаимообусловленные по отношению к факторам производства, технологиям и видам продукции с выделением в качестве основных частей данных компонентов, влияющих на появление новых свойств в экосистеме с учетом пространственно-временного фактора. В связи с этим определяются признаки экосистемы промышленности, такие как пространственная взаимосвязь, постоянное развитие во времени, «размытость» пространственных границ, наличие механизма устойчивого развития, средовая эволюция модели функционирования, ориентир на масштабирование деятельности, состоятельность инфраструктуры, координирование по ценностным критериям-векторам развития. Таким образом, в концепции устойчивости промышленных экосистем базисом является модель функционирования, включающая принципы развития и признаки, обусловленные цифровой экономикой и факторами, формируемыми ею для ведения деятельности.

Несмотря на то что в первых проявлениях экосистема рассматривалась только как электронная площадка (маркетплейс), на которой сосредоточены предложения по товарам и услугам, важно разделять данное представление от формируемого в сфере промышленности. Так, платформенные и цифровые

решения – это всего лишь ресурсно-сервисные составляющие экосистемы промышленности строительных материалов, на основе которых упрощаются связи и разрабатываются программы развития, направленные на решение задач государственной промышленной политики по созданию конкурентоспособной среды для развития и согласования стратегии развития со смежными отраслями.

Предприятия благодаря формируемой среде, определяемой автором исследования как пространственно-временная, взаимодействуют, образуя производственно-логистические цепочки, «прослеживаемые» в экосистеме на предмет их оптимизации с целью равномерного распределения и использования ресурсов.

Исследование преимуществ экосистемного взаимодействия предприятий в современных экономических условиях / Research of the advantages of ecosystem interaction of enterprises in modern economic conditions

Приоритеты развития промышленности, реализуемые посредством государственной политики, характеризуются интеграционными взаимодействиями и преобразуют структуру производственных отношений, фокусируясь прежде всего на достижении цифровой зрелости предприятий с последующим определением подходов к устойчивому развитию, в которых цифровизация активов становится возможностью, обеспечивающей данное состояние субъектов хозяйственной деятельности и отражаемой в применяемых механизмах и инструментах.

Информационная инфраструктура экосистемы промышленности строительных материалов позволяет формировать среду, в рамках которой происходит увеличение темпа экономического роста, преобладает выпуск высокотехнологичной продукции, определяются тенденция на технологическое развитие и структурные преобразования, наукоемкие высокотехнологичные производства, образующие потенциал для дальнейшего развития и являющиеся движущей силой эволюции производительных сил и моделей деятельности. Возрастающая роль экосистемных преимуществ определяется межотраслевыми интеграциями, в которых преобладающими становятся интеграционные взаимосвязи по основным бизнес-процессам, в то время как функции, заложенные во второстепенные бизнес-процессы, могут осуществляться предприятиями малого и среднего бизнеса, что определяет их развитие в долгосрочной перспективе с выделением и делегированием непрофильных задач (в рамках аутсорсинга бизнес-процессов).

Немаловажным фактором является формирование потенциала на основе ценностных взаимодействий. Так, изменение модели развития на экосистемную приводит к росту производства, получению новых источников дохода, масштабированию бизнеса и повышению капитализации. Капитальные вложения в развитие прорывных и опережающих технологий направлены на достижение технологического суверенитета, системную интеграцию различных подсистем, повышение эффективности использования ресурсов и образуемого ресурсного потенциала. Цифровизация экономики, базирующаяся на двух компонентах – инструментах информационных технологий и сетевых технологиях – создает условия для развития промышленности посредством развития ресурсной базы предприятий и определяет направления и приоритеты структурных изменений.

Оценка эффективности формируемых экосистемных моделей определяется на основе сравнения результатов деятельности предприятий в экосистеме, отражаемой в виде значения отношения общей экосистемной эффективности к средней по предприятиям-участникам. На микроуровне происходит увеличение стоимости предприятия (бизнеса), капиталовложений и добавленной стоимости. На макроуровне оценивается достижение целевых показателей (ценностные взаимодействия под направления развития промышленности), обеспечивается достижение целей государственной промышленной политики (балансовая матрица «цели–результаты» по уровням: польза для промышленности (субъектов взаимодействия), польза для государства).

При оценке сетевых эффектов экосистемы определяются перспективы капитализации, образуемые в результате взаимодействия, и прогнозное значение прибыли от объединения предприятий в экосистему. Кроме того, следует учитывать интегрирующую функцию логистической системы, которая определяет «входные» и «выходные» ресурсные потоки и возможности развития и устойчивости экосистемы.

Теоретическая концептуализация исследования экосистем в промышленности требует определения механизма обеспечения устойчивости в условиях образуемого взаимодействия [Афанасьев, Райченко, Поляков, 2023]. При рассмотрении теоретических и методологических подходов к изучению свойств экосистемы становится очевидным, что взаимодействия предприятий и интеграция бизнес-процессов отражаются в производственных, экономических, управленческих, технологических, экологических системах, методика оценки которых должна включать набор взаимосвязанных показателей. В связи с этим в экосистемной модели взаимодействия необходимо

отразить структурные изменения как составляющие переходов развития промышленности, когда происходит смена состояний по каждой системе в связи с взаимной обусловленностью процессов. Тогда развитие экосистемы промышленности строительных материалов происходит в результате структурных преобразований, изменяющих ресурсные потоки в производственных и логистических процессах. При этом по каждому ресурсному потоку определяются кластеры, в которых формируется ресурсный потенциал, создающий новые потоки и, как следствие, обеспечивающий развитие ресурсной базы промышленности.

Важной составляющей процесса формирования ресурсного потенциала является обнаруживающееся взаимовлияние в потоках между бизнес-процессами, что приводит к появлению самоорганизующихся процессов. Например, в технологической системе происходит повышение производительности за счет обмена знаниями и возможностей использования ресурсов и технологий в различных бизнес-процессах за счет диверсификации производственной деятельности. Процесс влияния «входных» потоков ресурсов на «выходные» на всех этапах взаимодействий приводит к приращению результирующих показателей и развитию экосистемы. Приращение за счет сетевого эффекта может стать причиной сдвига базовых условий взаимодействия, изменяющего качество системы, характеризуемого появлением новых свойств, способствующих следующему этапу самоорганизации, и дополнительного эффекта (синергетического). Эффективное направление ресурсных потоков происходит только при наличии возможностей, обеспечиваемых имеющейся производственной мощностью. Применительно к капиталовложениям данный эффект можно представить как образование инвестиционного потенциала за счет высвобождения денежных средств, получаемого в результате уменьшения издержек при производстве строительных материалов.

С учетом структурных изменений, влияющих на расширение масштаба производства, обусловленного интеграционными процессами и сетевым эффектом, происходит более эффективное использование ресурсов в формируемой среде. Эффект масштаба оказывает влияние на объемы производства строительных материалов и загрузку производственных мощностей благодаря ресурсному потенциалу экосистемы промышленности строительных материалов и комплементарности технологий.

Наряду с наращиванием эффекта масштаба необходимо обозначить преимущества экосистемного взаимодействия в современных экономических условиях, определяемых тем фактом, что самоорганизующиеся процессы способствуют сдвигам в базовых условиях функционирования предприятий, а также в темпах развития экосистем, что можно объяснить наличием возможности увеличения ресурсного потенциала для дальнейшего развития экосистемы и воспроизводства основных средств.

Заключение / Conclusion

Развитие промышленности строительных материалов является главным потенциалом устойчивости экономики строительной индустрии и смежных отраслей. Оно способствует созданию новых производств, модернизации старых и наращиванию производственной мощности. Промышленные экосистемы позволят сформировать точки экономического роста, определяющие перспективы развития экономики. Интеграция экосистемного подхода в стратегию развития промышленности строительных материалов состоит в координационно-ценностном регулировании программ развития предприятий по приоритетам государственной политики, направленным на формирование промышленного потенциала отраслей с учетом уровня их развития, вида и специфики деятельности.

Положительный эффект для развития промышленности, получаемый за счет интеграционных образований, определяется оценкой взаимовлияния инструментов, обеспечивающих развитие при использовании возможностей экосистемы при реализации задач государственной промышленной политики. Система показателей, на основе которых определяется потенциал развития промышленности строительных материалов, включает всесторонний анализ формируемой среды, что позволяет определить степень их согласованности как по количественным, так и по качественным характеристикам и формируется по таким системам, как экономическая, экологическая, социальная, управленческая, технологическая, производственная и логистическая. Следовательно, система показателей как совокупность характеризует эффективность экосистемного взаимодействия промышленных предприятий и создается с учетом их свойств на основе положений экономической теории, что позволило отразить устойчивость развития промышленности в целом.

Определены следующие базовые свойства, присущие показателям: сбалансированность, агрегирование (объединение в соответствующие группы), результативность (как ценностная значимость). При этом значимость показателей в группе можно объяснить их влиянием на повышение ресурсного потенциала в экосистеме.

На основе теоретических положений и принципов устойчивого развития в исследовании определена среда взаимодействия хозяйствующих субъектов в аспекте

обеспечения развития и реализации задач государственной промышленной политики. Перспективы повышения эффективности взаимодействия промышленных предприятий в экосистеме зависят от степени их согласованности при осуществлении деятельности по производству строительных материалов, объем которых соответствует требуемому с учетом реализуемых программ развития строительной и смежных отраслей.

Промышленная политика как инструмент поддержки промышленных предприятий на государственном уровне при создании промышленных экосистем позволит максимально использовать преимущества взаимодействия хозяйствующих субъектов за счет получаемого синергетического эффекта. Такая экосистема становится бизнес-средой, благоприятно влияющей на развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности посредством создания соответствующих условий для деятельности.

Актуальность применения экосистемного подхода при формировании новых моделей функционирования и развития промышленных предприятий, несмотря на наличие присущих ему характеристик адаптивности, самоорганизации и саморазвития, в рамках цифровой экономики должна включать координационно-ценностное регулирование, которое можно представить как элемент механизма обеспечения устойчивого развития, способствующий формированию ценностных взаимодействий между субъектами хозяйственной деятельности за счет «установления» регулятора или оператора цифровой площадки. При этом цифровая площадка является инструментом установления экономических отношений между участниками. Таким образом, будут происходить более результативное взаимодействие между предприятиями, повышение их ресурсного потенциала, приращение знаний и ускорение темпов роста экономики за счет создания соответствующих условий развития и согласованности действий всех участников промышленной экосистемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Астафьева О.Е. Преобразование модели развития промышленности строительных материалов с учетом изменения экономической структуры при цифровизации бизнес-процессов. E-Management. 2024;1(7):4–14. https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-4-14

Астафьева О.Е. Ресурсная база промышленности строительных материалов как основа устойчивого развития экономики. Вестник университета. 2024;1:105–111. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-1-105-111

Афанасьев В.Я., Райченко А.В., Поляков М.Б. Исторические подходы, эффективные решения и перспективные разработки отечественной школы управления по мобилизации потенциала экосистем. Управление. 2023;3(11):5–14. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-5-14

Бекмансурова О.О. Мультипликативный и синергетический эффекты как экономический результат от создания промышленных кластеров. Вестник СамГУ. 2014;4(115):39–42.

Карпинская В.А. Экосистема как единица экономического анализа. В кн.: Системные проблемы отечественной мезоэкономики, микроэкономики, экономики предприятий: материалы II конференции Отделения моделирования производственных объектов и комплексов ЦЭМИ РАН, Москва, 12 января 2018 г. М.: Центральный экономико-математический институт РАН; 2018. С. 135–141. https://doi.org/10.33276/978-5-8211-0769-5-125-141

Wareham J., Fox P., Giner C. Technology Ecosystem Governance. Organization Science. 2013;4(25):1195–1215. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2201688

Moore J.F. The Rise of New Corporate Form. The Washington Quarterly. 1998;1:167–181. http://dx.doi.org/10.1080/01636609809550301

REFERENCES

Afanasyev V.Ya., Raichenko A.V., Polyakov M.B. Historical approaches, effective solutions and promising developments of the national school of management for the mobilization of ecosystem potential. Upravlenie / Management (Russia). 2023;3(11):5–14. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-5-14

Astafyeva O.E. Transformation of the development model of the building materials industry with consideration to changes in the economic structure during digitalisation of business processes. E-Management. 2024;1(7):4–14. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-4-14

Astafyeva O.E. Resource base of the building materials industry as the basis for sustainable development of the economy. Vestnik universiteta. 2024;1:105–111. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-1-105-111

Bekmansurova O.O. Multiplicative and synergistic effects as economic result from creation of industrial clusters. Bulletin of SamSU. 2014;4(115):39–42. (In Russian).

Karpinskaya V.A. Ecosystem as a unit of economic analysis. In: System issues of domestic mesoeconomics, microeconomics, and enterprise economics: Proceedings of the II Conference of the Production Objects and Complexes Modeling Department of the Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, January 12, 2018. Moscow: Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences; 2018. Pp. 135–141. (In Russian). https://doi.org/10.33276/978-5-8211-0769-5-125-141

Moore J.F. The Rise of New Corporate Form. The Washington Quarterly. 1998;1:167–181. http://dx.doi.org/10.1080/01636609809550301

Wareham J., Fox P., Giner C. Technology Ecosystem Governance. Organization Science. 2013;4(25):1195–1215. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2201688

УДК 336, 338 JEL J11, J16, H55 DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-1-13-23
Получено: 20.12.2024 Статья доработана после рецензирования: 03.02.2025 Принято: 10.02.2025

Анализ потенциала фонда национального благосостояния Российской Федерации для финансирования расширенных пенсионных программ в условиях современных вызовов

Дорофеев Михаил Львович
Канд. экон. наук, доц. каф. общественных финансов
ORCID: 0000-0003-2296-3978, e-mail: dorofeevml@ya.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125167, Ленинградский пр-т, 49/2, г. Москва, Россия

Аннотация

Фонд национального благосостояния Российской Федерации (далее – ФНБ) представляет собой важный инструмент для обеспечения финансовой стабильности и долгосрочной экономической безопасности государства. В условиях демографических изменений и нехватки средств для финансирования пенсионной системы возникает необходимость поиска дополнительных источников финансирования, в том числе через эффективное использование средств ФНБ. Актуальность исследования заключается в необходимости переосмысленного подхода к использованию средств фонда для решения задач долгосрочного социального обеспечения в Российской Федерации. Целью исследования является оценка потенциала ФНБ для финансирования расширенных программ пенсионного обеспечения в контексте современных вызовов и мирового опыта управления суверенными фондами. Для достижения цели применялись методы сравнительного анализа, моделирования финансовых потребностей системы пенсионного обеспечения и анализа существующей инвестиционной стратегии ФНБ. Установлено, что текущий размер ФНБ недостаточен для покрытия дефицита пенсионной системы в долгосрочной перспективе, а также выявлены ключевые ограничения для эффективного инвестирования фонда на российском финансовом рынке. Результаты исследования показали, что для реализации целей финансирования пенсионного обеспечения необходимы значительное увеличение капитала ФНБ и пересмотр его инвестиционной политики. Предложены пути оптимизации инвестиционной стратегии, включая диверсификацию активов и развитие внутренних финансовых инструментов для долгосрочных сбережений. Сделан вывод о необходимости комплексных изменений в управлении фондом, включая политические и экономические меры, направленные на рост его капитализации и повышение эффективности использования средств ФНБ.

Ключевые слова: Фонд национального благосостояния, пенсионное обеспечение, финансовая безопасность, инвестиционная стратегия, суверенные фонды, Россия, финансовая политика

Для цитирования: Дорофеев М.Л. Анализ потенциала фонда национального благосостояния Российской Федерации для финансирования расширенных пенсионных программ в условиях современных вызовов//Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 13–23. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-13-23

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

© Дорофеев М.Л., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received: 20.12.2024 Revised: 03.02.2025 Accepted: 10.02.2025

Analysis of the Russian National Wealth Fund potential for financing expanded pension programs in the context of contemporary challenges

Mikhail L. Dorofeev
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Public Finance Department
ORCID: 0000-0003-2296-3978, e-mail: dorofeevml@ya.ru

Financial University Under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky prospekt, Moscow 125167, Russia

Abstract

The Russian National Welfare Fund of Russia (hereinafter referred to as the Fund) is an important instrument for ensuring financial stability and long-term economic security of the state. In the context of demographic changes and the funds shortage to finance the pension system, there is a need to find additional sources of financing, including through the effective use of the Fund. The relevance of the study lies in the need for a rethinking approach to the use of the Fund's resources to solve the issues of long-term social security in Russia. The purpose of the study is to assess the potential of the Fund for financing extended pension provision programs in the context of modern challenges and global experience of sovereign fund management. To achieve the purpose, the methods of comparative analysis, modeling of financial needs of the pension provision system, and the Fund's existing investment strategy analysis were used. It has been established that the current size of the Fund is insufficient to cover the pension system deficit in the long term. Key limitations for the Fund's effective investment in the Russian financial market have been identified. The study results have shown that in order to realize the goals of pension financing it is necessary to significantly increase the capital of the Fund and revise its investment policy. Ways to optimize the investment strategy, including diversification of assets and internal financial instruments development for long-term savings, have been proposed. It has been concluded that comprehensive changes in the Fund's management are necessary, including political and economic measures aimed at increasing its capitalization and improving the efficiency of its assets use.

Keywords: National Wealth Fund, pension provision, financial security, investment strategy, sovereign wealth funds, Russia, financial policy

For citation: Dorofeev M.L. (2025). Analysis of the Russian National Wealth Fund potential for financing expanded pension programs in the context of contemporary challenges. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (1), pp. 13–23. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-13-23

Acknowledgements. The article was prepared based on the research results carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of Financial University Under the Government of the Russian Federation.

© Dorofeev M.L., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Фонд национального благосостояния (далее – ФНБ) Российской Федерации (далее – РФ, Россия) представляет собой часть средств федерального бюджета, подлежащих обособленному учету и управлению [Кадацкая и Суховерхова, 2024]. Одним из этих вариантов предусмотрена возможность использования средств Фонда на покрытие дефицита федерального бюджета, что в целом идентифицирует его как фонд стабилизационного или резервного типа [Князева и др., 2024]. В то же время существуют другие типы суверенных фондов, каждому из которых соответствуют своя специфическая инвестиционная политика и характер управления финансами: пенсионные резервные, сберегательные, фонды развития, специализированные корпорации и др. [Куцури, Васин, 2022].

Анализ зарубежной практики инвестирования средств суверенных фондов показывает, что в среднем значительная часть средств под управлением инвестируется в инструменты с фиксированной доходностью, в чем они похожи на ФНБ РФ. С ростом размеров суверенного фонда относительно валового внутреннего продукта (далее – ВВП) страны появляются возможности увеличивать вложения в более рискованные финансовые инструменты, например, в акции (опыт суверенных фондов Норвегии, Катара, Китая, Сингапура, Южно-Африканской Республики, Южной Кореи)[1]. Это позволяет управляющим суверенными фондами повышать коэффициент Шарпа и обеспечивать более динамичный рост стоимости чистых активов [Цвирко, 2023].

Консервативная стратегия инвестирования средств ФНБ всегда казалась противоречивой, а логика ее реализации – недостаточно прозрачной, особенно в части принятия инвестиционных решений и выбора инвестиционных активов [Лаврова, 2022]. Например, вложения в государственный долг Украины в объеме 3 млрд долл. США в 2013 г., инвестиции в различные инфраструктурные инвестиционные проекты с низкой или даже отрицательной реальной доходностью указывают на то, что ФНБ является не финансовым ресурсом долгосрочного социально-экономического развития, но инструментом политического, финансового, экономического и геополитического регулирования. Судя по показателям доходности от управления средствами ФНБ и текстам законов, которые регламентируют порядок его применения, этот суверенный фонд имеет достаточно свободы в части принятия решений Правительством РФ, чтобы оставаться низкоэффективным с экономической точки зрения. Этот факт сдерживает потенциал его развития и является предметом непрекращающихся дискуссий и критики в научном сообществе.

По данным Министерства финансов РФ, в портфеле ФНБ есть в наличии акции российских эмитентов, например, акции «Сбера» и «Аэрофлота», но их появление в этом портфеле не связано с типовыми целями портфельного инвестирования[2]. Данные финансовые активы попали в портфель ФНБ в результате принятия специальных мер государственного финансового регулирования экономики в период пандемии COVID-19. Поскольку целью инвестиций не был рост капитализации, наличие данных акций негативно сказалось на результатах управления портфелем ФНБ.

Одной из функций ФНБ является покрытие расходов бюджета Фонда пенсионного и социального страхования России в части обязательного пенсионного страхования. Актуальность развития механизмов государственного софинансирования долгосрочных сбережений и пенсионных накоплений граждан РФ подтверждается фактом сокращающейся эффективности системы пенсионного обеспечения (коэффициентами замещения утраченного заработка) [Дорофеев, 2020; Соловьев, 2022]. Анализ ранее действовавших в России программ софинансирования пенсий показал определенные положительные результаты в недалеком прошлом, которые по большей части заключались в привлечении внимания к отрасли негосударственного пенсионного обеспечения со стороны населения [Князева и др., 2023]. Переформатирование и возобновление инструмента софинансирования пенсий в рамках программ долгосрочных сбережений представляется стратегически верным решением проблемы пенсионной системы России в долгосрочной перспективе. В этом может сыграть роль ФНБ как источник финансирования таких программ.

Целью настоящего исследования является оценка потенциала применения ФНБ для финансирования расширенных программ пенсионного обеспечения в России по аналогии с лучшими мировыми практиками с учетом текущих реалий.

[1] Report on long-term investing of large pension funds and public pension reserve funds 2023. Режим доступа: https://www.oecd.org/investment/investment-policy/survey-of-large-pension-funds-2023.pdf (дата обращения: 10.12.2024).

[2] Министерство финансов. Данные о движении средств и результатах управления средствами Фонда национального благосостояния. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=93488-dannye_o_dvizhenii_sredstv_i_rezultatakh_upravleniya_sredstvami_fonda_natsionalnogo_blagososto yaniya (дата обращения: 10.12.2024).

Оценка потенциала применения ФНБ для финансирования расширенных программ пенсионного обеспечения в России / Assessing the potential of the National Welfare Fund for financing extended pension programs in Russia

Для расширения возможностей применения ФНБ на финансирование программ негосударственного пенсионного обеспечения необходимо принять ряд мер, таких как изменение типа и концепции ФНБ, увеличение его размеров относительно экономики. Решение первой задачи связано с принятием политических решений, в то время как цель по увеличению размеров фонда достигается совокупностью согласованных действий, в том числе экономического характера.

Развитие данной идеи и соответствующее ей моделирование целесообразно начинать с оценки требуемых финансовых ресурсов для выполнения главной задачи фонда – софинансирования пенсионных сбережений или финансирования недостающих средств для доведения коэффициента замещения утраченного заработка до целевого значения. Второе рассчитывается как дефицит финансирования системы пенсионного обеспечения в расчете на среднестатистического пенсионера с учетом коэффициента замещения в 40 % от среднегодовой заработной платы [Берзон, Дорошин, 2012; Дорофеев, 2020; Павлова, 2023; Талдонова, 2021]. Если взять за основу официальные данные, то в расчете на общую численность неработающих пенсионеров в России, которых на 2023 г. было около 33,2 млн чел. (общая численность пенсионеров на конец 2023 г. составляла 41,78 млн чел.), дефицит финансирования страховой пенсии по старости составит 268,43 млрд руб. в месяц, или 3,22 трлн руб. в год (денежные средства, необходимые для доведения коэффициента замещения утраченного заработка до 40 %).

Из этого следует, что требуемая величина ликвидной части ФНБ, которую необходимо инвестировать в безрисковые финансовые инструменты с целью получения фиксированного дохода на покрытие дефицита финансирования пенсионной системы, должна составлять около 39–40 трлн руб. и выше. В таком случае появится возможность получать доход в размере 268,4 млрд руб. при среднегодовой ставке доходности в размере 8,2 %[3]. Напомним, что размер ФНБ на конец 2024 г. составляет 13,1 трлн руб. (6,8 % ВВП). Следовательно, для достижения цели по покрытию дефицита пенсионной системы из средств ФНБ необходимо увеличить его размер минимум в три раза. Чем больше будет размер ФНБ (в % к ВВП), тем больше возможностей по его использованию в роли источника финансирования расширенных социальных обязательств появится у государства.

Увеличение объемов ФНБ в текущих условиях представляется не только сложнореализуемой задачей, но и спорной идеей в связи с тем, что данный фонд является резервным и используется на покрытие дефицита федерального бюджета, а в условиях длительного кризиса его ресурсы могут оказаться чрезвычайно востребованными [Сафронов, Угодников, 2022]. Это обусловлено очевидными причинами, среди которых высокие реальные процентные ставки, делающие кредит чрезмерно дорогим для бюджета, а также сохраняющаяся тенденция опережающего роста оборонных расходов, требующая дополнительного финансирования[4]. Дефицит финансовых ресурсов в современных условиях покрывается не из новых долгов России, но за счет повышения налогов, тарифов естественных монополий, использования имущества, находящегося в государственной собственности, а также иных источников.

Существование финансового механизма ФНБ и связанных с ним бюджетных правил позволило Правительству РФ ввести в практику инструмент снижения зависимости федерального бюджета от внешней сырьевой конъюнктуры и колебаний цен на сырье. Эффективность данного инструмента в части преодоления кризисов оказалась высокой, а в части стимулирования экономического роста – достаточно неоднозначной [Дорофеев, 2023]. Полный отказ от ФНБ не кажется целесообразным даже в таких сложных условиях и враждебной внешней среде, как период 2022–2024 гг.

В долгосрочной перспективе вероятны наступление значительных перемен, сокращение части или всех геополитических рисков, восстановление благоприятной внешней среды и инвестиционного климата и нормализация бюджетных расходов на оборону, которые в 2023–2025 гг. являются одним из наиболее мощных внутренних проинфляционных факторов. Сокращение рублевой инфляции позволит Правительству РФ вернуться к проведению безопасной и эффективной долговой политике, постепенно восстанавливать размер ФНБ до его средних исторических, а также более высоких значений, которые могли бы быть пригодными для решения расширенного комплекса задач, выходящих за рамки базовой цели по созданию

[3] Примерная ставка доходности из расчета долгосрочной средней доходности по биржевым инструментам с фиксированной доходностью для рублевых активов по данным Московской биржи (средняя за 10 лет).

[4] Министерство финансов. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304155-osnovnye_napravleniya_byudzhetnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_na_2024_god_i_na_planovyi_period_2025_i_2026_godov (дата обращения: 10.12.2024).

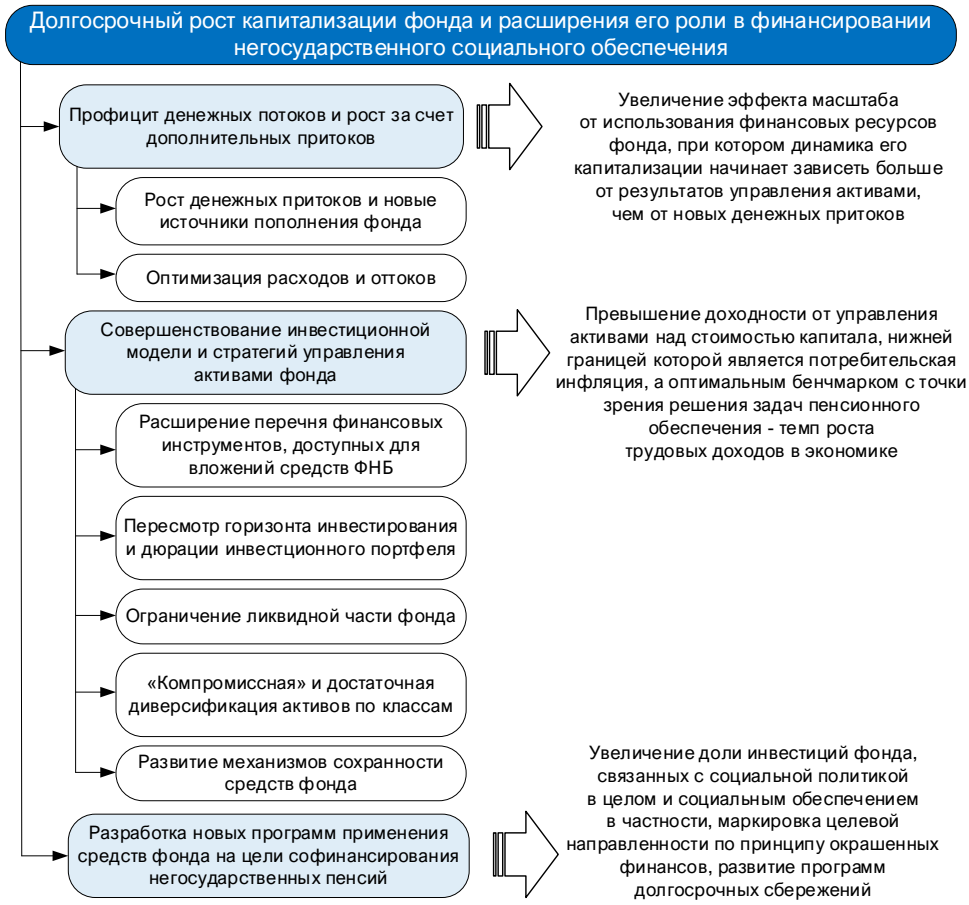
бюджетных резервов в рамках проведения контрциклической бюджетной политики.

Рост капитализации ФНБ до более высоких значений в долгосрочной перспективе сохраняет свою актуальность. Данную идею можно реализовывать в нескольких направлениях (рисунок).

Инвестиционные стратегии для ФНБ: возможен ли уход от парадигмы инвестирования в инструменты с фиксированной доходностью? / Investment strategies for the National Welfare Fund: Is a shift away from fixed-income investment paradigm possible?

Функции суверенных фондов резервного и стабилизационного типа (таких как ФНБ РФ) состоят не столько в максимизации дохода от инвестирования, сколько в обеспечении сохранности имеющихся под управлением финансовых ресурсов, то есть изначально предназначены для вложения в инструменты, в той или иной мере обеспечивающие определенные гарантии возврата капитала. Дефицит предложения на российском финансовом рынке подобных инструментов с ожидаемой доходностью выше уровня рублевой инфляции, а также действующие законодательные ограничения для инвестиционной политики фондов являются сдерживающими факторами для развития ФНБ в долгосрочной перспективе.

Открытая информация о рисках и доходностях различных классов активов указывает на то, что российский финансовый рынок предоставляет меньше инвестиционных возможностей, чем мировые финансовые центры, в первую очередь из-за высоких рисков и инфляции (таблица).



Составлено автором по материалам исследования

Рисунок. Направления повышения эффективности использования средств ФНБ и роста его капитализации для развития системы негосударственного пенсионного обеспечения

Figure. Directions for improving the efficiency of the use of the National Welfare Fund and growth of its capitalization for the non-state pension provision system development

Таблица

Инвестиционные возможности финансового рынка на примере Соединенных Штатов Америки, сегмента без учета Соединенных Штатов Америки, развивающихся рынков, рынка России

Table. Financial market investment opportunities by example of the USA, segment excluding the USA, emerging markets, and Russian market

Класс активов	Среднегод. номин. доходность	Премия за риск (минус безриск. доходность)	Превыш. доходности над потр. инфляцией	Превыш. доходности над БМ 1 (строки 12 для USD и 21 для руб.)	Превыш. доходности над БМ 2 (строки 13 для USD и 22 для руб.)	Стандартн. отклонение доходности	Коэффициент Шарпа (по инструментам ден. рынка)		Коэффициент Шарпа (реальная доходность)		Коэффициент Шарпа БМ1		Коэффициент Шарпа БМ2	
							значение	ранг	значение	ранг	значение	ранг	значение	ранг
Акции развивающихся рынков	12,20	11,50	9,39	11,79	9,12	28,80	0,399	7	0,326	4	0,409	7	0,317	4
Акции развитых рынков (кроме США)	7,60	6,90	4,79	7,19	4,52	21,60	0,319	8	0,222	7	0,333	8	0,209	6
Акции малой капитализации США	9,10	8,40	6,29	8,69	6,02	17,90	0,469	5	0,351	2	0,485	5	0,336	2
Фонды недвижимости REITs	8,50	7,80	5,69	8,09	5,42	17,10	0,456	6	0,333	3	0,473	6	0,317	3
Акции крупной капитализации США	9,60	8,90	6,79	9,19	6,52	16,10	0,553	3	0,422	1	0,571	3	0,405	1
Золото	3,20	2,50	0,39	2,79	0,12	14,00	0,179	11	0,028	12	0,199	9	0,008	9
Высокодоходные облигации США	5,50	4,80	2,69	5,09	2,42	10,20	0,471	4	0,264	5	0,499	4	0,237	5
Рынок облигаций США (в среднем)	4,10	3,40	1,29	3,69	1,02	5,10	0,667	2	0,253	6	0,723	2	0,200	7
Рынок облигаций за пределами США (в среднем)	3,60	2,90	0,79	3,19	0,52	4,30	0,674	1	0,184	8	0,741	1	0,121	8
Инструменты денежного рынка	0,70	0,00	– 2,11	0,29	– 2,38	2,00	0,000	13	– 1,055	13	0,143	10	– 1,191	10
Справочно, данные инфляции и рынка труда США (бенчмарки доходности для ФИМСО)														
Долгосрочная средняя инфляция в США с 1985 г. по н.в.	2,81	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Долгосрочная средняя роста номинальной медианы заработной платы в США с 1985 г. по н.в.	0,41	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Долгосрочная средняя роста средней почасовой заработной платы в США с 2006 г. по н.в.	3,08	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Данные по Российской Федерации (рублевые значения доходностей и риска)														
Индекс полной доходности Мосбиржи 1997-2023 гг.	16,70	8,47	3,58	– 2,30	–	36,50	0,232	9	0,100	10	– 0,060	12	–	–
Индекс полной доходности Мосбиржи 2003-2023 гг.	15,70	7,47	7,30	1,70	–	40,40	0,185	10	0,180	9	0,040	11	–	–
Индекс доходности корпоративных облигаций 2003-2023 гг.	8,70	0,47	0,30	– 5,30	–	7,20	0,065	12	0,040	11	– 0,740	13	–	–

Окончание таблицы

Класс активов	Среднегод. номин. доходность	Премия за риск (минус безриск. доходность)	Превыш. доходности над потр. инфляцией	Превыш. доходности над БМ 1 (строки 12 для USD и 21 для руб.)	Превыш. доходности над БМ 2 (строки 13 для USD и 22 для руб.)	Стандартн. отклонение доходности	Коэффициент Шарпа (по инструментам ден. рынка)		Коэффициент Шарпа (реальная доходность)		Коэффициент Шарпа БМ1		Коэффициент Шарпа БМ2	
							значение	ранг	значение	ранг	значение	ранг	значение	ранг
Индекс доходности государственных облигаций 2014-2023 гг.	8,23	–	–	–	–	7,00	–	–	–	–	–	–	–	–
Доходность банковского депозита 2003-2023 гг.	8,20	–	–	–	–	2,30	–	–	–	–	–	–	–	–
Инфляция в России 1997-2024 гг.	13,12	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Инфляция в России 2003-2023 гг.	8,40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Долгосрочная средняя заработная плата 1997-2023 гг.	19,00	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Долгосрочная средняя заработная плата 2003-2023 гг.	14,00	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечания: БМ1 – бенчмарк 1 (среднегодовой темп роста средней заработной платы за максимальный период), БМ2 – бенчмарк 2 (среднегодовой темп роста средней заработной платы за среднесрочный период). Средние показатели по строкам 1–10 рассчитаны по данным за период 1985–2020 гг. Риски и доходности представлены в исчислении в долл. США. Данные по российскому рынку брались за два периода, поскольку для рынка облигаций в открытых источниках есть информация только за период 2014–2023 гг. США – Соединенные Штаты Америки

Составлено автором по материалам источников[1,2]

[1] Ranking Asset Classes by Historical Returns (1985–2020). Режим доступа: https://www.visualcapitalist.com/historical-returns-by-asset-class/ (дата обращения: 10.12.2024).

[2] Доходности портфелей из российских бумаг, банковских депозитов и инфляция, 2003–2023. Режим доступа: https://www.dohod.ru/blog/doxodnosti-portfelej-iz-rossijskix-bumag-bankovskix-depozitov-i-inflyacziya-2003-2023 (дата обращения: 10.11.2024).

Высокий уровень рублевой инфляции и темпы роста номинальных заработных плат практически не оставляют других вариантов для получения реальной доходности, кроме как индексного инвестирования в рынок акций. Полная доходность рынка акций России за период его существования показывает среднюю доходность в районе 16,7 % годовых в рублевом эквиваленте. Сопоставление данных значений с показателями глобального финансового рынка и ранжирование данных (столбцы 9, 11, 13 табл. 1) показывают, что у отечественного финансового рынка один из самых низких значений коэффициента Шарпа. Рынок облигаций с трудом обгоняет рублевую инфляцию, но не обгоняет рублевые темпы роста средней заработной платы. Таким образом, возможностей для обеспечения реальной доходности на российском фондовом рынке меньше, чем на глобальном, а введенные против России западные санкции их еще больше сократили.

Определенные гарантии доходности и возврата капитала при инвестировании в рынок акций возможны при удлинении горизонта инвестирования до 15–20 лет [Иванов, Соколова, 2024]. Расширение лимитов для долевых инструментов в инвестиционном портфеле ФНБ возможно только с ростом его размера до уровней, когда его резервная часть (7 % ВВП) будет составлять около 20–30 %. Из этого следует, что целевая стоимость чистых активов ФНБ должна составлять около 23–24 % ВВП.

Повышение эффективности системы негосударственного пенсионного обеспечения на основе использования средств ФНБ целесообразно проводить за счет развития новых финансовых инструментов, аналогичных программам долгосрочных сбережений, ИИС-3, инфраструктурных облигаций с гарантированным доходом и др., которые обеспечивают сохранность вложений и доходность не ниже инфляции, а лучше на уровне темпов роста средней заработной платы в экономике (трудового дохода, который требуется заместить после выхода на пенсию). Для положительного экономического эффекта в этом направлении только одной разработки новых финансовых инструментов и программ долгосрочных сбережений недостаточно. Без устойчивого и быстрого роста экономики практически невозможно ни нарастить капитализацию ФНБ, ни обеспечить качественные финансовые инструменты и инвестиционные активы для долгосрочных сбережений. Принимая во внимание частичную изоляцию российского финансового рынка от внешнего сектора, необходимо прикладывать адекватные усилия для развития внутреннего финансового рынка, соответствующего текущим потребностям экономики страны.

Задача обеспечения валютной диверсификации активов ФНБ: есть ли решение в текущих условиях? / The task of ensuring currency diversification of the National Welfare Fund assets: Is there a solution in the current environment?

По состоянию на середину 2024 г. около 650 млрд руб., или 5 % средств ФНБ, размещено на банковских депозитах в ВЭБ.РФ с рублевой доходностью в интервале 4,75–6,0 %, то есть значительно (почти в два раза) ниже среднегодоводой рублевой инфляции за последние 10 лет[5]. При этом золотовалютная структура ФНБ по состоянию на 1 июня 2024 г. представлена всего лишь тремя видами инструментов валютного рынка – китайскими юанями, золотом и рублями.

Возможность проведения валютной диверсификации активов ФНБ в прошлом позволяла получать достаточно высокую рублевую доходность на капитал, однако в текущих условиях в данной области возникли заметные затруднения [Балынин, 2024; Бенашвили, 2023]. Слабая валютная диверсификация ФНБ значительно увеличивает дисперсию его доходности в валютном исчислении в среднесрочной перспективе. Вместе с тем причины такой трансформации структуры активов фонда понятны и обусловлены объективными обстоятельствами – международными санкциями и де-факто экономической войной стран так называемой группы G7 против России.

Несмотря на то что в научной литературе периодически высказываются идеи о целесообразности валютной диверсификации портфеля ФНБ на основе пула «дружественных» валют (индийская рупия, бразильский реал, южноафриканский рэнд и другие валюты стран БРИКС), по словам Н.С. Шмиголь, в сложившихся условиях такие идеи сложно назвать рациональными [Шмиголь, 2020]. Совершенно очевидно, что накопление слабых и стабильно обесценивающихся валют, которые совсем не используются или используются в незначительных объемах во внешнеторговых операциях России, – это ошибочная инвестиционная стратегия, которая приведет к значительным убыткам в долгосрочной перспективе, не принесет никакого купонного или инвестиционного дохода и только сократит финансовый потенциал ФНБ в долгосрочной перспективе.

Представляется нецелесообразным инвестировать в инструменты с фиксированной доходностью, номи-

[5] Министерство финансов. Сведения о размещении средств ФНБ на депозитах в ВЭБ.РФ. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/nationalwealthfund/statistics?id_57=117699-svedeniya_o_razmeshchenii_sredstv_fnb_na_depozitakh_v_veb.rf (дата обращения: 10.12.2024)

нированные во второстепенных (не резервных) валютах, которые не входят в расчет индекса долл. США (DXY), за исключением финансовых активов, номинированных в китайском юане. Это обусловлено высокой инфляцией в странах-эмитентах подобных валют, высокой волатильностью и устойчивой девальвацией валютных курсов, что делает такого рода вложения более рискованными, чем вложения в рублевые активы, ухудшая качество инвестиционного портфеля ФНБ.

В сложившихся условиях классическая валютная диверсификация портфеля активов ФНБ не представляется ни возможной, ни целесообразной по соображениям обеспечения финансовой безопасности и сохранности располагаемых накоплений. В долгосрочной перспективе это могло бы быть приемлемо, но только при условии стабилизации глобальной финансовой инфраструктуры, устранения всех существующих ограничений, предоставления гарантий неприкосновенности права собственности и восстановления эффективных механизмов и инструментов его обеспечения и защиты.

Учитывая решения западных стран в 2022 г. о блокировке российских суверенных резервов на сумму около 300 млрд долл. США (по текущему курсу эта сумма равна 27,5 трлн руб., и она превышает текущий размер ФНБ в 2,3 раза), международный опыт управления активами суверенных фондов следует рассматривать с большими оговорками, особенно в части открытости и прозрачности, диверсификации, этических составляющих и законности (по меркам международного права).

Заключение / Conclusion

Проведен всесторонний анализ потенциала Фонда национального благосостояния России для финансирования расширенных программ пенсионного обеспечения в современных экономических и социальных условиях. Исследование показало, что, несмотря на явные преимущества ФНБ как инструмента для стабилизации финансовой ситуации и обеспечения долгосрочных резервов, его текущий размер и структура активов существенно ограничивают возможности использования фонда для целей долгосрочного пенсионного обеспечения.

В процессе анализа выявлен ряд проблем и вызовов, с которыми сталкивается ФНБ в контексте софинансирования программ негосударственного пенсионного обеспечения. Прежде всего, это недостаточная капитализация фонда для покрытия дефицита пенсионных выплат в долгосрочной перспективе. На 2024 г. размер ФНБ составляет лишь 6,8 % от ВВП, что в несколько раз меньше необходимого уровня для полноценного финансирования пенсионных обязательств, при этом требуемая ликвидная часть фонда, ориентированная на покрытие дефицита пенсионной системы, должна составлять около 39–40 трлн руб.

Структура активов ФНБ, ориентированная преимущественно на стабильные финансовые инструменты с фиксированной доходностью, не соответствует оптимальной модели для долгосрочного и высокодоходного инвестирования, необходимого для покрытия растущих обязательств пенсионной системы. Этим объясняется низкая эффективность текущей инвестиционной стратегии, в том числе неэффективные вложения в акции и инфраструктурные проекты с отрицательной реальной доходностью, которые не способствуют увеличению капитализации фонда в долгосрочной перспективе.

Анализ мировых практик управления суверенными фондами показывает, что многие страны, обладающие крупными суверенными фондами, постепенно перераспределяют активы в сторону более рискованных, но потенциально более доходных инвестиционных инструментов, таких как акции, частные инвестиции и венчурный капитал. Однако для перехода к более рискованным стратегиям в России требуется увеличение размера ФНБ, что позволит диверсифицировать его активы и создать необходимый финансовый резерв для покрытия обязательств в долгосрочной перспективе. Без увеличения объемов фонда на два–три раза как минимум не представляется возможным создание эффективной пенсионной системы, способной обеспечить достойное качество жизни пенсионерам в будущем.

Одним из ключевых выводов настоящего исследования является необходимость пересмотра концепции и стратегии управления ФНБ с учетом более активного использования его ресурсов для финансирования расширенных пенсионных программ. Применение накопленного опыта зарубежных стран может стать основой для разработки долгосрочной стратегии ФНБ, ориентированной не только на стабильность, но и на рост. При этом особое внимание следует уделить созданию новых финансовых инструментов, которые будут способствовать увеличению доходности фонда без существенного увеличения рисков. Важно также учитывать необходимость формирования устойчивого внутреннего финансового рынка, который мог бы предоставить необходимые инструменты для долгосрочных сбережений.

Важным шагом на пути к эффективному использованию ФНБ является расширение инвестиционных возможностей фонда за счет внедрения новых типов активов, таких как инфраструктурные и долгосрочные облигации, программы с фиксированным доходом,

а также разработка новых форм государственного и частного софинансирования. Однако, несмотря на все теоретические преимущества, практическое воплощение таких стратегий требует значительных усилий со стороны государства в области финансовой политики, а также развития институтов гражданского общества и повышения финансовой грамотности населения.

С учетом существующих вызовов, включая демографическое старение населения, кризисные явления на внешних рынках и ограничения, накладываемые международными санкциями, управление ФНБ должно оставаться гибким и адаптивным к изменениям внешнеэкономической ситуации. В этом контексте реализация стратегии роста фонда, направленной на создание устойчивой базы для социального обеспечения, является не только экономической, но и социальной необходимостью.

Потенциал ФНБ как источника финансирования расширенных пенсионных программ в России остается значительным, однако для его реализации требуется комплексная стратегия, включающая увеличение капитализации фонда, диверсификацию активов, реформу пенсионной системы и создание новых финансовых инструментов. Только в таком случае возможно обеспечить долгосрочную финансовую стабильность и эффективное пенсионное обеспечение для будущих поколений граждан России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аблаев Э.Ю., Сударев Д.А. Бюджетные правила в системе приоритетов бюджетной политики России. ЭКО. 2024;5(54):202–223.

Балынин И.В. Трансформация золотовалютной структуры Фонда национального благосостояния в условиях актуальной геоэкономической реальности. Фундаментальные исследования. 2024;10:10–15. https://doi.org/10.17513/fr.43681

Бенашвили И.С. Современные вызовы и перспективы пенсионной системы в России. Экономическая безопасность. 2023;4(15).

Берзон Н.И., Дорошин Д.И. Особенности применения показателей эффективности финансовых инвестиций. Финансы и кредит. 2012;14(494):21–34.

Дорофеев М.Л. Актуальные проблемы управления средствами Фонда национального благосостояния РФ и пути их решения. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Экономика. Информатика. 2019;4(46):652–668. https://doi.org/10.18413/2411-3808-2019-46-4-652-668

Дорофеев М.Л. Особенности управления Фондом национального благосостояния РФ в современных условиях. Известия высших учебных заведений. Экономика, финансы и управление производством. 2020;1(43):12–19.

Дорофеев М.Л. Трансформация пенсионной системы в России в условиях глобальных вызовов: пути и решения. Финансовая политика. 2023;3(21):77–89.

Иванов В.И., Соколова Л.Е. Роль государственной финансовой поддержки пенсионных программ в условиях глобальных экономических изменений. Экономика и прогнозирование. 2024;2(22):98–110.

Кадацкая С.В., Суховерхова С.П. Фонды, формируемые за счет нефтегазовых доходов бюджета: российский и зарубежный опыт. В кн.: Система финансового права в условиях цифровой трансформации экономических отношений: доктрина и правовая реальность: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 25 ноября 2022 г. М.: Российский государственный университет правосудия; 2023.

REFERENCES

Ablaev E.Yu., Sudarev D.A. Budgetary Rules in the System of Priorities of the Budgetary Policy of Russia. ECO. 2024;5(54):202–223. (In Russian).

Balynin I.V. Transformation of gold and currency structure of the National Welfare Fund in current geo-economic reality. Fundamental Research. 2024;10:10–15. (In Russian). https://doi.org/10.17513/fr.43681

Benashvili I.S. Modern challenges and prospects of the Russian pension system. Economic Security. 2023;4(15). (In Russian).

Berzon N.I., Doroshin D.I. Peculiarities of application of financial investments efficiency indicators. Finance and Credit. 2012;14(494):21–34. (In Russian).

Dorofeev M.L. Actual financial strategies for management of Russian National Welfare Fund. Nauchnye vedomosti Belgorodogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Informatika. 2019;4(46):652–668. (In Russian). https://doi.org/10.18413/2411-3808-2019-46-4-652-668

Dorofeev M.L. Financial strategies for the National Welfare Fund of the Russian Federation in modern conditions. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom. 2020;1(43):12–19. (In Russian).

Dorofeev M.L. Transformation of the Russian pension system in the conditions of global challenges: strategies and solutions. Finansovaya politika. 2023;3(21):77–89. (In Russian).

Ivanov V.I., Sokolova L.E. Role of state financial support of pension programs in the conditions of global economic changes. Ekonomika i prognozirovanie. 2024;2(22):98–110. (In Russian).

Kadatskaya S.V., Sukhoverkhova S.P. Funds formed at the expense of oil and gas revenues of the budget: Russian and foreign experience. In: Financial law system in the conditions of digital transformation of economic relations: Doctrine and legal reality: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 25, 2022, Moscow: Russian State University of Justice; 2023. (In Russian).

Knyazeva E.G., Shadurskaya M.M., Boitush O.A. et al. Sovereign funds: Theory, evolution, foreign experience. Ekaterinburg: Ural Federal University; 2023. 126 p. (In Russian).

Kutsuri G.N., Vasin E.A. Sovereign funds management. Moscow: Unity-Dana; 2022. 198 p. (In Russian).

Князева Е.Г., Шадурская М.М., Бойтуш О.А. и др. Суверенные фонды: теория, эволюция, зарубежный опыт. Екатеринбург: Уральский федеральный университет; 2023. 126 с.

Куцури Г.Н., Васин Е.А. Управление суверенными фондами. М.: Юнити-Дана; 2022. 198 с.

Лаврова С.Ю. Долгосрочные экономические прогнозы для пенсионной системы России: текущие тенденции и вызовы. Проблемы социальной политики. 2022;4(17):46–59.

Павлова Н.В. Модели пенсионного обеспечения в странах с развивающейся экономикой: опыт и уроки для России. Вестник экономической теории. 2023;3(6):55–71.

Сафонов А.Л., Угодников К.В. Индексация пенсионных выплат: поиски баланса между инфляцией и изменением заработной платы в экономике. Финансы: теория и практика. 2022;1(26):156–168. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-1-156-168

Соловьев А.К. Проблемы применения коэффициента замещения как критерия эффективности пенсионной системы России. Проблемы прогнозирования. 2022;2(191):80–93.

Талдонова С.С. Промежуточные итоги и уроки программы софинансирования пенсий. Сибирская финансовая школа. 2021;3:73–78. https://doi.org/10.34020/1993-4386-2021-3-73-78

Цвирко С.Э. Суверенные фонды Сингапура: особенности инвестирования в современных условиях. Мировая экономика и мировые финансы. 2023;2(2):23–29. https://doi.org/10.24412/2949-6454-2023-0100

Шмиголь Н.С. Изменение инвестиционных стратегий суверенных фондов благосостояния. Финансовая жизнь. 2020;4:85–87.

Lavrova S.Yu. Long-term economic forecasts for the Russian pension system: Current trends and challenges. Social policy issues. 2022;4(17):46–59. (In Russian).

Pavlova N.V. Pension provision models in countries with developing economies: Experience and lessons for Russia. Vestnik ekonomicheskoi teorii. 2023;3(6):55–71. (In Russian).

Safonov A.L., Ugodnikov K.V. Indexation of pension payments: Finding a balance between inflation and wage changes in the economy. Finance: Theory and Practice. 2022;1(26):156–168. (In Russian). https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-1-156-168

Shmigol N.S. Changing the investment strategies of sovereign wealth funds. Financial Life. 2020;4:85–87. (In Russian).

Soloviev A.K. Problems of Application of the Substitution Coefficient as a Criterion of Efficiency of the Pension System of Russia. Studies on Russian Economic Development. 2022;2(191):80–93. (In Russian).

Taldonova S.S. Interim results and lessons of the pension co-financing program. Siberian Financial School. 2021;3:73–78. (In Russian). https://doi.org/10.34020/1993-4386-2021-3-73-78

Tsvirko S.E. Sovereign funds of Singapore: features of investment under modern conditions. World Economy and World Finance. 2023;2(2):23–29. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2949-6454-2023-0100

УДК 332.14 JEL L52 DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-1-24-37
Получено: 19.01.2025 Статья доработана после рецензирования: 28.02.2025 Принято: 10.03.2025

Адаптация российской промышленности к социально-экономическим изменениям в регионах: вызовы и перспективы

Вагин Сергей Геннадьевич
Д-р экон. наук, советник при ректорате
ORCID: 0000-0003-4328-8713, e-mail: sg_vagin@guu.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Проведен всесторонний анализ процесса адаптации российской промышленности к современным вызовам и поиска путей повышения ее конкурентоспособности в условиях стремительных изменений социально-экономических условий функционирования регионов. Рассмотрены адаптационные механизмы развития региональных промышленных секторов под влиянием современных тенденций изменения социально-экономической сферы и преобразования в обществе и экономике Российской Федерации. Изучена региональная промышленность как основной структурный элемент национальной экономики в процессе адаптации к этим изменениям. Выявлены основные факторы, вызывающие процесс стагнации запуска адаптационного развития промышленного сектора, – дефицит объема высококвалифицированных кадров, мотивационные проблемы, необходимость автоматизации и цифровизации производства в совокупности с низким уровнем материально-технической базы ряда предприятий в регионах, недостаток цифровизации производства, сокращение объемов продукции в рамках экспортной реализации, вызванное санкциями, а также внутренние причины, которые вынуждают производить поиск путей адаптации региональной промышленности к преобразованиям в обществе и экономике. Использованы методы классификации и систематизации данных, визуализации информационно-аналитических показателей, факторного анализа, голографический метод анализа литературных источников, методы информационного анализа и синтеза. Применен системный подход к изучению заявленной темы исследования. На основе проведенных исследований сделаны выводы о том, что региональная промышленность должна оперативно реагировать на внешние и внутренние факторы с помощью доступного инструментария – увеличения инвестиционной привлекательности предприятий, развития приоритетных секторов с учетом их территориальных особенностей, обеспечивая таким образом развитие собственного промышленного комплекса региона с учетом инновационного характера адаптированных производственных процессов. Для развития данной системы следует модернизировать организационно-управленческие структуры, создать фундаментальные основы для возможностей преодоления кризисных ситуаций в промышленности на фоне социально-экономических трансформаций общества.

Ключевые слова: промышленность, Российская Федерация, социально-экономические изменения, предприятие, экономика, промышленный сектор, промышленный комплекс региона, производство, адаптация промышленности, инвестиционная привлекательность, инновации

Для цитирования: Вагин С.Г. Адаптация российской промышленности к социально-экономическим изменениям в регионах: вызовы и перспективы//Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 24–37. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-24-37

© Вагин С.Г., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received: 19.01.2025 Revised: 28.02.2025 Accepted: 10.03.2025

Adapting Russian industry to regional social and economic changes: challenges and prospects

Sergey G. Vagin
Dr. Sci. (Econ.), Advisor to the Rector's Office
ORCID: 0000-0003-4328-8713, e-mail: sg_vagin@guu.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

A comprehensive analysis of the process of adapting Russian industry to modern challenges and the search for ways to improve its competitiveness under rapid changes in social and economic conditions of regional functioning has been carried out. The adaptation mechanisms of regional industrial sectors development under the influence of modern trends of changes in the social and economic sphere and transformation in society and economy in Russia have been considered. The regional industry as the main structural element of the national economy in the process of adaptation to these changes has been studied. The main factors causing the process of stagnation of start-up adaptation development of the industrial sector have been revealed: highly qualified personnel volume deficit, motivational issues, the need for production automation and digitalization in conjunction with the low level of material and technical base of a number of enterprises in the regions, the lack of production digitalization, production volume reduction within the framework of export sales caused by sanctions, as well as internal reasons that force to search for ways of the regional industry adaptation to the changes in the social and economic situation in Russia. Methods of data classification and systematization, visualization of information and analytical indicators, factor analysis, holographic method of literary sources analysis, methods of information analysis and synthesis were used. A systematic approach to the study of the stated research topic has been applied. On the basis of the conducted research it has been concluded that the regional industry should promptly respond to external and internal factors with the help of available tools such as increasing the investment attractiveness of enterprises, priority sectors development considering their territorial characteristics, thus ensuring the regional industrial complex development considering the innovative nature of adapted production processes. For developing this system it is necessary to modernize organizational and management structures and to create fundamental foundations for the opportunities to overcome crisis situations in industry against the background of social and economic society transformations.

Keywords: industry, Russian Federation, social and economic changes, enterprise, economy, industrial sector, regional industrial complex, production, industrial adaptation, investment attractiveness, innovation

For citation: Vagin S.G. (2025). Adapting Russian industry to regional social and economic changes: challenges and prospects. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (1), pp. 24–37. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-24-37

© Vagin S.G., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Приоритетной основой материального производства практически любого современного государства выступает промышленная сфера, которая составляет большую часть валового внутреннего продукта страны. В условиях индустриализации уровень функционала промышленности Российской Федерации (далее – РФ, Россия) формирует ядро преобразований и модернизации национальной экономики в соответствии с текущими темпами социально-экономического развития. Промышленность – сложная совокупность производственных, логистических, финансово-экономических процессов, которые находятся в зависимости от влияния многих внешних факторов. Региональная специфика промышленности позволяет выделить эти факторы, систематизировать их и на основе проведенного анализа выявить прямую и косвенную связь между контактирующими элементами системы, тем самым позволяя эффективно регулировать деятельность промышленного комплекса хозяйствующего субъекта.

Сегодня этот вопрос особенно актуален, если рассматривать не только национальную экономику отдельно взятой страны, но и мировую экономику в целом. Региональная конкуренция в отраслях промышленности возрастает, напрямую влияя на уровень экономического развития государства. Поддержание высоких темпов адаптации к быстро изменяющимся трендам мировой экономики возможно только в регионах с устойчивой активной позицией промышленного комплекса.

В последнее десятилетие XXI в. экономика России испытывает сильное давление ввиду вынужденного взаимодействия со многими кризисными явлениями, вызванными политическими, социально-экономическими и демографическими факторами. В связи с этим текущий этап развития регионов страны сталкивается с рядом проблем. В масштабах государства, занимающего первое место по площади среди всего мирового сообщества, общий уровень производительности очень низкий, что связано с отрицательной демографической тенденцией, оттоком специалистов из малых населенных пунктов в крупные мегаполисы и за рубеж. Этот фактор тормозит развитие локальных территорий с неравномерной плотностью населения и региональной спецификой действующей промышленности.

В контексте ожидаемого устойчивого развития национальной экономики существует еще несколько явных проблем, тормозящих работу промышленного сектора:

• товары российского производства имеют низкую конкурентоспособность по сравнению с зарубежными, что можно наблюдать как на внутреннем рынке страны, так и за ее пределами;

• регионы РФ имеют низкий уровень финансовых возможностей в совокупности с высокой зависимостью от средств федерального бюджета, что замедляет экономический рост субъектов и сказывается на ухудшении инфраструктуры населенных пунктов и социальной среды;

• региональная экономика является структурной частью национальной экономики страны, что обеспечивает зависимость существующей экономической системы от социально-экономических изменений в регионах, однако имеет место их низкая инвестиционная привлекательность из-за систематических изменений геополитического и макроэкономического характера, а также отсутствия в регионах приоритетного для потенциальных инвесторов уровня модернизации инфраструктурных и производственных объектов.

Рассматривая регионы как часть структурной экономической политики России, автор исследования считает, что перспективными векторами ее развития будут следующие направления:

• ускорение темпов индустриализации с учетом влияния на нее социально-экономической составляющей;

• повышение роста экономических показателей за счет контроля качества существующих производственных процессов и выпускаемых товаров и услуг отечественного производства с целью увеличения их конкурентоспособности на внешних и внутренних рынках страны, как итог – увеличение путей стабильного сбыта экспортной продукции;

• расширение номенклатуры выпускаемых экспортных товаров и услуг (диверсификация), что позволит национальной экономике приобрести иммунитет к негативным последствиям, вызванным неблагоприятными торгово-экономической и политической ситуациями, связанными с ухудшением условий торговли на доступных площадках для реализации экспортной продукции;

• повышение привлекательности региональной промышленности для базовых трудовых резервов субъекта с учетом их оптимального размещения на территории региона, профессиональных навыков и готовности к работе с новыми технологиями, производственными процессами и методами на промышленных предприятиях, реализующих активную инновационную политику в рамках повышения и сохранения высоких показателей конкурентоспособности производимой продукции.

Регионы играют ведущую роль в оценке эффективности промышленного сектора страны, так как они показательно реагируют на любые структурные преобразования, произошедшие с теми или иными производственными объектами. Это отражается в отрицательной или положительной динамике показателей социально-экономического уровня развития региона.

Быстро сменяющие друг друга преобразования в современной мировой экономике и внешние политические факторы, действующие в намеренно негативном направлении на снижение экономического потенциала России, создают необходимость обособления положительного опыта формирования стратегий адаптации промышленного сектора экономики к социально-экономическим изменениям в регионах. Сегодня это отражено в реализации проектов новой индустриализации в контексте экономического развития страны, а также в процессах формирования устойчивой региональной экономики с опорой на промышленный сектор.

Для актуализации заявленной проблематики необходимо выполнить следующие задачи:

• исследовать региональную промышленность как основной структурный элемент национальной экономики в процессе адаптации к изменениям социального и экономического характера под влиянием внешних и внутренних факторов;

• выявить основные факторы, вызывающие процесс стагнации запуска адаптационного развития промышленного сектора;

• исследовать совокупность актуальных стратегий адаптации промышленного сектора к социально-экономическим изменениям в регионе;

• провести оценку Вологодской области с учетом социально-экономических тенденций региона в рамках адаптации к условиям функционирования современной отечественной экономики.

Цель и задачи исследования / The purpose and objectives of the study

Современные условия хозяйствования характеризуются высокой динамикой изменений во всех сферах экономики, включая промышленное производство. Региональная промышленность, будучи важнейшей составляющей экономической структуры страны, испытывает значительное влияние как внешних (глобальные экономические тренды, изменения в международной торговле), так и внутренних (социальные трансформации, демографические сдвиги, технологические инновации) факторов. В связи с этим возникает необходимость анализа перспектив адаптации региональных промышленных комплексов к новым реалиям социально-экономического развития России.

Актуальность настоящего исследования обусловлена рядом ключевых аспектов. Во-первых, региональные промышленные предприятия играют важную роль в обеспечении устойчивого экономического роста регионов, создавая рабочие места и обеспечивая доходы населения. Во-вторых, происходящие в последние годы структурные изменения в экономике требуют от промышленности внедрения новых технологий и повышения конкурентоспособности продукции. В-третьих, усиление глобализационных процессов ставит перед региональными производителями новые вызовы, связанные с необходимостью интеграции в международные производственные цепочки и соответствия мировым стандартам качества.

Целью настоящего исследования является анализ возможностей и перспектив адаптации региональной промышленности к современным социально-экономическим условиям в России. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

• провести обзор основных тенденций и проблем, влияющих на развитие региональной промышленности;

• оценить текущее состояние промышленной базы регионов и выявить ключевые факторы, определяющие ее конкурентоспособность;

• разработать рекомендации по повышению эффективности адаптации промышленных предприятий к изменяющимся условиям;

• проанализировать опыт успешных адаптационных механизмов в различных регионах страны.

Обзор теоретических и практических исследований / Theoretical and practical research review

Исследования взаимосвязи промышленных секторов и социально-экономических преобразований, происходящих внутри регионов, которые обладают отличительными особенностями в виде традиционного промышленного производства, сложившихся тенденций в работе производственных объектов, отражены в работах отечественных и зарубежных авторов. Значительные вызовы экономика России испытывает под влиянием санкций, которым подвергается большая доля промышленности регионов, зависящих от импортного оборудования на производственных базах и экспортных путей реализации производимой продукции. Для поддержания устойчивости и относительно быстрой адаптации к меняющимся условиям иностранного сотрудничества ввиду перераспределения потоков импортной и экспортной продукции в связи с введенными ограничениями требуются решительные стратегические меры.

Стратегии адаптации экономики России в условиях санкций подробно рассмотрены в трудах О.А. Сагиной, Б.А. Лазарева [Сагина, Лазарев, 2022]. Данные вопросы подняты в работе Н.Н. Михеевой, затрагивающей адаптацию пространственной структуры российской экономики, базирующейся на работе промышленного сектора как в совокупности, так и в отдельных

регионах [Михеева, 2023]. Возможность к переходу устойчивого роста экономики в период санкционного давления под влиянием грамотных инструментов стабилизации функционирования промышленного комплекса рассмотрена в контексте оценочной, статистическо-методологической работы Н.В. Акиндиновой и соавторов [Акиндинова и др., 2023]. Преобразования в промышленности с учетом региональных особенностей экономически значимых территорий, которые напрямую связаны с современными тенденциями социально-экономического развития субъектов хозяйствования, исследованы В.В. Акбердиной и О.А. Романовой [Акбердина, Романова, 2021], а также группой других авторов – Е.Д. Игнатьевой, О.С. Мариевым, А.Е. Серковой, которые дают оценку социально-экономического развития регионов РФ через аналитические инструменты с высоким уровнем статистической достоверности [Ignatieva, Mariev, Serkova, 2020].

Современные вопросы совершенствования промышленной политики в отрасли экономики и управления промышленными предприятиями, промышленно-технологическими комплексами в виде запуска на территории региона инновационных кластеров отражены в исследованиях отечественных экономистов М.Н. Власенко, Р.М. Бурханова, П.А. Аркина [Аркин, Бурханов, Власенко, 2012]. А.В. Алдошкин отмечает необходимость совершенствования механизмов стратегического управления в векторе устойчивого развития субъектов РФ [Алдошкин, 2018]. Он выделяет необходимость грамотного размещения инфраструктурных объектов с учетом региональной экономической специфики территории.

Зарубежные исследователи J. Moodysson, M. Trippl, E. Zukauskaite призывают соблюдать баланс между существующими традиционными направлениями промышленности в регионе и качественно новыми внедряемыми направлениями в виде перспективных векторов развития экономики [Moodysson et al, 2017]. Развитию промышленности в регионах, способствующей экономической безопасности страны и развитию технологического суверенитета России, посвящены исследования Д.М. Кучерявенко [Кучерявенко Д.М., 2021]. Он отмечает, что именно промышленность выступает приоритетным вектором научно-технологического прогресса, однако российская экономика испытывает на себе влияние ряда проблем, которые ограничивают развитие промышленного сектора.

Сдерживающие промышленность в регионах России санкции в виде внешнеполитических ограничивающих мер, принятых в отношении государства, рассмотрены М.К. Измайловым. Автором сделаны обобщения адаптационных стратегий отечественной региональной промышленности, которые возникли не только как ограничительные меры, вызывающие социально-экономические, финансовые и логистические проблемы в промышленном секторе, но и как стимулирующие векторы для развития отдельных секторов промышленности [Измайлов, 2022].

Возможность экономического роста в условиях вынужденного ограниченного функционирования промышленности, способного обеспечить формирование глобального кризиса, отмечает и С.Ю. Глазьев [Глазьев, 2012]. Современный этап функционирования экономики России под влиянием динамических и структурных преобразований промышленного производства, способного адаптироваться к новому экономическому сценарию, отражен в работе О.И. Изрядновой и М.А. Ковалевой [Изряднова, Ковалева, 2023]. Кластерные механизмы регуляции региональной промышленности под влиянием социально-экономических преобразований вынесены как основные пути преодоления производственного кризиса, тормозящего национальную экономику, в работах таких авторов, как И.В. Данилова, Е.Н. Салимоненко, Ю.А. Волкова, М.С. Лапина и Г.И. Татенко [Данилова, Салимоненко, 2020; Волкова, 2018; Лапина, 2021; Татенко, 2018]. Таким образом, перечисленные авторы тем или иным образом отмечают зависимость промышленного сектора от социально-экономических изменений в регионе.

Методология исследования / Research methodology

Изученные автором настоящего исследования аспекты обзора существующих вызовов и перспектив адаптации российской промышленности к региональным социально-экономическим изменениям в предыдущих исследованиях не рассматривались. В качестве методов исследования избраны методы классификации и систематизации данных при выделении основных стратегий адаптации промышленного сектора России к изменениям в социально-экономической сфере в регионах страны, метод визуализации информационно-аналитических показателей, а также метод факторного анализа для установления влияния различных элементов на результативные показатели системы промышленного производства.

В настоящем исследовании применен системный подход к рассмотрению современной экономики с учетом деятельности ее отдельных элементов – регионов как субъектов хозяйствования, оказывающих активное влияние на общее экономическое развитие национальной экономической системы, способной адаптироваться к происходящим внутри них социально-экономическим изменениям. Для обзора существующих исследований в соответствии с представленной

темой применен голографический метод анализа литературных источников, актуальных для современной экономической ситуации в российском и зарубежном сообществе. В качестве основных методов для комплексного анализа информационно-аналитических материалов промышленного производства в России за период 2017–2022 гг. на основании данных, опубликованных Федеральной службой государственной статистики, применены методы информационного анализа и синтеза.

Современный региональный промышленный комплекс сталкивается с рядом вызовов, среди которых можно выделить следующие:

• устаревание производственных мощностей и технологий, что снижает конкурентоспособность продукции на внутреннем и внешнем рынках;

• недостаточная инвестиционная активность, особенно в сфере модернизации производства и внедрения инновационных решений;

• ограниченные возможности для выхода на внешние рынки из-за высоких транспортных издержек и административных барьеров;

• низкий уровень квалификации кадров, что затрудняет внедрение современных управленческих и технологических практик.

Эти проблемы усугубляются воздействием макроэкономических факторов, таких как колебания курса национальной валюты, изменение цен на энергоресурсы и сырье, а также нестабильность внешней конъюнктуры.

На основе проведенного анализа данных Федеральной службы государственной статистики и отчетов отраслевых ведомств можно сделать вывод о том, что промышленность России в регионах находится в состоянии перехода от традиционной индустриальной модели к более гибким и адаптивным формам организации производства. Однако этот процесс протекает неравномерно в разных субъектах федерации. Так, в регионах с развитым научно-техническим потенциалом (например, Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан) наблюдаются активное внедрение цифровых технологий и создание высокотехнологичных кластеров. В то же время в ряде регионов с монопрофильной экономикой (например, Кемеровская область, Свердловская область) адаптация происходит медленнее из-за сильной зависимости от традиционных отраслей промышленности.

Результаты исследования / Study results

Сегодня экономика регионов России претерпевает значительное давление по внешним экономико-политическим причинам, а также в связи с территориальной спецификой. Процесс адаптации промышленности субъектов федерации, выступающий наиболее уязвимым из основных векторов социально-экономического развития экономики, возникает при условии интегрированного взаимодействия элементов, составляющих целостную систему регионального кластера с опорой на инструменты государственной поддержки. Уязвимость промышленного сектора объясняется сложившейся долгосрочной зависимостью отечественных производственных компаний от иностранных инвестиций, сотрудничества с зарубежными партнерами и закупки импортного оборудования, необходимого для функционирования обрабатывающей и добывающей промышленности. Согласно статистике Центрального банка РФ, они составляют ядро современной экономической системы не только в регионах, где эти направления наиболее развиты, но и в системе экономики страны, что выражается в суммарных показателях ее валового внутреннего продукта.

Сложная внешнеэкономическая ситуация последнего десятилетия, связанная с геополитическими преобразованиями и активным санкционным давлением «недружественных» стран Запада на экономику России, является внешним препятствием, которое нарушает целостность экономической системы в импортозависимых регионах, производственный сектор которых, как следствие, снижает эффективность своего функционирования. Такое внешнее давление, которое явно показывает уязвимость промышленности регионов к преобразованиям в экономике, не является единственным негативным фактором. К внутренним причинам, вызывающим вынужденную адаптацию региональной промышленности к преобразованиям в обществе и экономике, относятся:

• высокие производственные издержки на промышленных предприятиях, связанные с износом технологического оборудования и материально-ресурсной базы, отсутствием грамотного энергетического менеджмента;

• низкая или утерянная конкурентоспособность предприятий вследствие зависимости от импортных закупок комплектующих производственного оборудования, а также экономических ограничений путей сбыта выпускаемой экспортной продукции;

• несовершенные механизмы управления организационной структурой промышленных предприятий;

• вероятность реализации стратегии адаптации в зависимости от внутренней готовности к ней региональной промышленности и текущей политики на производственных объектах;

• отсутствие согласованных, налаженных логистических процессов на предприятиях;

• необходимость быстрого преобразования элементов региональной промышленности к реальным и потенциальным тенденциям современной внешней и внутренней экономики, которые сегодня отличаются для РФ крайней нестабильностью;

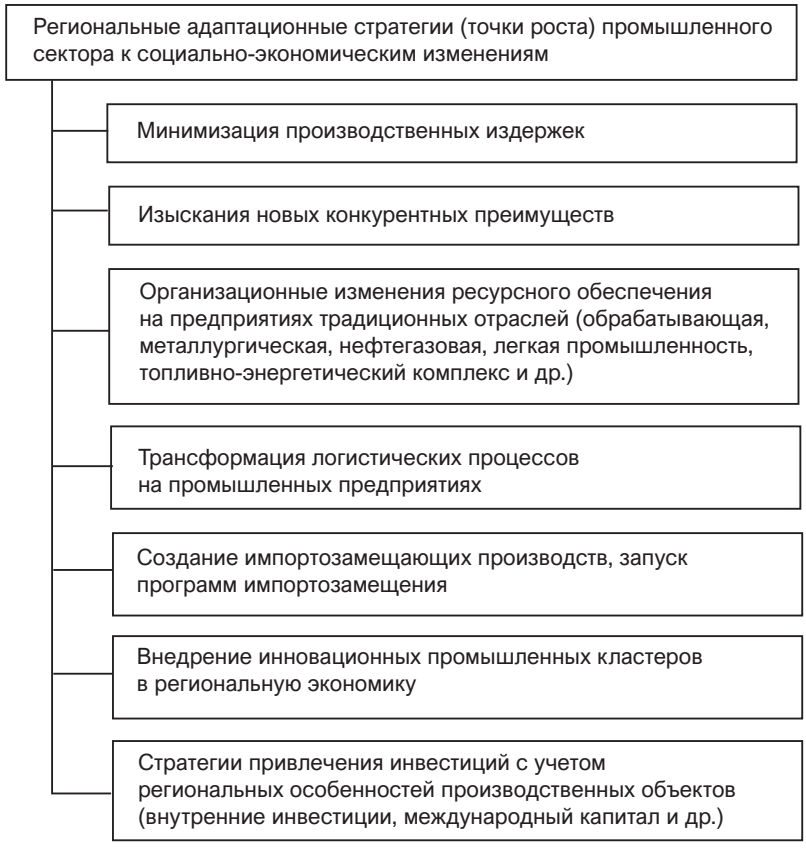
• отсутствие или недостаточность детального анализа показателей эффективности работы предприятий промышленного сектора в сравнении с тенденциями развития внешнеэкономической среды;

• недостаток капитала – оборотных средств, финансовых активов, иностранных инвестиционных вливаний и кадрового резерва, что провоцирует ограниченность роста уровня маркетинга и освоения новых видов выпускаемой продукции, неизменно снижающих конкурентоспособность промышленного предприятия не только в процессе поиска экспортных партнеров, но и внутри российского рынка.

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами автором предлагается ряд стратегий адаптации промышленного сектора к социально-экономическим изменениям в регионе (рис. 1).

Схема на рис. 1 отражает основные актуальные стратегии развития, которые используются в субъектах хозяйствования РФ с целью увеличения производственных мощностей промышленного сектора в соответствии с региональной промышленной идентификацией, готовностью регионов к качественным изменениям промышленного кластера на основе мер государственной поддержки региональной экономики с целью ее развития. Адаптация региональной промышленности к социально-экономическим изменениям современности позволяет не только сохранить субъектам РФ свою основную специализацию, но и укрепить, расширить собственные производственные возможности, повысить конкурентоспособность выпускаемых товаров и оказываемых услуг на внутренних и внешних рыночных площадках [Вагин, 2022]. Поддержание благоприятного экономического климата в промышленной отрасли – это обеспечение устойчивого развития региона в соответствии с приоритетными направлениями обеспечения технологического суверенитета и структурной адаптации экономики России[1]. Рассмотрим подробно каждую из приведенных точек роста промышленного производства.

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406641957 (дата обращения: 15.01.2025).



Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Рис. 1. Стратегии адаптации региональной промышленности к современным изменениям социально-экономической сферы
Fig. 1. Strategies for regional industry adaptation to modern changes in the social and economic sphere

Минимизация производственных издержек требует особого внимания со стороны руководства промышленных предприятий, которые по умолчанию принимаются как основные структурные единицы регионального промышленного кластера. Сократить существующие объемы издержек производства можно за счет ряда мер, которые часто связаны и с другими сопутствующими стратегиями адаптации промышленности к текущим социально-экономическим преобразованиям в мировом сообществе. Например, увеличение объемов выпускаемой продукции может быть достигнуто с помощью сокращения времени производства одной ее единицы, что снизит долю постоянных издержек.

Однако довольно часто это становится возможным только в случае модернизации технологического оборудования на базе производственной площадки. Поскольку за последние годы российская промышленность показала высокую степень зависимости от импортного оборудования, мы вынуждены наблюдать ограниченные темпы модернизации и реновации существующего оборудования. Условия преодоления данного препятствия – это усиление цифровизации и внедрение отечественных программных решений в области производственной и информационной безопасности, для чего необходимы создание импортозамещающих производств, запуск программ импортозамещения цифровой продукции, которые позволят ускорить обновление оборудования и модернизацию производственных мощностей. Эту стратегию можно выразить в виде реализации трех взаимосвязанных задач:

• автоматизация процессов планирования производства, снабжения, сбыта готовой продукции и расчета себестоимости;

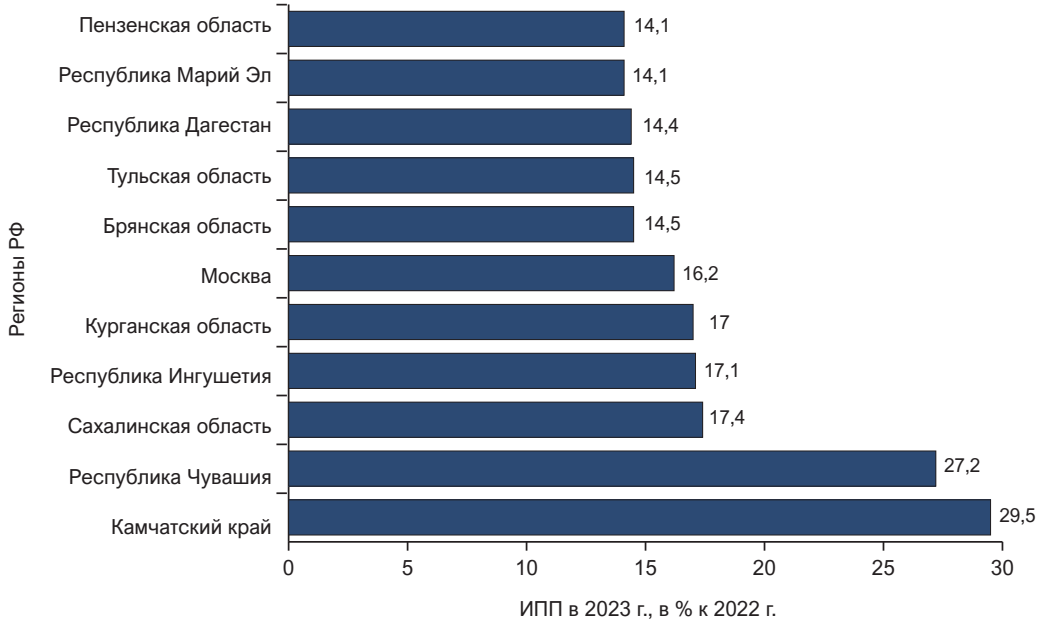
• использование ERP-систем для оптимизации учета и эксплуатации складских запасов, управления имеющейся ресурсной базой, ценообразованием и расчетами с клиентами и поставщиками сырья/комплектующих;

• автоматизация учета затрат по транспортировке грузов, контролю запасов, слежению за местонахождением и состоянием грузов и транспортных средств, планированию технического обслуживания и ремонта техники, выставлению счетов клиентам.

Обеспечить рост объемов промышленного производства регионы РФ за последние несколько лет смогли благодаря пересмотру приоритетов и переходу на путь активной политики импортозамещения в условиях цифровизации промышленности. Более 60 % субъектов РФ, по данным Федеральной службы государственной статистики, показали положительный результат наращивания объемов промышленного производства в 2023 г. по отношению к идентичному периоду 2022 г. (рис. 2)[2].

[2] Федеральная служба государственной статистики. Индексы производства по Российской Федерации. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 15.01.2025).

[3] Там же.



Примечание: ИПП – индекс промышленного производства

Составлено автором по материалам источника[3] / *Compiled by the author on the materials of the source*[3]

Рис. 2. Рост индекса промышленного производства в регионах РФ за 2023 г.
Fig. 2. Growth of the industrial production index in Russian regions for 2023

Согласно анализу индекса промышленного производства в регионах за 2023 г. в % по отношению к 2022 г., большая часть субъектов РФ увеличила данный показатель более, чем на 3,5 %. Лидирующие позиции по приросту данного показателя занимают такие регионы, как Республика Чувашия и Камчатский край, которые смогли достичь увеличения объемов промышленного производства за счет адаптации большей доли обрабатывающих производств к преобразованиям в социальной и экономической среде на территории регионов. Достаточно высокие показатели роста промышленного производства в диапазоне 16,2–17,4 % показывают Москва, Курганская область, Республика Ингушетия, Сахалинская область. Индекс промышленного производства с высокими значениями относительно показателей 2022 г. в диапазоне 14,1–14,5 % показывает ряд других регионов РФ – Пензенская, Брянская и Тульская области, Республики Марий Эл и Дагестан[4].

Наиболее уязвимыми к социально-экономическим изменениям в регионах РФ, по данным Федеральной службы государственной статистики, стали такие направления, как машиностроение, нефтегазовый комплекс, химическая и целлюлозно-бумажная промышленность. Кризисная ситуация наблюдается и в доле обрабатывающих производств. Это связано с рядом социально-экономических преобразований – в обрабатывающей отрасли занята значительная часть населения регионов, а сокращение производства, неспособного конкурировать в рыночной среде в условиях низких темпов индустриализации субъектов, вызывает рост безработицы и отток экономически эффективного населения из малых населенных пунктов и городов в крупные мегаполисы и более развитые в этом отношении территории. Обычно такая ситуация складывается в субъектах с ресурсоориентированным типом экономики и высокой долей традиционной промышленности. В этом случае предлагается рассмотреть запуск новых производственных направлений, которые легко претерпевают социально-экономические изменения и не находятся в острой зависимости от ресурсной базы региона, – это легкая промышленность, пищевое производство, деревообработка, туризм, производство строительных материалов и др.

Примером функционирования промышленного региона с ресурсоориентированным типом экономики и острой зависимостью от социально-экономических изменений можно назвать Пермский край. Это субъект, на территории которого сосредоточены богатые запасы природных ресурсов и полезных ископаемых – топливно-энергетических ресурсов, древесины, калийных солей. В совокупности с этим освоение края в XX в. привело к его прогрессивной индустриализации, характеризующейся основанием крупных машиностроительных производств, деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных комбинатов, предприятий черной и цветной металлургии, которые за продолжительный период времени не только не потеряли своей производственной мощности, но и образовали стабильный производственный комплекс, базирующийся на добывающей и перерабатывающей промышленности [Балина, 2022].

Однако социально-экономические показатели Пермского края в последние десятилетия испытывают сложный кризисный период. Он характеризуется снижением эффективности традиционных видов производств ввиду недостаточности их инновационного развития, отсутствия реновационных процессов на производственных объектах. Полное сосредоточение на ресурсоориентированном типе экономике и отсутствие трансформационных процессов существующих предприятий в регионе привели к постепенному разорению многих объектов и их неизбежному закрытию, что вызвало упадок близлежащих населенных пунктов и малых городов, тем самым снизив уровень их социально-экономического развития. Это говорит о том, что территория теряет свой производственный и экономический потенциал, вследствие чего происходит отток специалистов и трудовых ресурсов в другие регионы и крупные населенные пункты субъекта. Следовательно, необходим перезапуск имеющихся предприятий в векторе инновационной политики или поиск качественно новых направлений функционирования промышленного сектора региона.

Предложен запуск ряда приоритетных современных направлений в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Пермского края в период до 2035 г.[5]. Определенные трудности были связаны с распространением коронавирусной инфекции в 2019–2021 гг. После прохождения критического рубежа показателей, стабильно демонстрирующих уменьшение количества предприятий малого и среднего бизнеса, постепенно удалось стабилизировать ситуацию после отмены большинства ограничивающих мер, связанных с профилактикой распространения вируса. Тем не менее проблема оттока трудоспособного и экономически активного населения сохраняется.

[4] Федеральная служба государственной статистики. Индексы производства по Российской Федерации. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 15.01.2025).

[5] Стратегия социально-экономического развития Пермского края до 2035 года. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/7160a63eee06246127f1e7f8519d0236/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

В связи с этим ведущей целью Стратегии развития Пермского края выступает повышение качественного уровня жизни населения с помощью стабильного, полноценного раскрытия экономического потенциала региона. Экономика Пермского края, согласно указанной Стратегии, не теряет своей ресурсоориентированности, при этом предлагается переориентировать и сосредоточить имеющийся ресурсный потенциал региона на 6 приоритетных векторов его социально-экономического развития:

• проведение диверсификации экономических процессов в базовых секторах в целях повышения эффективности эксплуатации доступных ресурсов, развитие новых направлений промышленности;

• пространственное развитие региона, которое предполагает повышение качества уровня жизни населения и ускорение темпов экономического роста на территории субъекта;

• минимизация рисков производства для окружающей среды («зеленая» экономика);

• внедрение процессов так называемой «креативной» экономики для развития творческих и перспективных кластеров с наибольшей экономической эффективностью (медиа, промышленный дизайн, разработка программного обеспечения и иные направления, которые имеют в условиях современного цифровизированного общества возможность приобрести конкурентоспособность и в перспективе успешно функционировать в различных отраслях экономики);

• привлечение человеческого капитала с помощью создания высокого уровня качества жизни населения, повышения благосостояния населения, стабилизация численности населения, кадровое обеспечение промышленности, предотвращение оттока из региона трудоспособного населения и доли граждан, способных обеспечить положительный экономический эффект для региональной системы промышленности, доля которой составляет в общем объеме промышленного производства РФ 1,6 %[6].

О способности региона адаптироваться к сложившимся социально-экономическим изменениям свидетельствует запуск разработки подпрограммы развития легкой промышленности в Пермском крае. Основным вектором для развития названа поддержка малого и среднего предпринимательства – именно в этом секторе представлена разнообразная номенклатура выпускаемой продукции, а на территории региона созданы территории опережающего развития. Они функционируют не только с целью поддержания региональной экономики, но и для достижения ряда социально значимых целей. Она из них – снижение доли безработного населения. В перспективе легкая промышленность может стать флагманской для дальнейшего социально-экономического развития хозяйствующего субъекта на фоне кризисной социально-экономической ситуации [Гребенкин, 2020].

Примером региона с активной индустриализацией экономической сферы и с меньшей долей региональной промышленности в общем объеме промышленного производства России (0,7 %) является Вологодская область. Промышленность Вологодской области имеет сходную с Пермским краем специализацию и занимает около 40 % от валового регионального продукта. Развитое сельское хозяйство позволяет обеспечивать потребности населения области в продуктах животноводства и растениеводства. Область имеет ориентацию на развитие внешнеэкономического партнерства, успешно сотрудничает с другими регионами Северо-Западного федерального округа РФ и иностранными государствами, проводя активную экспортную политику.

Тем не менее за последние пять лет (по состоянию на 2022 г.) регион преследует идентичная с Пермским краем проблема – снижение численности населения области. Согласно Стратегии социально-экономического развития Вологодской области до 2030 г., последствия COVID-19 и санкций планируется преодолеть с помощью следующих адаптационных стратегий[7]:

• приобретение субъектом технологического суверенитета;

• активное позиционирование промышленной политики, основанной на производстве инновационной и конкурентоспособной продукции с помощью межпроизводственных деловых контактов и кооперативного производства в регионе, основанного на удовлетворении потребностей промышленных предприятий в вопросах производительности и обеспечения необходимого уровня технологического оборудования, которое можно использовать для производства инновационной конкурентоспособной продукции без ощутимой зависимости от импортной материально-технической базы.

Кроме такого приоритетного направления социально-экономического развития Вологодской области, как повышение уровня жизни населения и стимулирование различными мерами демографической ситуации в регионе, на территории субъекта запущены

[6] Стратегия социально-экономического развития Пермского края до 2035 года. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/7160a63eee06246127f1e7f8519d0236/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

[7] Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года. Режим доступа: https://clck.ru/3JSdGk (дата обращения: 15.01.2024).

следующие приоритетные векторы сбалансированного регионального развития и цифровой трансформации [Краковская, 2022]. Первый вектор позволит обеспечить рост конкурентоспособности региона, сформировать благоприятный инвестиционный климат с помощью повышения степени развития человеческого потенциала, способного оказать значительное влияние на социально-экономическое развитие региона. Второй вектор способен в короткие сроки повлиять на ускоренное внедрение в ряд региональных отраслей экономики отечественных цифровых технологий. Они способны существенно повысить качество предоставляемых информационных услуг, обеспечить информационную безопасность граждан и адаптировать современную социальную сферу в регионе к стабильному взаимодействию населения с органами управления и государственной власти благодаря цифровым и электронным телекоммуникационным ресурсам.

В 2023 г. Вологодская область стала единственным регионом-представителем субъектов Северо-Западного федерального округа на Всероссийском форуме «Цифровая индустрия промышленной России», заняв восьмую строчку рейтинга лидеров по цифровой трансформации. Одно из ведущих промышленных предприятий региона – компания по производству удобрений «ФосАгро», которая приняла участие в мероприятии в составе делегации представителей вологодских предприятий, – презентовала опыт адаптации к социально-технологическим изменениям, вызванным необходимостью автоматизации производства и импортозамещения[8]. Пример можно считать успешным: компания проводит активное импортозамещение цифровых технологий, автоматизированной системы управления технологическими процессами (АСУ ТП) для сложных химических производств и автоматизированной системы управления производством (АСУП) для химических холдингов. Автоматизация помогает сократить издержки производства, установить управляемую систему за контролем производительности производственных линий, а также обеспечить внедрение отечественных решений в области цифровизации и автоматизации производства. Это помогает выстроить линию «проблемная задача по цифровизации – заказчик цифровой продукции – поиск решения – разработчик цифровой продукции – производитель цифровой продукции – практическая реализация решения проблемной задачи цифровизации». Для «ФосАгро» партнерами по цифровым решениям выступают Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, дочерняя компания холдинга «Апатит», индустриальный центр компетенций «Химия» и другие компании-разработчики цифровых и ИТ-решений для оптимизации управления производственными процессами.

Согласно приведенному примеру, стратегия замены импортных разработок на отечественное оборудование для устойчивого функционирования промышленных предприятий является успешной с точки зрения преобразований в региональной экономике, объединяя процессы импортозамещения, увеличения конкурентоспособности предприятий и сокращения производственных издержек. Ее можно транслировать на другие промышленные предприятия и разделить на следующие этапы:

- анализ текущего состояния предприятия и выявление потребностей в замене оборудования/программного обеспечения;
- определение приоритетных направлений импортозамещения с учетом специфики отрасли и возможностей отечественных производителей;
- оценка стоимости и сроков реализации проектов по замене оборудования/программного обеспечения, а также возможных рисков и преимуществ;
- разработка плана мероприятий по переходу на отечественное оборудование, включая поиск и выбор поставщиков, заключение договоров, организацию обучения персонала и контроль выполнения работ;
- реализация плана мероприятий и контроль его выполнения;
- мониторинг результатов замены оборудования и оценка эффективности принятых решений;
- корректировка плана мероприятий и внесение изменений в процесс импортозамещения (при необходимости).

В 2022 г. компания «ФосАгро», функционируя в условиях санкционного давления, выпустила рекордное количество продукции (1,1 млн т, что на 5 % выше в сравнении с аналогичным показателем 2021 г.) и сохранила все социальные обязательства в условиях обеспечения региональных потребителей минеральными удобрениями в необходимом объеме[9]. Предприятие характеризуется устойчивым развитием, создает специализированные школы для обучения высококвалифицированных кадров в качестве способа системной подготовки кадрового резерва для отечественной промышленности, создавая все необходимые

[8] Вологодская область вошла в число регионов-лидеров по уровню цифровой трансформации. Режим доступа: https://vologda-oblast.ru/special/novosti/glavnoe/vologodskaya_oblast_voshla_v_chislo_regionov_liderov_po_urovnyu_tsifrovoy_transformatsii/ (дата обращения: 15.01.2025).

[9] «ФосАгро» нарастила в 2022 году выпуск агрохимической продукции до рекордных 11 миллионов тонн. Режим доступа: https://vologda.mk.ru/economics/2023/02/06/fosagro-narastila-v-2022-godu-vypusk-agrokhimicheskoy-produkcii-do-rekordnykh-11-millionov-tonn.html (дата обращения: 15.01.2025).

условия для получения специализированного, профильного образования, позволяющего новым кадрам развиваться в профессиональной среде с учетом современных условий функционирования промышленности – активной трансформации, импортозамещения, внедрения цифровых технологий, автоматизации процессов производства. Практически реализуется взаимодействие производственного сектора с собственной отраслевой специализацией, происходят развитие цифровой среды, параллельное обучение и переквалификация работников с учетом принятых технологических изменений на предприятии, внедрение инновационных технологий на производство, что стимулирует деятельность компаний-разработчиков цифровых решений для бизнеса.

Заключение / Conclusion

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Адаптация промышленных секторов России к социально-экономическим изменениям в регионах зависит от многих факторов – приспособления к структуре спроса на внутренних и внешних потребительских рынках, поиска путей расширения рынков сбыта, непрерывного инновационного процесса и его контроля, привлечения инвестиционных потоков с целью модернизации и расширения материальной и производственно-технологической базы субъекта хозяйствования, обеспечения сохранности основного капитала и ядра специалистов на ведущих предприятиях.

2. Развитие промышленного сектора России напрямую зависит от развития промышленности в регионах с обоснованием региональных приоритетов согласно действующей на данной территории утвержденной инновационной политике в соответствии с конфигурацией инновационных кластеров, взаимосвязанных с инновационной активностью субъекта.

3. Промышленный сектор России благодаря введению государственных федеральных и региональных программ поддержки и планов стимулирующих мероприятий в хозяйствующих субъектах (с учетом ресурсной, производственно-технологической и экспортно-логистической специфики) преодолел острый кризисный период 2014–2018 гг., наблюдавшийся в результате санкционного давления Запада. Это можно отметить благодаря росту индекса промышленного производствах в регионах федеральных округов РФ, перераспределению логистических процессов и наращиванию экспортного объема сбыта произведенной отечественной продукции.

4. Большинство субъектов федерации показывают опережающие результаты в сравнении с общими тенденциями роста промышленного производства по стране. В данном случае стоит обратить внимание на ведущие векторы наблюдаемого прогресса, среди которых отметим обрабатывающее производство и металлургическую промышленность.

5. Для преодоления ограничений, вызывающих стагнацию развития промышленного комплекса регионов, таких как низкоэффективное использование имеющейся ресурсной базы, высокий износ основных производственных средств и фондов, ограниченная энергоэффективность предприятий и недостаточная конкурентоспособность производимой продукции, следует обратить внимание на несколько ведущих направлений, способных обеспечить модернизацию промышленности в совокупности с одновременным ростом российской экономики. К ним относятся стимулирование предприятий малого и среднего бизнеса с помощью мер государственной поддержки, создание условий для расширения производства, проведение структурной экономической политики в регионах для обеспечения процессов импортозамещения на высокоэффективном уровне.

6. Цифровые технологии уверенно занимают ведущие позиции в приоритетных способах развития национальной экономики. Они способствуют повышению эффективности различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи и доставки товаров и услуг. Внедрение цифровых технологий во все сферы деятельности приводит к существенному росту экономики, улучшению качества жизни и созданию новых рабочих мест. Интегрируя их в промышленные производства регионов, можно добиться эффективной синергии в принимаемых мерах согласно действующему менеджменту предприятия и элементам управления социально-экономическими процессами на разных уровнях – отраслевом, региональном, федеральном.

7. Создание особых экономических зон в регионах – сложное в управлении, но эффективное дело для привлечения инвестиционных финансовых вложений на территорию субъекта хозяйствования, тем самым открывающее перспективные возможности для интенсивного роста его экономики. Этот процесс активно содействует раскрытию инвестиционного потенциала региона, повышает устойчивость социальной сферы (повышение качества жизни на территории субъекта), активность предпринимателей, являясь стимулом для разработки приоритетных направлений промышленности региона и локальным инструментом стимулирования его экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акбердина В.В., Романова О.А. Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования. Экономика региона. 2021;17-3:714–736. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-1

Акиндинова Н.В., Авдеева Д.А., Бессонов В.А., Гришунин С.В., Миронов В.В., Наумцева Е.И., Пухов С.Г., Тихомиров Д.В., Цехомский Н.В., Якобсон Л.И. Экономика России под санкциями: от адаптации к устойчивому росту. М.: Высшая школа экономики; 2023. 63 с.

Алдошкин А.В. Совершенствование механизма стратегического управления устойчивым развитием регионов Российской Федерации в условиях кризиса и политики импортозамещения. В кн.: Инновационные аспекты социально-экономического развития региона: материалы VIII Ежегодной научной конференции, Наукоград Королев, 17 мая 2018 г. Наукоград Королев: Научный консультант; 2018. С. 50–62.

Аркин П.А., Бурханов Р.М., Власенко М.Н. Совершенствование промышленной политики в области развития инновационных кластеров. Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012;3:51–56.

Балина Т.А., Поспищенко М.А., Чекменева Л.Ю. Особенности развития легкой промышленности в ресурсном регионе (на примере Пермского края). В кн.: Андреева О.С. (ред.) Фундаментальные и прикладные аспекты устойчивого развития ресурсных регионов: материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием, Новокузнецк, 7–10 декабря 2021 г. Новокузнецк: Кемеровский государственный университет; 2022. С. 25–29.

Вагин С.Г. Современное состояние российской промышленности в регионах и перспектива ее развития. Регион: системы, экономика, управление. 2022;4(59):10–14. https://doi.org/10.22394/1997-4469-2022-59-4-10-14

Волкова Ю.А. Методика экспертной оценки факторов кластерного развития промышленности региона. В кн.: Молодежь в науке – 2018: материалы Международной конференции молодых ученых, Минск, 29 октября–1 ноября 2018 г. Минск: Белорусская наука; 2019. С. 313–320.

Глазьев С.Ю. Политика экономического роста в условиях глобального кризиса. Партнерство цивилизаций. 2012;2:66–90.

Гребенкин И.В. Тенденции изменения промышленной специализации и динамика развития российских регионов. Экономика региона. 2020;16-1:69–83. https://doi.org/10.17059/2020-1-6

Данилова И.В., Салимоненко Е.Н. Оценка механизма реализации промышленной политики регионов: прикладные аспекты концепции «умного» развития. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020;11-2:199–211. https://doi.org/10.17513/vaael.1412

Измайлов М.К. Возможности адаптации промышленности регионов России к современным санкционным условиям. Вопросы региональной экономики. 2022;2(51):75–83.

Изряднова О.И., Ковалева М.А. Динамика и структура производства: адаптация к новым реалиям. Экономическое развитие России. 2023;30-1:14–21.

Краковская И.Н., Корокошко Ю.В., Слушкина Ю.Ю., Казаков Е.А. Влияние глобальных тенденций цифровизации на трансформацию бизнес-моделей промышленных

REFERENCES

Akberdina V.V., Romanova O.A. Regional Industrial Development: Review of Approaches to Regulation and Determining of Priorities. Economy of Region. 2021;17-3:714–736. (In Russian). https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-1

Akindinova N.V., Avdeeva D.A., Bessonov V.A., Grishunin S.V., Mironov V.V., Naumtseva E.I., Pukhov S.G., Tikhomirov D.V., Tsekhomsky N.V., Yakobson L.I. Russian economy under sanctions: from adaptation towards sustainable growth. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2023. 63 p. (In Russian).

Aldoshkin A.V. Improving sustainable development strategic management mechanism in Russian regions in conditions of crisis and import substitution policy. In: Innovative aspects of social and economic development of region: Proceedings of the VIII Annual Scientific Conference, Naukograd Korolev, May 17, 2018. Naukograd Korolev: Nauchnyi konsultant; 2018. Pp. 50–62. (In Russian).

Arkin P.A., Burkhanov R.M., Vlasenko M.N. Improving industrial policy in the field of innovation cluster development. Proceedings of the St. Petersburg University of Economics and Finance. 2012;3:51–56. (In Russian).

Balina T.A., Pospischenko M.A., Chekmeneva L.Yu. Features of light industry development in resource region (the Perm Region case). In: Andreeva O.S. (ed.) Fundamental and applied aspects of sustainable development of resource regions: Proceedings of the III All-Russian Scientific Conference with international participation, Novokuznetsk, December 7–10, 2021. Novokuznetsk: Kemerovo State University; 2022. Pp. 25–29. (In Russian).

Danilova I.V., Salimonenko E.N. Assessment of the mechanism for realisation of industrial policy of regions: applied aspects of the "smart" development concept. Vestnik of Altai Academy of Economics and Law. 2020;11-2:199–211. (In Russian). https://doi.org/10.17513/vaael.1412

Glazyev S.Yu. Economic growth policy in the context of global crisis. Partnerstvo tsivilizatsii. 2012;2:66–90. (In Russian).

Grebenkin I.V. Trends in industrial specialization and development dynamics in the Russian regions. Economy of Region. 2020;16-1:69–83. https://doi.org/10.17059/2020-1-6. (In Russian).

Ignatieva E.D., Mariev O.S., Serkova A.Ye. Impact of infrastructure on socio-economic development of Russian regions: methodology and analysis. R-economy. 2020;6-2:65–73. https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.2.006

Izmailov M.K. The possibilities of adapting the industry in the Russian regions to modern sanctions conditions. Problems of regional economy. 2022;2(51):75–83. (In Russian).

Izryadnova O.I., Kovaleva M.A. Dynamics and structure of production: adaptation to new realities. Russian Economic Development. 2023;30-1:14–21. (In Russian).

Khabazina L.N., Zyryaeva N.P. Food industry development as part of the regional agro-industrial complex. Bulletin of Russian University of Cooperation. 2016;2(24):70–73. (In Russian).

Krakovskaia I.N., Korokoshko J.V., Slushkina Yu.Yu., Kazakov E.A. The Impact of Global Digitalization Trends on the Transformation of Business Models in Industrial Companies. Regionology. 2022;30-4(121):823–850. https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.823-850. (In Russian).

компаний. Регионология. 2022;30-4(121):823–850. https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.823-850

Кучерявенко Д.М. Развитие промышленности в регионах России. Российский экономический интернет-журнал. 2021;4.

Лапина М.С. Формирование и развитие инновационных кластеров как инструмента инновационной деятельности региона. Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021;23-2:42–56. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.2.4

Ловкова Е.С., Кашицына Т.Н., Гончаров А.В., Соколов И.В. Применение гибких подходов в управлении проектами текстильной промышленности. Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2023;1(403):54–59. https://doi.org/10.47367/0021-3497_2023_1_54

Михеева Н.Н. Адаптация пространственной структуры российской экономики к внешним шокам. Проблемы прогнозирования. 2023;6(201):207–219. https://doi.org/10.47711/0868-6351-201-207-219

Сагина О.А., Лазарев Б.А. Адаптация экономики России в условиях санкций. Вестник евразийской науки. 2023;15-2.

Татенко Г.И., Бахтина С.С. Особенности кластерного подхода к управлению инновационным развитием фармацевтической промышленности в условиях глобальных вызовов. В кн.: Инновационные кластеры цифровой экономики: драйверы развития: материалы Научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 17–21 мая 2018 г. СПб: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 2018. С. 281–290. https://doi.org/10.18720/IEP/2018.3/34

Тронина И.А., Зимин А.Г. Использование программно-целевого управления в процессе инновационного обновления промышленных структур региона. Вестник Академии знаний. 2020;5(40):400–404. https://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10652

Хабазина Л.Н., Зыряева Н.П. Развитие пищевой промышленности в составе агропромышленного комплекса региона. Вестник Российского университета кооперации. 2016;2(24):70–73.

Ignatieva E.D., Mariev O.S., Serkova A.Ye. Impact of infrastructure on socio-economic development of Russian regions: methodology and analysis. R-economy. 2020;6-2:65–73. https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.2.006

Moodysson J., Trippl M., Zukauskaite E. Policy learning and smart specialization: balancing policy change and continuity for new regional industrial paths. Science and Public Policy. 2017;44-3:382–391. https://doi.org/10.1093/scipol/scw071

Kucheryavenko D.M. Industrial development in the regions of Russia. Russian economic online journal. 2021;4. (In Russian).

Lapina M.S. Formation and development of innovative clusters as a tool for innovative activities of the region. Journal of Volgograd State University. Economics. 2021;23-2:42–56. (In Russian). https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.2.4

Lovkova E.S., Kashitsina T.N., Goncharov A.V., Sokolov I.V. Applying of flexible approaches to project management in the textile industry. Proceedings of Higher Educational Institutions. Textile Industry Technology. 2023;1(403):54–59. (In Russian). https://doi.org/10.47367/0021-3497_2023_1_54

Mikheeva N.N. Adaptation of the spatial structure of the Russian economy to external shocks. Problemy prognozirovaniya. 2023;6(201):207–219. (In Russian). https://doi.org/10.47711/0868-6351-201-207-219

Moodysson J., Trippl M., Zukauskaite E. Policy learning and smart specialization: balancing policy change and continuity for new regional industrial paths. Science and Public Policy. 2017;44-3:382–391. https://doi.org/10.1093/scipol/scw071

Sagina O.A., Lazarev B.A. Adaptation of the Russian economy under sanctions. The Eurasian Scientific Journal. 2023;15-2. (In Russian).

Tatenko G.I., Bakhtina S.S. Features of the cluster approach to managing the pharmaceutical industry innovative development in the context of global challenges. In: Innovative clusters of digital economy: Development drivers: Proceedings of the Scientific and Practical Conference with international participation, St. Petersburg, May 17–21, 2018. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; 2018. Pp. 281–290. (In Russian). https://doi.org/10.18720/IEP/2018.3/34

Tronina I.A., Zimin A.G. Using targeted software control the process of innovative renewal of industrial regional structures. Vestnik of Academy of Knowledge. 2020;5(40):400–404. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10652

Vagin S.G. The current state of Russian industry in the regions and the prospects for its development. Region: Systems, Economics, Management. 2022;4(59):10–14. (In Russian). https://doi.org/10.22394/1997-4469-2022-59-4-10-14

Volkova Yu.A. Methodic of expert evaluation of clusters development factors in the regional industry. In: Youth in Science – 2018: Proceedings of the International Conference of Young Scientists, Minsk, October 29–November 1, 2018. Minsk: Belorusskaya nauka; 2019. Pp. 313–320. (In Russian).

УДК 336.7, 338.2 JEL E42 DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-1-38-50
Получено: 26.12.2024 Статья доработана после рецензирования: 18.02.2025 Принято: 25.02.2025

Политика и практика обязательного резервирования и цифровые валюты центральных банков

Кузнецова Валентина Вильевна[1]
Канд. ист. наук, доц. каф. мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью
ORCID: 0000-0002-8698-4295, e-mail: vkuz_55@mail.ru

Ларина Ольга Игоревна[2]
Канд. экон. наук, доц. каф. маркетинга
ORCID: 0000-0002-9841-8194, e-mail: oilarina@mail.ru

[1]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, 1, г. Москва, Россия

[2]Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Изучены вопросы применения обязательных резервов – традиционного инструмента монетарной политики, имеющего и другие актуальные для регуляторов эффекты применения. Обязательные резервы выступают запасом ликвидности, который не только ограничивает кредитные возможности финансовых посредников, но и может выступать в качестве буфера во время кризиса. Органы регулирования используют разные модели применения обязательных резервов для корректировки проблем в национальных системах, а также получения ответной реакции поднадзорных институтов на изменение параметров моделей. Современный период характеризуется новыми вызовами – введением в денежное обращение цифровых валют центральных банков. В настоящее время вопросы функционирования денежного обращения, обеспечения макроэкономического равновесия и финансовой стабильности стоят достаточно остро, и поиск эффективных инструментов – важная управленческая задача, на решение которой направлено настоящее исследование. Цель настоящего исследования двояка – проанализировать текущую практику разнообразного использования обязательных резервов и исследовать их возможное применение при масштабном распространении третьей формы денег центральных банков. Рассмотрены возможная настройка обязательных резервов, микропруденциальные и макропруденциальные эффекты применения. Использовались данные Международного валютного фонда, а также Центрального банка Российской Федерации и отдельных центральных банков, методы обобщения и сравнительного экономического анализа. С учетом трансграничного характера деятельности финансовых институтов сделан вывод о возможной трансформации обязательных резервов при дальнейшем расширении применения цифровых валют, рекомендовано модифицировать их настройку в качестве инструмента капитального контроля.

Ключевые слова: обязательные резервы, резервные требования, нормы обязательного резервирования, монетарная политика, инструменты денежно-кредитной политики, финансовая стабильность, макропруденциальная политика, регулирование и надзор

Для цитирования: Кузнецова В.В., Ларина О.И. Политика и практика обязательного резервирования и цифровые валюты центральных банков//Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 38–50. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-38-50

© Кузнецова В.В., Ларина О.И., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received: 26.12.2024 Revised: 18.02.2025 Accepted: 25.02.2025

Mandatory reserve policy and practice and digital currencies of central banks

Valentina V. Kuznetsova[1]

Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the World Economy and Foreign Economic Activity Management Department

ORCID: 0000-0002-8698-4295, e-mail: vkuz_55@mail.ru

Olga I. Larina[2]

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Marketing Department

ORCID: 0000-0002-9841-8194, e-mail: oilarina@mail.ru

[1]Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie gory, Moscow 119991, Russia

[2]State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The issues of required reserves application, which is a traditional instrument of monetary policy, which has other relevant effects for regulators, have been studied. Required reserves act as a liquidity buffer that not only limits credit capacity of financial intermediaries, but can also act as a buffer in times of crisis. Regulators use different models of required reserves application to correct issues in national systems, as well as to obtain the supervised institutions' response to changes in the models' parameters. The modern period is characterized by new challenges such as implementation of central bank digital currencies into monetary circulation. At present, the issues of monetary circulation functioning, macroeconomic equilibrium, and financial stability are quite acute, and the search for effective instruments is an important managerial task, which this study is aimed at solving. The purpose of the study is twofold – to analyze the current practice of diverse use of required reserves and to investigate their possible application in the large-scale expansion of the third form of central bank money. The possible setup of required reserves and microprudential and macroprudential effects of their application have been studied. The data of the International Monetary Fund, as well as the Central Bank of the Russian Federation and individual central banks, generalization method, and comparative economic analysis were used. Considering the cross-border nature of financial institutions' activities, the conclusion has been made about possible transformation of required reserves with the further expansion of the use of digital currencies. It has been recommended to modify their setting as an instrument of capital control.

Keywords: mandatory reserves, reserve requirements, mandatory reserve norms, monetary policy, monetary policy instruments, financial stability, macroprudential policy, regulation and supervision

For citation: Kuznetsova V.V., Larina O.I. (2025). Mandatory reserve policy and practice and digital currencies of central banks. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (1), pp. 38–50. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-38-50

© Kuznetsova V.V., Larina O.I., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение/ Introduction

Обязательное резервирование, или резервные требования, или нормы обязательных резервов (далее – НОР), – один из традиционных инструментов монетарной политики. Центральные банки (далее – ЦБ) их используют в операционной деятельности с конца XIX в. Резервные требования в 2018 г. входили в инструментарий 116 из 125 ЦБ, сообщавших информацию в базу данных Монетарных операций и инструментов Международного валютного фонда (далее – МВФ)[1]. Основной мотив, первоначально обосновывавший необходимость применения данного инструмента, состоял в том, что существовала доказанная математическая зависимость между величиной резервных требований и банковским мультипликатором. Последний в свою очередь показывал возможную динамику денежных агрегатов, то есть совокупного предложения денег, что позволяло его прогнозировать и контролировать.

В настоящее время структура совокупного предложения денег претерпевает быстрые изменения. В последние 15 лет все большее число национальных центральных банков внедряют цифровые технологии при выполнении регулирующих (регтех) и надзорных (суптех) полномочий, и более 134 ЦБ работают над переходом к выпуску цифровых валют как третьей формы денег центральных банков (далее – ЦВЦБ) [Di Iorio, 2024]. Все большее проникновение инновационных цифровых технологий в операционную деятельность ЦБ и способы проведения традиционных операций монетарной политики, равно как и постоянное совершенствование финтеха, неизбежно проявляется в трансформации правил, моделей и инструментов, применяемых в ходе реализации монетарной политики [Larina, 2021]. По данным исследования 121 ЦБ, проведенного МВФ в 2010 г., после глобального финансового кризиса (2008–2009 гг.) обязательное резервирование стало применяться для достижения трех целей: пруденциальной, монетарного контроля (контроля над денежной базой) и управления совокупной ликвидностью банковской системы [Gray, 2011].

Целью настоящего исследования является анализ возможной трансформации и возможностей применения НОР при масштабном использовании третьей формы денег – ЦВЦБ.

Нормы обязательного резервирования: цели и эффекты применения / Mandatory reservation standards: application goals and effects

Первоначально как инструмент монетарной политики ЦБ регулировали параметры НОР для:

• управления денежной базой и темпом роста кредитования (например, в 2024 г. Народный банк Китая дважды снижал НОР на 0,5 п.п. для стимулирования экономической активности (в феврале и сентябре), что позволило банкам высвободить примерно по 1 трлн китайских юаней ликвидности)[2,3];

• удержания политической (ключевой) процентной ставки в середине процентного коридора;

• регулирования спроса на деньги ЦБ по мотиву предосторожности;

• воздействия на структурную ликвидность (позиции коммерческих банков против ЦБ) и, следовательно, на объемы операций на открытом рынке.

После глобального финансового кризиса (2008–2009 гг.) одним из основных факторов, учитываемых ЦБ при принятии монетарных решений, стали риски финансовой стабильности [Goldberg, 2020]. Это объясняется тем, что:

• финансовая нестабильность может не позволить ЦБ достичь первичных целей, закрепленных в законодательстве;

• монетарная политика может непреднамеренно стать источником макрофинансового стресса, вызванного ее продолжительным ослаблением или ужесточением [Grimm, 2023].

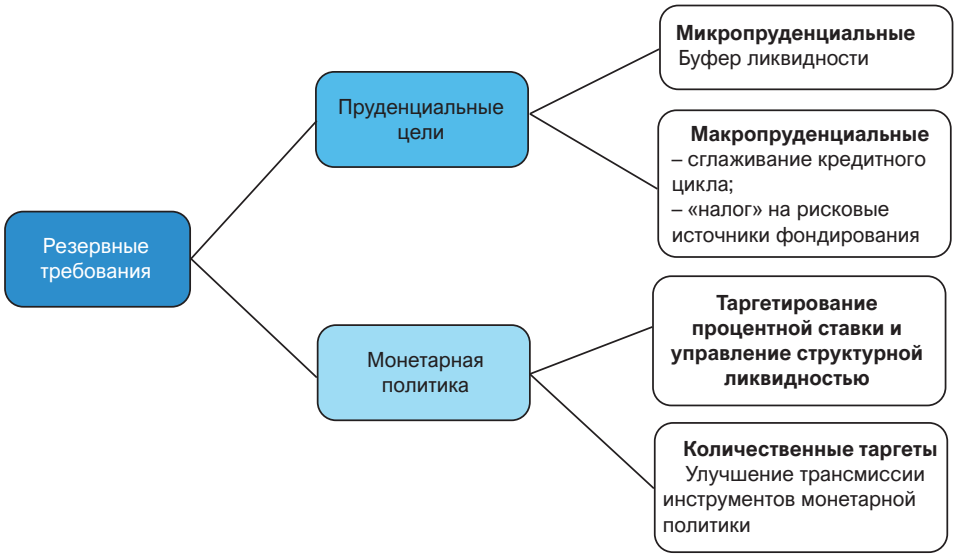
Сведения обзоров МВФ показывают, что ЦБ, выбравшие таргетирование инфляции (в 2022 г. насчитывалось 45 ЦБ, следовавших режиму таргетирования инфляции) в качестве режима монетарной политики, чаще использовали корректировку обязательных резервов при проведении монетарной политики в целях минимизации финансовых рисков, в том числе как дополнение, а в ряде случаев и как субститут, нужного урегулирования политических/ключевых процентных ставок[4].

[1] International Monetary Fund. Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions. Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2023/07/26/ (дата обращения: 21.12.2024).

[2] Cheng E., Tan C. China's central bank announces policy easing as it seeks to boost growth. Режим доступа: https://www.cnbc.com/2024/01/24/china-to-cut-banks-reserve-ratio-by-50-basis-points-from-feb-5.html (дата обращения: 21.12.2024).

[3] Qi X. China's central bank to cut RRR by 50 basis points to boost economic growth. Режим доступа: https://www.globaltimes.cn/page/202409/1320252.shtml (дата обращения: 21.12.2024).

[4] International Monetary Fund. Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions. Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2023/07/26/ (дата обращения: 21.12.2024).



Составлено авторами по материалам источника [Guido и др., 2024] / *Compiled by the authors on the materials of the source [Guido et al, 2024]*

Рис. 1. Цели использования резервных требований ЦБ
Fig. 1. The purpose of using the reserve requirements of Central Banks

После включения ответственности за поддержание макрофинансовой стабильности в мандаты многих ЦБ многофункциональность НОР была расширена (рис. 1).

В настоящее время ЦБ используют НОР для достижения также пруденциальных целей.

1. На микроуровне введение НОР обязывает банки хранить минимальный объем высоколиквидных средств и активов на счете в ЦБ. В этом случае они служат формой гарантии депозитов, инструментом управления риском ликвидности, а также определенным запасом ликвидности, позволяющим абсорбировать краткосрочные неожиданные увеличения объемов платежей.

2. На макроуровне НОР применяются для противодействия системным шокам ликвидности (поддержание устойчивости банковской системы) и снижения рисков чрезмерного роста кредитования. Так, повышение ставок НОР замедляет темпы роста кредитования.

В то же время использование данного инструмента вынуждает ЦБ постоянно находить компромисс между поддержанием экономической и финансовой стабильности. Это обусловлено тем, что повышение НОР, с одной стороны, может вести к сокращению объемов кредитования, ужесточению финансовых условий и, следовательно, к падению совокупного выпуска, а с другой – способно снизить вероятность и остроту потенциального макрофинансового стресса [Господарчук, 2023].

Эмпирические исследования эффективности применения НОР демонстрируют двойственные результаты [Cantú, 2024]. Анализ экспертов Банка международных расчетов и Центрального резервного банка Перу показал, что:

• повышение ставок НОР снижает вероятность материализации финансового стресса;

• эффект воздействия (с точки зрения соотношения затрат и выгод) НОР в странах с формирующимися рынками больше, чем в развитых экономиках в силу менее развитых финансовых рынков и доминирования банковского посредничества, что позволяет банкам перекладывать издержки повышенных ставок НОР на клиентов и в силу чего важна тщательная настройка резервных требований (исследования показали, что их единообразная настройка и настройка с учетом срочности депозитов более эффективны, чем НОР, дифференцированные по валюте).

Другие утверждают, что применение дифференцированных НОР в виде валютных нормативов эффективно в силу ряда причин [De Crescenzio, 2023]. Так, они могут:

• быть напрямую настроены на сужение валютных разрывов и снижение степени долларизации финансовой системы (более высокие значения ставок НОР для инвалютных пассивов кредитных организаций) без переноса рисков на субъектов реального сектора и/или другие страны;

• уменьшать амплитуду кредитного цикла, так как значительный разрыв между ставками НОР в национальной и иностранной валютах сокращает нежелательные притоки иностранного капитала, направляемых в долговые портфели;

• снижать стимулы для нефинансовых компаний привлекать инвалютное фондирование;

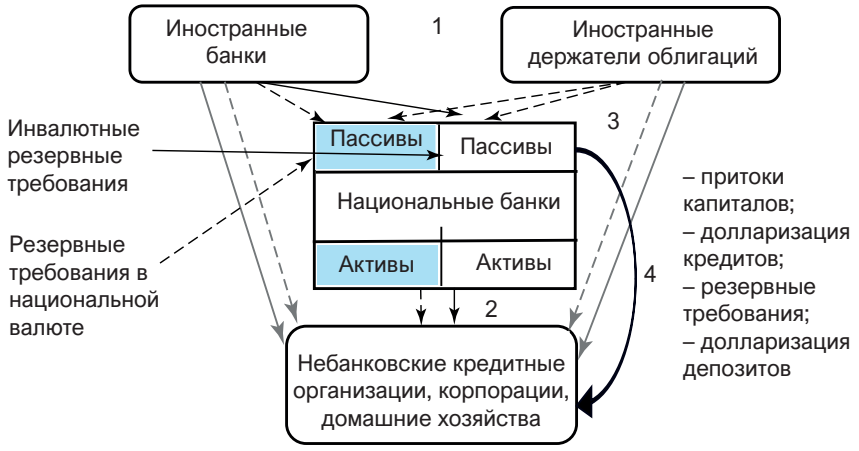
• выступать в качестве «налога» на притоки в страну иностранных капиталов.

На основании этого исследования можно сделать вывод о том, что НОР могут включаться в инструментарий валютного регулирования и применяться как меры капитального контроля, то есть контроля за трансграничными потоками капиталов (рис. 2).

Применение и настройка норм обязательного резервирования в традиционных условиях/ Application and adjustment of mandatory reservation standards in traditional conditions

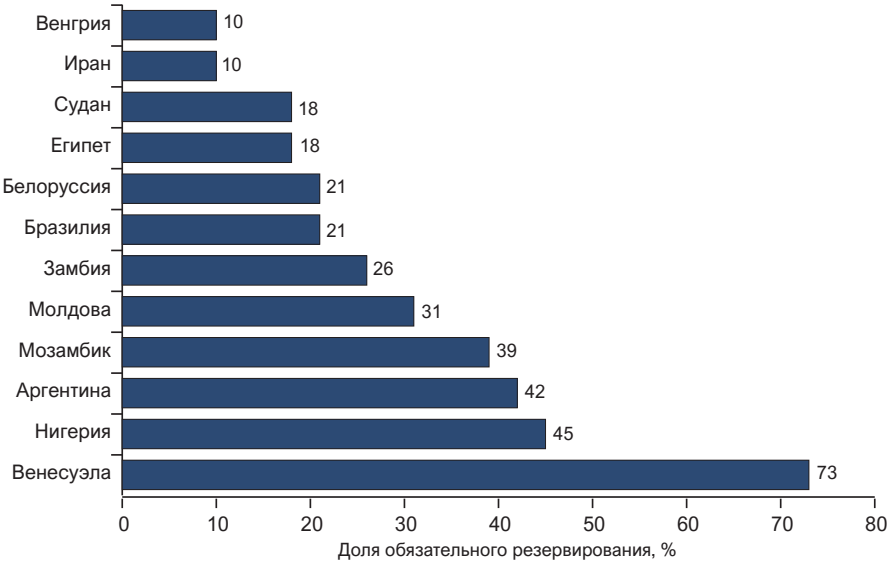
Практика ЦБ по применению НОР существенно различается: в одних странах их количественные значения остаются неизменными в течение продолжительных периодов времени, в других с разной частотой вносятся корректировки в параметры настройки данного инструмента. Если регуляторы в странах, относимых к группе развитых экономик, устанавливают незначительные величины ставки НОР (Европейский центральный банк, Банк Англии – 1 %, Банк Японии – 0,8 %), то регуляторы в странах с формирующимися рынками и развивающимися экономиками часто следуют противоположной практике (рис. 3).

[5] China Reserve Requirement Ratio. Режим доступа: https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/reserve-requirement-ratio (дата обращения: 21.12.2024).



Составлено авторами по материалам исследования / *Compiled by the authors on the materials of the source*

Рис. 2. Упрощенная схема трансмиссии обязательного резервирования на инвалютные пассивы.
Fig. 2. Simplified transmission scheme of mandatory redundancy for foreign currency liabilities



Составлено авторами по материалам источника[5]/ *Compiled by the authors on the materials of the source*[5]

Рис. 3. Значения нормы обязательного резервирования в отдельных странах за август–сентябрь 2024 г.
Fig. 3. Mandatory reserve rate values in individual countries, August–September 2024

Применение НОР в качестве инструмента монетарной политики требует предварительного определения:

• какие финансовые институты будут подпадать под резервные требования – исключительно банки или еще и определенные небанковские кредитные организации [Кузнецова, 2024];

• на пассивы каких субъектов они должны распространяться (определение расчетной базы нормативов);

• величины ставок НОР;

• практики выполнения финансовыми институтами резервных требований (перечень активов, принимаемых ЦБ в счет их исполнения, порядок усреднения обязательств (или его отсутствие) по резервным требованиям, период хранения и др.);

• ставка вознаграждения и/или штрафные санкции за несоблюдение комплаенса.

Специалисты МВФ рекомендуют ЦБ при выборе ответов на указанные выше вопросы [Unsal, 2022]:

• учитывать, если они не являются регуляторами небанковских кредитных организаций, но последние выступают прямыми или косвенными участниками национальных платежных систем (например, Китай), то в целях поддержания макрофинансовой стабильности распространение на них резервных требований может быть обоснованным;

• применять резервные требования ко всем обязательствам финансовых институтов, не относящимся к акциям, включая инвалютные обязательства и обязательства по сделкам РЕПО с клиентами;

• при исключении долгосрочных пассивов из базы НОР учитывать факторы минимизируемых рисков и резидентство их держателей;

• исключать обязательства перед другими финансовыми институтами из расчета базы НОР во избежание повторного счета и сдерживания межбанковских взаимодействий;

• для расчета базы НОР рассматривать усредненные месячные балансы (если такие расчеты невозможны, например, из-за технологических сбоев, то возможно использование данных за последние пять дней отчетного периода);

• отдавать предпочтение установке ставки НОР на уровне, который соответствует объему операций монетарной политики;

Таблица 1

Цели и параметры обязательного резервирования

Table 1. Mandatory reservation goals and parameters

Цель	Задачи	База	Размер ставки (5)	Единая или дифференциальная ставка	Период поддержания	Начисление % на хранимые обязательные резервы	Механизм усреднения
Монетарная политика	Таргет – денежная база	Компоненты M2/M3 (1)	Учет динамики денежных агрегатов	Единая	1 месяц	Да, в размере вмененных издержек хранения	Да
	Таргет – управление ликвидностью	Все пассивы	Учет размера операций на открытом рынке	Единая	1 месяц	Да, в размере вмененных издержек хранения	Да
Пруденциальное регулирование	Микро – буфер ликвидности	Кратко и среднесрочные пассивы (4)	Подлежит установке	Дифференциальная	1–2 недели	Да, в размере вмененных издержек хранения	Да
	Микро – страхование депозитов	Перечень пассивов (3)	20-30%	Единая	1–2 недели	Да, в размере меньше вмененных издержек хранения	Нет
	Макро – ограничение рисковых источников фондирования	Целевые источники фондирования (2)	Подлежит установке	Дифференциальная	1–-2 недели	Да, в размере меньше вмененных издержек хранения	Да
	Макро – сглаживание кредитного цикла	Все пассивы	Меняется против фаз цикла	Единая	1–2 недели	Да, в размере меньше издержек хранения	Нет

Примечание: (1) – возможны как традиционный подход, так и более широкие денежные агрегаты, (2) – типично включаются источники краткосрочного фондирования, инвалютного фондирования, средства, размещенные нерезидентами, или их сочетание, (3) – обычно перечень включает розничные пассивы физических лиц и малых предприятий, если в юрисдикции отсутствует отдельный механизм страхования депозитов, (4) – обычно не включаются долгосрочные депозиты и долговые обязательства, (5) – в отдельных случаях ЦБ не устанавливают обязательное значение НОР, но разрешают банкам определять и держать желаемый уровень «договорных» резервных требований как буфер ликвидности для поглощения шоков, вызванных автономными факторами

Составлено авторами по материалам источника [Guido и др., 2024] / *Compiled by the authors of the materials of the source [Guido et al, 2024]*

• учитывать, что при использовании системы процентного коридора ставка НОР является функцией оптимального диапазона операций на открытом рынке, а при установке политической/ключевой ставки по «системе пола» – помогает определить нужный размер других структурных операций;

• учитывать, что ставка НОР инвалютных пассивов должна быть выше, чем по пассивам, номинированным в национальной валюте.

Рекомендуемые соотношения между целями использования ОР и их параметрами отражены в табл. 1.

Интересен опыт регулирования НОР центральными банками Бразилии и Российской Федерации (далее – РФ, Россия), которые используют дифференцированные ставки. Изменения ставок резервирования ЦБ Бразилии отражают данные табл. 2.

Как следует из табл. 2, ЦБ Бразилии использует дифференцированные ставки высокого значения, что может объясняться несколькими факторами: в стране высокая накопленная инфляция и частые девальвации национальной валюты. В связи с этим данный инструмент денежно-кредитной политики применяется в рамках двойного назначения – режима таргетирования инфляции (основное назначение) и необходимости контроля валютного курса (дополнительное назначение). При этом дифференциация резервных

[6] Recolhimentos compulsórios – alíquotas. Режим доступа: https://www.bcb.gov.br/content/financialstability/reserverequirements_docs/historico-aliquotas-en.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

Таблица 2

Практика применения и размеры резервных требований ЦБ Бразилии в 2010–2021 гг.

Table 2. Application practices and reserve requirements size of the Central Bank of Brazil in 2010–2021

Год	Депозиты до востребования, %	Срочные депозиты, %	Сберегательные счета, %		Короткая валютная позиция, %	Дополнительные депозиты в наличных, %	
			Жилищные	Сельские		Депозиты до востребования	Срочные депозиты
2010	43	15→20	–	16,0	–	8→12	8→12
2011	43	20	–	17,0	60	12	12
2012	44	20	–	17,0	60	12→6→0	12→11
2013	44	20	–	18,0	0	0	11
2014	45	20	–	19,0→13,0	0	0	11
2015	45	20→25	24,5	13,0→15,5	0	0	11
2016	45	25→36	24,5	15,5	0	0	11
2017	45→40	36→34	24,5	15,5→21,0	0	0	0
2018	25→21	33	20	20,0	0	0	0
2019	21	31	20	20,0	0	0	0
2020	21	25→17	20	20,0	0	0	0
2021	21	20	20	20,0	0	0	0

Составлено авторами по материалам источника[6] / *Compiled by the authors on the materials of the source*[6]

Таблица 3

Практика применения и размеры резервных требований ЦБ РФ в 2023 г.

Table 3. Application practices and reserve requirements size of the Central Bank of Russia in 2023

Период	Депозиты юридических лиц-нерезидентов			Депозиты физических лиц			Иные обязательства		
	Национальная валюта	Иностранная валюта	Валюты «недружественных» стран	Национальная валюта	Иностранная валюта	Валюты «недружественных» стран	Национальная валюта	Иностранная валюта	Валюты «недружественных» стран
Для банков с универсальной лицензией									
01.04.2023 г. – 31.05.2023 г.	4,0	5,5	7,5	4,0	5,5	7,5	4,0	5,5	7,5
01.06.2023 г. – н.в.	4,5	6,0	8,5	4,5	6,0	8,5	4,5	6,0	8,5
Для небанковских кредитных организаций									
01.04.2023 г. – 31.05.2023 г.	4,0	5,5	7,5	4,0	5,5	7,5	4,0	5,5	7,5

Окончание табл. 3

Период	Депозиты юридических лиц-нерезидентов			Депозиты физических лиц			Иные обязательства		
	Национальная валюта	Иностранная валюта	Валюты «недружественных» стран	Национальная валюта	Иностранная валюта	Валюты «недружественных» стран	Национальная валюта	Иностранная валюта	Валюты «недружественных» стран
01.06.2023 г. – н.в.	4,5	6,0	8,5	4,5	6,0	8,5	4,5	6,0	8,5
Для банков с базовой лицензией									
01.04.2023 г. – 31.05.2023 г.	1,0	5,5	7,5	1,0	5,5	7,5	1,0	5,5	7,5
01.06.2023 г. –н.в.	1,0	6,0	8,5	1,0	6,0	8,5	1,0	6,0	8,5

Составлено авторами по материалам источника / *Compiled by the authors on the materials of the source*[7]

требований направлена на регулирование высоколиквидных компонентов денежной массы.

Несмотря на схожую с бразильской ситуацию на финансовом рынке, одинаковый режим денежно-кредитного регулирования (таргетирование инфляции) и текущие проблемы с волатильностью валютного курса, практика применения обязательного резервирования в России имеет отличие (табл. 3).

В первую очередь можно отметить более низкие значения нормативов резервирования. При этом уровень инфляции в России и Бразилии имеет сопоставимое значение. Также имеет свою специфику характер дифференциации применяемых нормативов. Можно заметить, что в России более высокие значения установлены для средств в иностранной валюте, в том числе дополнена дифференциация новым, не экономическим, но политическим критерием («недружественная» валюта и иностранная валюта «дружественных» стран). Дополнительно дифференцируются резервные требования в зависимости от типа лицензий кредитных организаций. На основании данных фактов можно сделать вывод о том, что в России обязательные резервы стали использоваться в большей степени как инструмент капитального контроля (основное назначение) и как запас ликвидности финансовых институтов (дополнительное назначение). Так, по словам заместителя председателя ЦБ РФ А. Заботкина, нормы резервных требований в настоящее время не являются «значимым инструментом денежно-кредитной политики»[8].

В целом, как следует из анализируемых доступных данных, центральные банки, таргетирующие инфляцию, устанавливают более высокие ставки нормы обязательного резервирования по сравнению с банками, таргетирующими иные ориентиры. Однако различия в величине ставки НОР, вводимых ЦБ, следующим режиму фиксированного обменного курса, и ЦБ, таргетирующим инфляцию, относительно небольшие. В то же время значения ставок резервирования, установленных в отношении финансовых институтов, действующих в развитых экономиках, заметно ниже, чем в других группах стран. В развитых экономиках, как правило, используются начисление процентов на хранимые обязательные резервы, а также механизм усреднения, предусматривающий учет выполнения резервных требований со стороны финансовой организации, если необходимый запас ликвидности был сформирован на ее основном корреспондентском счете. Данный подход объясняется тем, что назначение банков в экономике – быть финансовыми посредниками и предлагать своим клиентам особый вид продукта – кредит. В связи с этим любое резервирование средств имеет инфляционный характер и приводит к удорожанию кредитов. Кроме того, отсутствие вознаграждения по обязательным резервам может приравниваться к дополнительному налогу, который применяется к кредитным институтам.

Интересным примером практического использования резервных требований может являться Национальный банк Грузии, поскольку в данной модели учтены рекомендации, минимизирующие негативное влияние данного инструмента. Так, Комитет по монетарной политике Национального банка Грузии устанавливает дифференцированные по валюте НОР, исходя из усредненных величин привлеченных фондов (депозиты и привлеченное долговое финансирование). Банки обязаны держать суммы НОР на корреспондентских счетах в течение 14 дней. Применяется также режим усреднения: минимальные резервы, рассчитанные по средствам, привлеченным в национальной валюте, должны храниться на корреспондентских счетах в Национальном банке Грузии в течение двух недель при условии, что средний запас не ниже суммы минимальных резервных требований.

[7] Банк России повышает с июня нормативы обязательных резервов. Режим доступа: https://cbr.ru/press/pr/?file=63820451076688477 8DKP.htm (дата обращения: 20.12.2024).

[8] Заботкин прокомментировал возможное изменение нормативов обязательных резервов для банков. Режим доступа: https://www.interfax.ru/business/982385 (дата обращения: 20.12.2024).

Минимальные НОР по фондам, привлеченным в иностранной валюте, хранятся на резервных инвалютных счетах в Национальном банке Грузии. Банки также обязаны выполнять НОР и держать требуемый их объем на резервных счетах в течение 14 дней. В течение периода поддержания средства на таких счетах блокируются. Процентная ставка по балансам, номинированных в долл. США и евро на корреспондентских, депозитных и резервных счетах коммерческих банков Национального банка, равна 0 %. Процентная ставка вознаграждения по средствам НОР в национальной валюте равна политической (ключевой) ставке. Таким образом, минимизируется «налоговый эффект» обязательных резервов.

В настоящее время НОР по привлеченным фондам в национальной валюте равна 5 % (табл. 4). Ставки НОР по привлеченным фондам в иностранной валюте варьируются от 10 до 20 % в зависимости от уровня долларизации депозитов в конкретном коммерческом банке. Заемные фонды со срочностью до погашения более года в национальной валюте и более двух лет в иностранной валюте исключаются из резервных требований, а заемные фонды в иностранной валюте со срочностью до погашения один–два года подпадают под резервные требования по ставке от 10 до 15 % в зависимости от уровня долларизации депозитов в конкретном коммерческом банке.

В модели обязательных резервов Национального банка Грузии используются вознаграждаемые, с усреднением, не дифференцированные для средств в национальной валюте резервные требования. В то же время резервные требования на инвалютные пассивы могут использоваться для контроля над процентными ставками по кредитам, номинированным в иностранной валюте.

Несмотря на то что единообразное значение ставки резервных требований с широким охватом финансовых институтов максимизирует воздействие изменений в ставке на позицию структурной ликвидности, многие центральные банки применяют дифференцированный подход в применении данного инструмента. Это объясняется тем, что сфера его применения стала более обширной, и все большее число центральных банков используют обязательные резервы не только для контроля денежных агрегатов.

Вместе с полученными выводами о тенденциях в практике применения НОР следует обратить внимание на растущее проникновение инновационных цифровых технологий в операционную работу ЦБ и функционирование финансовых рынков [Kuznetsov, 2021]. Усложнение комплексности задач, решаемых центральными банками в связи с цифровизацией денежного обращения и платежных систем, требует теоретического и практического переосмысления основ монетарной политики, применяемых инструментов и последствий их использования. Появление в обращении цифровых национальных валют однозначно потребует преобразования регулирования денежного обращения и модификации его инструментов. В то же время теоретические исследования о возможной трансформации инструментов денежно-кредитной политики под воздействием эмиссии ЦВЦБ пока находятся на начальном этапе. Так, в исследованиях под цифровой валютой центрального банка понимается «денежная стоимость, хранимая в электронной (цифровой или электронный токен) форме, которая представляет пассив центрального банка и может быть использована для проведения платежей» [Purnawana, 2019].

[9] The minimum reserve requirements. Режим доступа: https://nbg.gov.ge/en/page/minimum-reserve-requirements (дата обращения: 21.12.2024).

Таблица 4

Практика применения и размеры резервных требований Национальным банком Грузии

Table 4. Application practices and reserve requirements size of the National Bank of Georgia

17.10.2019 г.	**5 %**	**25 %**
	5 % на пассивы; из расчета исключены фонды со срочностью до погашения более года	– 25 % на привлеченные фонды; – 15 % на заемные фонды со срочностью до погашения один–два года
04.08.2021 г.	**5 %**	**25–10 %**
	5 % на пассивы; из расчета исключены фонды со срочностью до погашения более года	– 25–10 % на привлеченные фонды в зависимости от уровня долларизации депозитов; – 15–10 % на заемные фонды со срочностью до погашения один–два года в зависимости от уровня долларизации
07.12.2023 г.	**5 %**	**20–10 %**
	5 % на пассивы; из расчета исключены фонды со срочностью до погашения более года	– 20–10 % на привлеченные средства в зависимости от уровня долларизации депозитов; – 15–10 % на заемные фонды со срочностью до погашения один–два года в зависимости от уровня долларизации

Составлено авторами по материалам источника[9]/ *Compiled by the authors on the materials of the source*[9]

Цифровые валюты центральных банков и модификация инструментов регулирования центральным банком предложения денег / Central banks' digital currencies and their money supply regulation instruments modification

Введение в нескольких странах выпуска цифровых валют и проведение пилотных экспериментов с розничными ЦВЦБ, хранимыми в цифровых кошельках пользователей, поставили ряд важных вопросов:

• какими должны быть настройки национальных цифровых валют ЦБ;

• какие регуляторные инструменты монетарной политики применимы в условиях выпуска третьей формы денег центрального банка;

• какой модификации подвергнуться сложившиеся каналы трансмиссионного механизма монетарной политики;

• сохранят ли страны при широком распространении и использовании ЦВЦБ монетарный суверенитет или же ускорятся процессы «цифровой долларизации»;

• применимы ли нормы обязательного резервирования для ЦВЦБ и с какой целью.

Пока не существует ни теоретического, ни эмпирического консенсуса среди экспертного сообщества и ЦБ по многим важным вопросам микро- и макропруденциального регулирования в условиях широкого использования ЦВЦБ [Беликова, 2023]. Среди экспертов предварительно сложилось два противоположных подхода относительно возможности и необходимости использования НОР применительно к ЦВЦБ в цифровых кошельках пользователей. Сторонники первого полагают, что если принять, что ЦВЦБ – аналог наличных, представленных в цифровой форме, то средства, которые пользователи держат в цифровых кошельках, не должны подпадать под нормы обязательного резервирования [Caccia, Tapking, Vlassopoulos 2023]. Сторонники второго доказывают, что если исходить из того, что ЦВЦБ – третья форма денег центрального банка, которые распределяют пользователям кредитные организации подобно текущим операциям с безналичными деньгами (электронными деньгами коммерческих банков), то зачисляемые на счета/в кошельки ЦВЦБ деньги должны подпадать под действующие требования норм обязательного резервирования [Fegatelli, 2024; Шилов, 2024]. В настоящее время, когда только ограниченное число ЦБ ввели в обращение национальные цифровые валюты, преобладает первый подход (табл. 5).

Таблица 5

Отличительные характеристики ЦВЦБ, выпускаемых и находящихся на завершающих этапах массового использования, в 2023 г.

Table 5. Distinctive characteristics of digital currencies produced and in the final stages of mass use in 2023

ЦБ, название ЦВЦБ	Статус проекта	Вознаграждение	Лимиты	Операционное взаимодействие с банковским счетом
Европейский центральный банк, цифровой евро	С ноября 2023 г. этап подготовки к выпуску	Окончательного решения нет, предполагается 0 %	Для физических лиц – 3–4 тыс., для бизнеса и государства – 0	Функционал прямого и обратного обмена
Багамы, песчаный долл.	Функционирует с 2020 г.	0 %	Трехуровневая модель, лимиты хранения и месячных сделок для физических лиц и торговых компаний	Функционал обмена есть, но любое превышение лимита хранения переводится на банковский счет
Канада	Консультации с обществом	0 %	Не определены	Не определено
Китай, e-CNY	В 2019 г. запущен общенациональный пилот	0 %	Лимиты устанавливает распределяющий банк	Не определено
Восточные Карибы, DCash	Функционирует с марта 2021 г.	0 %	Лимиты устанавливает распределяющий банк	Открытие кошелька без банковского счета
Индия, цифровая рупия	Пилот с декабря 2022 г., завершена первая фаза введения	0 %	Лимиты устанавливает распределяющий банк	Кошелек ЦВЦБ отделен от банковского счета, нет функции обмена
Ямайка, JAM-DEX	Функционирует с июля 2022 г.	0 %	Лимиты устанавливает поставщик кошелька	Кошелек ЦВЦБ отделен от банковского счета, нет функции обмена
Япония	Пилот с апреля 2023 г.	Не определено	Лимиты изучаются	Не определено
Нигерия, eNaira	Функционирует с октября 2021 г.	0 %	Четырехуровневая модель, для физических лиц лимиты на сделки и хранение	Функционал обмена доступен
Норвегия	Ведутся эксперименты	Не определено	Не определено	Не определено

Окончание табл. 5

ЦБ, название ЦВЦБ	Статус проекта	Вознаграждение	Лимиты	Операционное взаимодействие с банковским счетом
Швеция, E-krona	2024 г. – оценка спроса на E-krona	Не определено	Не определено	Не определено
Великобритания, digital pound	Консультации с обществом	0 %	Планируемый лимит хранения – 10–20 тыс.	Оценивается функционал обмена

Составлено авторами по материалам источника [Caccia, 2023] / *Compiled by the authors of the materials of the source [Caccia, 2023]*

Как показывают данные табл. 5, ЦБ, запустившие и/или проводящие масштабные пилоты розничных ЦВЦБ, устанавливают лимиты хранения третьей формы денег центральных банков и механизмы автоматического прямого и/или обратного обмена, обеспечивающие непрерывность исполнения платежей, номинированных в ЦВЦБ, что характеризует их как средство платежа, близкое к наличным деньгам.

Хотя в настоящее время дизайны запущенных проектов ЦВЦБ не предусматривают выплату процентов за их хранение, в ходе теоретических дискуссий такая возможность обсуждалась [Garratt, 2022]. Например, в исследовании Банка Канады показано, что использование процентных розничных ЦВЦБ снижает альтернативные издержки поддержания объемов средств, доступных для немедленных платежей, повышает их эффективность, стимулирует повышение совокупного спроса и конечных цен, может вынуждать банки повышать процентные ставки по депозитам, увеличивая затраты на привлечение фондирования [Chiu, 2021].

Сторонники второго подхода полагают, что НОР могут использоваться как косвенный инструмент управления потоками ЦВЦБ при положительной ключевой ставке [Fegatelli, 2024]. Введение нового, изменчивого во времени пассива на балансе ЦБ не является нейтральным для монетарной политики, даже если его вознаграждение установлено равным нулю. Когда повышение политической ставки расширяет спред между ставкой по банковским депозитам и вознаграждением ЦВЦБ (равным нулю), ЦБ также может повышать НОР по ЦВЦБ, чтобы уравновесить приток депозитов в банки. Поскольку ЦБ может напрямую вести мониторинг потоков в/из ЦВЦБ, он в состоянии предпринимать быстрые меры, если дисбалансы нового потока будут угрожать финансовой стабильности или ослаблять трансмиссию монетарной политики. Это позволит оставить ЦВЦБ не вознаграждаемыми, сохранить банковское посредничество и использование наличных денег.

Следует отметить еще один важный аспект обращения цифровых валют. Безопасность данных становится важным параметром при дизайне ЦВЦБ любого правительства. Записи сделок с национальными ЦВЦБ будут привлекательными целями для преступников. Взлом данных и кошельков с ЦВЦБ может дать злоумышленникам (помимо финансовой выгоды) инсайт и стратегическое влияние. Кроме того, легальные и нелегальные данные становятся стандартным аспектом геополитической конкуренции. В дополнение к защите личных данных физических лиц правительства должны предотвращать атаки на государственные данные и защищать доступ к внутренним экономическим данным. Обозначенные аспекты могут нести дополнительные финансовые затраты при обращении ЦВЦБ. Вместе с тем целесообразность и справедливость распределения этих затрат пока однозначно не определены, и может потребоваться дополнительная страховая защита цифровых кошельков пользователей.

Заключение/ Conclusion

В результате анализа опыта отдельных стран и обобщенных исследований МВФ можно сделать вывод о высокой распространенности и эффективности применения традиционного инструмента монетарной политики – резервных требований. Вместе с тем введение ЦВЦБ поднимает вопрос о возможности или необходимости применения резервных требований в отношении новой формы национальной денежной единицы.

Хотя встречаются разные модели использования данного инструмента, которые позволяют акцентировать внимание национального регулятора на текущих проблемах банковского сектора и подобрать особую его настройку с учетом национальной специфики, важно отметить, что он относится к категории инструментов долгосрочного воздействия, а не оперативного маневрирования. Изменения в настройках параметров НОР оказывают отсроченные (прямые и косвенные) воздействия на бизнес-модели кредитных организаций и положение на финансовом рынке. Так, ужесточение параметров НОР (например, в целях замедления темпов роста совокупного кредитования) может спровоцировать нежелательные макроэкономические эффекты, а в случае, если настройки параметров НОР не предусматривают выплату процентов за хранимые кредитными организациями обязательные

резервы, они воспринимаются финансовыми институтами как дополнительный налог.

По мнению авторов, применение резервных требований в отношении ЦВЦБ логично в первую очередь с точки зрения инструмента капитального контроля. В модели обращения ЦВЦБ, допускающей зачисление такой валюты в крипто-кошелек пользователя (перевод), минуя банковский счет, возможно применение НОР для ограничения нежелательного притока зарубежных ЦВЦБ. При этом традиционная модель привязки цифровых кошельков пользователей к банковскому счету не имеет особенностей депонирования обязательных резервов, ведь, по сути, цифровые деньги в этом случае приравниваются к наличным деньгам в обращении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беликова С.С., Беликов А.В. Восток и Запад: глобальное технологическое противостояние. Управление. 2023;3(11):109–119. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-109-119

Господарчук Г.Г., Зеленева Е.С. Эффективность макропруденциальной политики: проблемы измерения и оценки. Финансы: теория и практика. 2023;1(27). https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-32-41.

Кузнецова В.В., Ларина О.И. Влияние небанковского финансового посредничества на банковские кризисы. Финансы: теория и практика. 2024;4(28):144–156. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-4-144-156

Шилов К.Д., Зубарев А.В. Не только биткоин: таксономия криптовалют в исторической перспективе. Финансы: теория и практика. 2024;6(28):122–133. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-6-122-133

Caccia E., Tapking J., Vlassopoulos T. Central bank digital currency and monetary policy implementation. Occasional Paper Series. 2023;345:53.

Cantú C., Gondo R., Martinez B. Reserve requirements as a financial stability instrument. BIS Working Papers. BIS; 2024. 44 p.

Chiu J., Davoodalhosseini M. Central Bank Digital Currency and Banking: Macroeconomic Benefits of a Cash-Like Design. Bank of Canada; 2021. 100 p.

De Crescenzio A., Lepers E., Fannon Z. Assessing the Effectiveness of Currency-Differentiated Tools: The Case of Reserve Requirements. International Journal of Central Banking. 2023;439–492.

Di Iorio A., Kosse A., Mattei I. Embracing diversity, advancing together - results of the 2023 BIS survey on central bank digital currencies and crypto. BIS Working Papers. BIS; 2024. 39 p.

Fegatelli P. Monetary policy and reserve requirements with a zero-interest digital euro. Journal of Macroeconomics. 2024;80:1–17.

Garratt R., Yu J., Zhu H. The case for convenience: how CBDC design choices impact monetary policy pass-through. BIS Working Papers. BIS; 2022. 48 p.

Goldberg J., Klee E., Prescott E., Wood P. Monetary policy strategies and tools: financial stability considerations. Federal Reserve Board Finance and Economics Discussion Series. 2020;74:34.

Gray S. Central Bank Balances and Reserve Requirements. IMF Working Paper 36. IMF; 2011. 56 p.

Grimm M., Jorda O., Schularick M., Taylor A. Loose Monetary Policy and Financial Instability. NBER Working Paper. NBER; 2023. 54 p.

REFERENCES

Belikova S.S., Belikov A.V. East and West: global technological confrontation. Upravlenie / Management (Russia). 2023;3(11):109–119. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-109-119

Caccia E., Tapking J., Vlassopoulos T. Central bank digital currency and monetary policy implementation. Occasional Paper Series. 2023;345:53.

Cantú C., Gondo R., Martinez B. Reserve requirements as a financial stability instrument. BIS Working Papers. BIS; 2024. 44 p.

Chiu J., Davoodalhosseini M. Central Bank Digital Currency and Banking: Macroeconomic Benefits of a Cash-Like Design. Bank of Canada; 2021. 100 p.

De Crescenzio A., Lepers E., Fannon Z. Assessing the Effectiveness of Currency-Differentiated Tools: The Case of Reserve Requirements. International Journal of Central Banking. 2023;439–492.

Di Iorio A., Kosse A., Mattei I. Embracing diversity, advancing together - results of the 2023 BIS survey on central bank digital currencies and crypto. BIS Working Papers. BIS; 2024. 39 p.

Fegatelli P. Monetary policy and reserve requirements with a zero-interest digital euro. Journal of Macroeconomics. 2024;80:1–17.

Garratt R., Yu J., Zhu H. The case for convenience: how CBDC design choices impact monetary policy pass-through. BIS Working Papers. BIS; 2022. 48 p.

Goldberg J., Klee E., Prescott E., Wood P. Monetary policy strategies and tools: financial stability considerations. Federal Reserve Board Finance and Economics Discussion Series; 2020. 34 p.

Gospodarchuk G.G., Zeleneva E.S. Effectiveness of Macroprudential Policy: Problems of Measurement and Evaluation. Finance: Theory and Practice. 2023;1(27):32–41. (In Russian). https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-32-41

Gray S. Central Bank Balances and Reserve Requirements. IMF Working Paper 36. IMF; 2011. 56 p.

Grimm M., Jorda O., Schularick M., Taylor A. Loose Monetary Policy and Financial Instability. NBER Working Paper. NBER; 2023. 54 p.

Guido D. V., King D., Veyrune R. Monetary Operations and Domestic Market Development: Reserve Requirements. Technical Assistance Handbook. IMF; 2022. 31 p.

Kuznetsov N.V., Ekimova K.V., Polyakova E.V. The use of mathematical apparatus data envelopment analysis of companies in a digital economy. In: Socio-Economic Systems: Paradigms for the Future. Springer International Publishing; 2021. Pp. 1543–1552. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_160

Guido D. V., King D., Veyrune R. Monetary Operations and Domestic Market Development: Reserve Requirements. Technical Assistance Handbook. IMF; 2022. 31 p.

Kuznetsov N.V., Ekimova K.V., Polyakova E.V. The use of mathematical apparatus data envelopment analysis of companies in a digital economy. In: Socio-Economic Systems: Paradigms for the Future. Springer International Publishing; 2021. Pp. 1543–1552. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_160

Larina O.I., Moryzhenkova N.V., Kukanova N.S. The Prospects for Using Distributed Ledger Technology in the Russian Insurance Sector. Lecture Notes in Networks and Systems. 2021;155:1461–1470. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_160

Purnawana M.E., Riyantia R. Significant Effect of the Central Bank Digital Currency on the Design of Monetary Policy. Jurnal Ekonomi Indonesia. 2019;1(8):125–151.

Unsal D.F., Papageorgiou C., Garbers H. Monetary Policy Frameworks: An Index and New Evidence. IMF Working Paper 22. IMF; 2022. 51 p.

Kuznetsova V.V., Larina O.I. Impact of Non-Bank Financial Intermediation on Banking Crises. Finance: Theory and Practice. 2024;4(28):144–156. (In Russian). https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-4-144-156

Larina O.I., Moryzhenkova N.V., Kukanova N.S. The Prospects for Using Distributed Ledger Technology in the Russian Insurance Sector. Lecture Notes in Networks and Systems. 2021;155:1461–1470. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_160

Purnawana M.E., Riyantia R. Significant Effect of the Central Bank Digital Currency on the Design of Monetary Policy. Jurnal Ekonomi Indonesia. 2019;1(8):125–151.

Shilov K.D., Zubarev A.V. Beyond Bitcoin: A Taxonomy of Cryptocurrencies in a Historical Perspective. Finance: Theory and Practice. 2024;6(28):122–133. (In Russian). https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-6-122-133

Unsal D.F., Papageorgiou C., Garbers H. Monetary Policy Frameworks: An Index and New Evidence. IMF Working Paper 22. IMF; 2022. 51 p.

УДК 331.108 JEL J24, M52 DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-1-51-62
Получено: 25.12.2024 Статья доработана после рецензирования: 03.02.2025 Принято: 11.02.2025

Взаимосвязь бизнеса и высшего образования для подготовки продуктивных человеческих ресурсов

Рязанова Галина Николаевна[1,2]

Канд. экон. наук, доц. каф. институциональной экономики[1], доц. каф. экономической теории[2]

ORCID: 0000-0001-9742-3437, e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

[1]Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

[2]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125167, Ленинградский пр-т, 49/2, г. Москва, Россия

Аннотация

Современная экономическая среда характеризуется изменчивостью, связанной с динамичной сменой потребительских предпочтений, развитием цифровых технологий и глобализацией цепочек поставок, а также демографическими сдвигами. Эти вызовы накладывают отпечаток на рынок человеческих ресурсов, который подвержен волатильности, с чем сталкиваются выпускники вузов и другие соискатели. Потребности компаний меняются под воздействием внешних угроз, и работодатель выдвигает все новые требования к работникам организации. В связи с этим миссия современной высшей школы расширяется, что требует вовлечения практиков в образовательный процесс. Цель настоящего исследования – определить наиболее важные аспекты взаимосвязи образовательных организаций с бизнесом, что вызывает необходимость решения следующих задач: определение особенностей состояния современного рынка человеческих ресурсов, выявление наиболее значимых качеств соискателя на рынке труда, определение методов формирования конкурентоспособных компетенций во взаимосвязи бизнеса и университетов. Для достижения цели в работе применялись дедуктивный метод, методы моделирования и системного анализа. Сделан вывод о необходимости совместных усилий организаций и высшей школы в подготовке продуктивных человеческих ресурсов для обеспечения экономического роста страны. Результаты исследования могут быть использованы в формировании стратегии взаимодействия работодателя и высшего образования, а также при создании и корректировке учебных планов образовательных программ.

Ключевые слова: трансформация социально-экономического пространства, рынок труда, соискатель, работодатель, взаимодействие бизнеса и образования, человеческий капитал, профессиональные навыки, конкурентоспособность, адаптивность

Для цитирования: Рязанова Г.Н. Название//Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 51–62. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-51-62

© Рязанова Г.Н., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received: 25.12.2024 Revised: 03.02.2025 Accepted: 11.02.2025

Interrelationship of business and higher education for productive human resources training

Galina N. Ryazanova[1,2]

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Institutional Economics Department[1], Assoc. Prof. at the Economic Theory Department[2]

ORCID: 0000-0001-9742-3437, e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

[1]State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

[2]Financial University Under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky prospekt, Moscow 125167, Russia

Abstract

Today's economic environment is characterized by volatility due to dynamic shifts in consumer preferences, digital technology and supply chain globalization, and demographic shifts. These challenges impose a volatile human resources market, which is what graduates and other job seekers face. Companies' needs are changing under the influence of external threats, and employer puts forward all new requirements to their employees. In this regard, modern higher education mission is expanding, which requires practitioners' involvement in the educational process. The purpose of the study is to determine the most important aspects of interrelationship of educational organizations and business. It causes the need to solve the following tasks: determining the peculiarities of the modern human resources market state, identifying the most significant qualities of an applicant in the labor market, determining the methods of forming competitive competencies in interrelationship of business and universities. To achieve the goal, the deductive and modeling methods and system analysis were used in the research. It has been concluded that it is necessary to joint efforts of organizations and higher education when training productive human resources to ensure economic growth of the country. The study results can be used when forming a strategy of interaction between employers and higher education, as well as creating and adjusting curricula of educational programs.

Keywords: social and economic space transformation, labor market, job seeker, employer, interaction between business and education, human capital, professional skills, competitiveness, adaptability

For citation: Ryazanova G.N. (2025). Interrelationship of business and higher education for productive human resources training. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (1), pp. 51–62. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-51-62

© Ryazanova G.N., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Темп изменений ускоряется с каждым десятилетием развития человеческой цивилизации, и в последние годы ощущается все острее. Трансформация компонентов социально-экономической экосистемы накладывает отпечаток на тренды развития всей системы и ее подсистем [Sazanova, 2021]. Смена потребительских предпочтений формирует необходимость микроэкономических агентов активнее и быстрее внедрять инновации, осуществлять создание и внедрение новых востребованных продуктов [Gasanov, Zubarev, Krasota, 2020]. Необходимость роста эффективности производственных и дистрибьюторских систем требует поиска новых методов снижения затрат и оптимизации использования факторов производства [Litvinenko, 2020].

Рынки товаров и услуг, финансовые рынки находятся во взаимосвязи с рынком труда, объединяясь в сложную изменчивую систему, где последствия изменений одного элемента провоцируют отражение в другом. Рынок человеческих ресурсов как производный от рынка благ остро реагирует на макроэкономические сдвиги – в период положительной деловой конъюнктуры работодатели привлекают больше работников, что значит, что их стоимость на рынке повышается ввиду необходимости удержать наиболее продуктивных сотрудников [Monteiro et al, 2020]. В периоды нисходящей волны экономического цикла фирмы стремятся сократить расходы, в том числе на содержание сотрудников, увеличивая число безработных граждан.

Существенная роль в трендах на рынке труда принадлежит ситуации на финансовом рынке, который является финансистом микроэкономических агентов. В условиях дешевых денег (низкой ставки рефинансирования и низкой нормы резервирования) бизнес расширяет производство и количество рабочих мест, и наоборот – при жесткой денежно-кредитной политике найм новых сотрудников не осуществляется [Prijadi et al, 2020].

Для повышения конкурентоспособности организации должны принимать во внимание экономические условия и прогнозы, поэтому работодатели изменяют требования к соискателям согласно требованиям внешней среды. Например, активное внедрение цифровых технологий во всех сферах жизни вынуждает компании предъявлять более жесткие требования к цифровым навыкам работников [Li, 2022]. В таких условиях роль высшей школы несколько меняется. Ключевой целью университетов и институтов становится формирование гибких, многосторонних личностей, способных быстро обучаться, приобретать новые навыки и легко осваивать новые виды деятельности [Russell, Smorodinskaya, 2018]. Эту задачу нужно решать сообща с представителями науки и бизнес-сообщества.

Целью настоящего исследования является выявление методов эффективного взаимодействия высшей школы и организаций в части подготовки конкурентоспособной рабочей силы для экономики страны. В рамках исследования решены задачи по определению особенностей современной среды, отражению трансформаций экономического ландшафта на рынке человеческих ресурсов, выявлению факторов продуктивности персонала, методов формирования наиболее востребованных качеств выпускника в кооперации университетов и работодателей.

Методологической основой работы являются эмпирическое исследование представителей бизнеса, анализ и сопоставление полученных результатов с данными официальной статистики рынка труда, моделирование на базе системного подхода.

Структура настоящего исследования представлена введением, основной частью (три раздела), заключением и списком литературы.

Основные особенности и вызовы современного рынка человеческих ресурсов / Main features and challenges of the modern labor market

Технологические инновации, глобализация и демографические изменения накладывают глубокий отпечаток на рынок человеческих ресурсов. Сжатие жизненного цикла товаров, быстрая смена номенклатурной линейки требуют от производителей значительной гибкости и скорости внедрения изменений, поэтому требуются работники с широким спектром навыков, способные быстро встраиваться в новые виды деятельности и выходить на высокую производительность труда [Шарипов, Дьяконова, Сюй, 2022; Brown, Souto-Otero, 2020].

Структурная трансформация экономики, переход на новые удаленные виды деятельности с использованием цифровых технологий снимают проблему локации человеческих ресурсов и усиливают конкуренцию между соискателями, особенно в работах, осуществляемых в онлайн-режиме. Отношения «работник и работодатель» становятся все более открытыми и прозрачными, в достойных компаниях руководство заботится о постоянном повышении уровня квалификации персонала, инвестирует в обучение сотрудников, проводит мониторинг их профессионального роста [Hatch, Dyer, 2004].

Эти тенденции оказывают влияние на показатели занятости и безработицы. Так, по данным Международной организации труда после восстановления

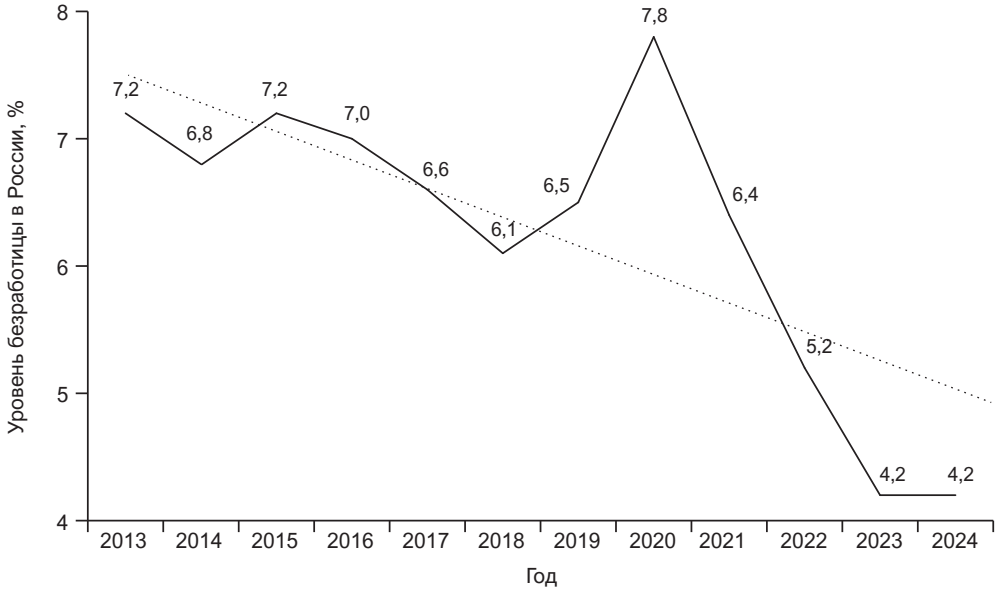
планеты от пандемии COVID-19 уровень безработицы в мире стал снижаться: в 2022 г. он был около 5,2 %, в 2023 г. – около 5 %, в 2024 г. – около 4,8–4,9 %.

Если говорить о Российской Федерации (далее – РФ, Россия), зависимость занятости напрямую связана с геополитическими аспектами, и в последние годы имеет тенденцию к снижению. По данным Федеральной службы государственной статистики, после «пандемических» 7,8 % безработица падала в 2021–2023 гг. до 6,4 %, 5,2 % и 4,2 % соответственно. В 2024 г. безработица (по отношению безработных к рабочей силе) осталась на том же уровне (рис. 1).

Налицо присутствие рынка «продавца» рабочей силы, когда определенные кадры в дефиците на рынке труда. Однако проблема равновесия на рынке человеческих ресурсов связана и с потребностями другого экономического агента – организаций. Важным индикатором состояния рынка труда является спрос на рабочую силу – именно потребности работодателя диктуют направленность специалистов в тот или иной сегмент рынка, поиск возможностей для приобретения конкретных навыков и квалификации. Автоматизация производственных процессов и сферы услуг снижает потребность в низкоквалифицированных работниках, но усиливает требования к цифровым навыкам соискателя, изменяет значимость его личных качеств, «мягких» навыков [Van Laar et al, 2020]. Рынок человеческих ресурсов вынуждает самих индивидуумов постоянно обучаться, развивать не только профессиональные, но и личностные качества, стремиться к большей интеграции в социум, большему общению с людьми, которые могут поделиться своими знаниями и дать добрый совет.

Динамичные трансформации на рынке товаров и услуг стимулируют динамику рынка труда, который меняется под потребности работодателя, связанного в свою очередь с потребностями целевого клиента. Современный рынок труда неоднозначен: с одной стороны, наблюдается «нехватка рабочих рук», а с другой – требования к «рабочим рукам» и в большей степени к «головам» растут с невероятной скоростью. Рынок человеческих ресурсов отличается динамичностью, что открывает новые возможности для соискателя – они могут найти подходящий тип занятости и успешно совмещать работу и личную жизнь. В то же время возникают новые вызовы, такие как обострение конкуренции и необходимость постоянно развиваться и адаптироваться к изменчивым условиям. В этой ситуации ответственность за будущее выпускников частично ложится на вузы, которым необходимо приспосабливаться к новой институциональной среде и частично пересматривать подходы к образовательным программам и образовательному процессу.

[1] Федеральная служба государственной статистики. Рабочая сила, занятость и безработица в России. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.htm (дата обращения: 23.12.2024).



Составлено автором по материалам источника[1] / *Compiled by the author on the materials of the source*[1]

Рис. 1. Динамика безработицы в России в 2013–2024 гг.
Fig. 1. Unemployment dynamics in Russia in 2013–2024

Ключевые факторы продуктивности человеческих ресурсов / Key factors of human resource productivity

Для выживания в сложной бизнес-среде и успешного развития бизнеса предприниматели нуждаются в эффективном человеческом капитале, обеспечивающем высокую продуктивность и отдачу от человеческого ресурса [Alekseeva et al, 2021]. Для этого работодатели приглашают профессионалов, замотивированных в получении высокого производственного результата. Чтобы сотрудник мог раскрыть свой потенциал, руководители организации создают удобное рабочее пространство и комфортную среду, формируют систему монетизированного и немонетизированного поощрения, например, возможность работникам восстанавливать свое здоровье, корпоративные мероприятия и др. Однако, если у человека отсутствуют самомотивация и стремление повышать свою продуктивность, все усилия могут быть напрасны.

Возникает вопрос – какие особенности личности позволяют достичь требуемых результатов и дают возможность продвигаться по карьерной лестнице. Опросы работодателей показали, что шансы на успешную карьеру повышаются при наличии следующих качеств:

• высокая степень коммуникабельности, позитивный настрой, умение управлять конфликтами, выстраивать отношения с коллегами, руководством, клиентами и другими стейкхолдерами, устанавливать и поддерживать добрые отношения с новыми людьми;

• навык работы с изменениями, стрессоустойчивость и адаптация к новым реалиям, условиям работы, технологиям;

• способность зажечь, вдохновить, заразить других людей своими идеями и довести их до финиша;

• наличие командного духа и умения работать сообща с коллегами в достижении совместных целей;

• надежность личности, ее лояльность компании и ответственность за результат;

• высокий уровень профессионализма в своем сегменте, экономические, технические, специальные знания, полученные в вузе и не только;

• нелинейное мышление, нестандартный подход к решению задач;

• высокая личностная мотивация.

Обратимся к статистике официальных запросов работодателей. Если рассматривать вакансии, размещенные в 2024 г., то среди более чем 400 тыс. из них наиболее часто встречается требование к работе в режиме многозадачности, следующий критерий – коммуникабельность, третий в списке навык – стрессоустойчивость. Опросы пользователей платформы «Работа.ру» (более чем 3,6 тыс. респондентов) показали, что, по мнению работодателей, самым важным качеством соискателя является навык планирования и управления ресурсами (в том числе временем), на втором месте стоит креативность, на третьем – цифровые навыки.

Работодатели желают нанять уникальных сотрудников, которые могут стать «многостаночниками». В связи с этим нужно совмещение узкоспециализированных навыков и качеств, позволяющих быть профессионалами широкого профиля.

1. Необходимы специальные знания и умения работать с технологиями и инструментарием, которые относятся к конкретной отрасли, в которой организация производит блага. Создать качественные продукты можно лишь со знанием специфики производства. Если товары компании обладают стабильным качеством, организация будет конкурентоспособна на рынке, сбои в качестве продуктов накладывают высокие репутационные риски. Если соискатель обладает современными отраслевыми знаниями на острие науки и практики, он может предложить инновационные решения, снизить риск ошибочных действий, быстро адаптироваться к смене экономического ландшафта и сделать компанию более устойчивой в части противостояния нестандартным ситуациям и институциональным вызовам. Такой сотрудник будет общаться на одном языке с коллегами на предприятии, легко вольется в команду и не потребует больших инвестиций в обучение. В случае B2B-сегмента бизнеса квалификация в отраслевых аспектах должна быть неоспоримой, так как только сотрудник с глубоким экспертным мнением вызывает доверие клиента, то есть в случае, если он лучше понимает процесс создания продукта, занимается производственными бизнес-процессами.

2. Нужны высокие коммуникативные навыки, умение слушать собеседника, осуществлять эффективный диалог. Это мастерство позволяет выстроить отношения и с руководителем, и с коллегами «по цеху», и с клиентами, лучше понять их требования и потребности, уточнить их в случае необходимости и адаптировать свои способности к ожиданиям стейкхолдеров, повышая свою ценность для компании. Эти качества позволяют легко обучаться, находить наставников и помощников для непрерывного профессионального развития.

3. Навык сотрудничества, а не соперничества – очень важное качество работника. Часто современная молодежь противопоставляет себя коллегам, вступает в конкуренцию, не умеет подстроиться под групповые потребности. Какая бы яркая личность ни присутствовала в коллективе, необходимо, чтобы она

умела контактировать с другими людьми, не вступая с ними в конфликт. Умение делиться задачами и успехом их выполнения, навык кооперации и работы для общей цели являются неотъемлемой частью современной продуктивной личности и профессионала.

4. Способность специалиста быстро адаптироваться к изменениям, новым условиям и требованиям имеет огромное значение, поскольку бизнес постоянно сталкивается со сменой «правил игры» как со стороны потребителей, так и со стороны государства, бизнес-партнеров, технологических новшеств и др. Быстрые и своевременные меры по изменениям в организации могут стать существенным подспорьем в сохранении позиций компании и завоевании новых рынков. Высокая стрессоустойчивость позволяет сохранять и преумножать стабильную продуктивность сотрудника, оставаться позитивным, заряжать положительным настроем своих коллег даже в случае отклонений от выбранной траектории развития и довести до финиша запланированные проекты с минимальными потерями от рисков.

5. Учитывая турбулентность экономического пространства, важно находить нужные неалгоритмизированные решения в нестандартных ситуациях, когда невозможно воспользоваться традиционным управленческим инструментарием. В связи с этим критический взгляд и инновационные идеи являются одним из главных козырей конкурентоспособного специалиста и руководителя.

6. Для работодателей важна ответственность работника за свое дело и его результаты. Ответственные трудящиеся осознают свой вклад в общий результат организации и стараются сделать его как можно более весомым. Люди, отдающие себя работе, болеющие за дело и стремящиеся выполнить свои задачи в срок, пользуются большим доверием у руководителя и коллег, не вызывая необходимости постоянного контроля, и имеют больше шансов продвинуться по карьерной лестнице.

7. На рынке человеческих ресурсов востребовано качество саморазвития, поскольку оно обеспечивает стремление сотрудника к профессиональному росту и развитию, что является важным аспектом личности в глазах работодателей. Освоение новых навыков позволяет осуществлять более сложные технологические операции, охватывать новые методы в работе, внедрять новые технологические решения. Такие сотрудники обычно обладают незаурядными талантами и могут претендовать на лучшие условия работы, гибкий график или работу на «удаленке». Обычно такие «игроки» играют длительную игру в команде, и уровень текучести таких кадров ниже, чем среди людей, которые не хотят развиваться. Для компании это означает снижение издержек на поиск новых людей и снижение затрат за счет высокой продуктивности, а также устойчивое развитие и потенциал для роста бизнеса.

Данные исследований позволяют сделать вывод о потребностях в сотрудниках на рынке человеческих ресурсов с нелинейным мышлением, высоким уровнем интеллектуальной и личностной гибкости, быстрой приспособляемостью к внешним изменениям. Эти качества делают соискателя наиболее конкурентоспособным.

Инструменты развития конкурентоспособных человеческих ресурсов во взаимосвязи бизнеса и образования / Tools for developing competitive human resources in the relationship between business and education

Главной задачей экономического развития страны Президент РФ В.В. Путин назвал устойчивый экономический рост[2]. Эта задача является многоаспектной и требует комплексного подхода для решения, создания совокупности институциональных факторов, обеспечивающих синергетический эффект, включающих:

- вложения в фундаментальную и прикладную науку, которая станет базой для появления и развития инноваций, снижения себестоимости благ и повышения общественного благосостояния;
- упрощение бюрократических аспектов ведения бизнеса для ускорения процессов документооборота от оформления организаций и до их взаимодействия с контрагентами и государственными структурами;
- развитие предпринимательской инициативы, помощь в реализации амбициозных идей начинающим бизнесменам (информационная и финансовая);
- автоматизацию и цифровизацию производственных процессов, что способствует ускорению скорости создания продукта и удешевлению осуществления бизнес-процессов;
- развитие инфраструктурной составляющей экономического ландшафта – коммуникаций, логистических цепей, дорог и др.;
- формирование продуктивных кадров для экономики.

Последняя задача самая обширная и важная, поскольку человеческие ресурсы определяют продуктивность капитала, земли и эффективность использования других факторов производства. Следовательно, важность

[2] Путин: главная задача РФ – сбалансированный рост экономики с умеренной инфляцией. Режим доступа: https://www.vesti.ru/article/4281479 (дата обращения: 23.12.2024).

формирования человека труда будущего невозможно переоценить.

Одна из важнейших ролей в решении данной проблемы принадлежит высшей школе. Период, в который будущие трудящиеся проводят в стенах университетов и академий, наиболее податливый для изменений. Студенты впитывают информацию, легко ее усваивают, перестраиваются с одной деятельности на другую, обеспечивают нужные связи нейронов головного мозга [Oakley, Sejnowski, 2021]. У них гибкое мышление, что позволяет при правильно выбранных методах внедрять в сознание необходимую информацию и обучать необходимым навыкам [Roberts, 2022].

Однако современные образовательные структуры сталкиваются с рядом проблемных моментов. Все они транслируются от изменений экономического пространства и динамики социально-экономической жизни. Сегодняшний студент несколько отличается от студента предыдущего десятилетия и тем более столетия. Он перегружен информацией и яркими эмоциями, и, чтобы вызвать его реакцию, нужно приложить больше сил, чем было необходимо прежде.

Особенности современной молодежи в сравнении с предшествующим поколением заключаются в:

• более высокой цифровой грамотности, связанной с использованием цифровых возможностей с раннего детства и быстрой ориентацией в ней;

• скорости нахождения нужной информации и быстротой ее обработки (не самостоятельно, но посредством обращения к искусственному интеллекту);

• высокой интеграции в глобальное пространство, легкости изучения иностранных языков для общения, смены образовательной организации и страны пребывания;

• нежелании пассивно поглощать знания, а также заниматься «зубрежкой», предпочтении активных методов усвоения информации;

• потребности получения практических навыков, нежели сухой теории, сведений, способных привести к монетизации их усилий, а не просто познанию ради познания;

• ориентации на свои потребности, эмоциональное состояние и результаты, в случае их отсутствия произойдет полная потеря интереса к учебе.

Классические лекции с монологом преподавателя и скучные семинары с выполнением рутинной однообразной работы совершенно не увлекают ребят. Даже если они посещают занятия, они не включаются в образовательный процесс, занимаются своими делами, «висят» в соцсетях, листают страницы TikTok или просто перестают посещать пары, особенно лекции, где невозможно получить баллы. Чтобы зацепить студента содержанием дисциплины, вовлечь его в активное слушание на занятиях и изучение вне стен университета, преподавателям нужно постоянно управлять динамикой группы и внедрять новые технологии обучения. Наряду с традиционными методами необходимо интегрировать более привлекательные и подходящие для современных студентов форматы передачи информации:

• использовать короткие видео по теме занятия, для закрепления лекционных модулей – краткосрочные викторины, на семинарах – цифровое моделирование с последующим разбором, технологии виртуальной реальности;

• объединять ребят в группы для выполнения мини-проектов по дисциплине, а также долгосрочных проектных задач;

• при реализации образовательных задач обеспечивать положительную обратную связь, поддержку, позитивный настрой;

• использовать индивидуальные методы объяснения и мотивации для разных типов студентов, разработать рекомендации по разным литературным источникам, включая фильмы, популярные книги, где отражены положения теоретических элементов дисциплины.

Кроме трансформации методики проведения занятий, важно включать взаимодействие с реальным бизнесом – практиками разных секторов экономики. Студенты с удовольствием воспринимают информацию «из первых уст», напрямую согласованную с реальным миром, быстро осваивают практические навыки, связанные с проработкой реальных бизнес-кейсов. Профессионалы бизнеса также не любят долгие лекции, потому в занятиях теоретические знания приобретают практическую окраску, а рассмотрение жизненных ситуаций организации актуализирует и систематизирует комплекс имеющихся знаний. В учебные материалы руководители включают актуальные проблемы, свежие идеи и тренды. Кроме того, преподаватели-практики сами получают массу идей и импульсов для развития бизнеса от студентов, которые могут реализовать в работе. В процессе обсуждения проблемных зон предприятия ребята обучаются не только решать бизнес-задачи, но и проводить собственный анализ, извлекать уроки из совершенных ошибок, что поможет не совершить их в работе в компании. Становится яснее общая картинка производства или оказания услуг, совокупность бизнес-процессов в компании, их взаимоувязка, что вдохновляет и заряжает студентов, вызывает желание углублять знания в узких сегментах бизнеса, в том числе на теоретических дисциплинах.

В общении с практиками студенты начинают лучше понимать отрасль, которую они представляют, что

помогает им с самоопределением и выбором карьерной траектории. Кроме того, прохождение практики и стажировки на предприятии помогает утвердиться в выборе либо продолжить поиск себя в других отраслях. Примеры успеха помогают определиться с типом самореализации – в работе по найму, фрилансе или создании собственного дела.

Помимо непосредственного ведения занятий практиками в университетах, возможны другие формы взаимодействия бизнеса и высшей школы.

1. Осуществление реальных бизнес-проектов, необходимых организациям совместно со студентами, преподавателями вузов и представителями бизнеса. Например, для ребят из гуманитарно-фактологических направлений вузов это могут быть исследования рынка – выявление глубокого портрета целевой аудитории, потребительских предпочтений, конкурентных преимуществ конкретных продуктов или продуктовой линейки, анкетирование и интервьюирование потребителей на предмет выявления проблемных зон для создания новых товаров и услуг, проведение фокус-групп и др. В части экономических расчетов студенты старших курсов могут осуществлять калькуляцию затрат на краткосрочные мероприятия, сметы небольших проектов, а также полные расчеты с технико-экономическим обоснованием долгосрочных и сложных бизнес-планов организаций. Студенты могут осуществлять мониторинг реализации проекта от отслеживания динамики макроэкономических индикаторов до сопоставления и соответствия фактических показателей проекта с выявлением и обоснованием причин отклонения в случае их наличия. Это может быть SWOT PEST, RFM, когортный и другие виды анализа, определение и ранжирование преимуществ и недостатков продуктов в сравнении с конкурентами. Четверокурсники могут включаться в последовательную разработку всех бизнес-процессов в компании.

2. Прохождение студентами стажировок и практик – традиционный тип взаимоотношений. Важно, чтобы работодатель не просто «шлепнул печать» в дневнике по практике, а по-настоящему вовлекал будущего профессионала в выполнение задач организации, чтобы студент понимал реальность и значимость своего небольшого вклада в развитие компании, что в дальнейшем является ценным для будущих работодателей. Если практикант получил нужные навыки, он может указать их в портфолио или резюме, что также придаст уверенности в себе и повысит шансы на успешное трудоустройство по окончании высшего учебного заведения. Кроме профессиональной подготовки, эффективная практика дает возможность студенту почувствовать атмосферу организации, типы горизонтальных и вертикальных коммуникаций, получения опыта взаимодействия с коллегами в трудовом коллективе.

3. Когда представители бизнеса участвуют в гостевых встречах, они делятся фишками своей профессиональной деятельности. Студентам становится доступна информация о реализованных проектах, преимуществах и недостатках разных стратегий и тактических приемов бизнеса, основных ошибках, совершаемых при планировании изменений или новых задач. Ребята могут приобрести новые связи с практиками, узнать об особенностях разных организаций, культуры ведения бизнеса в разных компаниях, потенциальных ожиданиях работодателей о соискателях, определить свои цели в части места приложения своих способностей. Одним из видов гостевых встреч могут стать мастер-классы, где практики не только продемонстрируют разные аспекты компаний, но и вовлекут будущих профессионалов в интерактивное обсуждение насущных бизнес-проблем. Благоприятная платформа для обмена идеями в части встреч бизнесменов и руководителей с молодежью будет полезна и практикам, поскольку от ребят можно почерпнуть новые темы для разработки будущих проектов, а сами студенты способны стать в будущем новыми специалистами для компании.

4. Соревнования и конкурсы могут содержать кейсы организации, которые необходимо закрыть (решить). Дух соперничества стимулирует активность мозговых структур и раскрывает новые качества ребят. Участие в подобного рода инициативах требует поиска и интерпретации большого пула информации, подбора подходящих стратегических шагов и их оценки, что формирует у студентов критическое мышление. Если бизнес-турниры проходят в командной форме, они учатся взаимодействовать друг с другом, находить общие решения, что усиливает дух сотрудничества и навыки командной работы, а для учащихся, способных взять на себя ответственность, – лидерские позиции. Бизнес-марафоны мотивируют на достижение высоких целей не только в процессе игры, но и в будущей карьере. Для бизнеса идеи участников могут стать импульсом для реализации новых перспективных направлений или совершенствования старых, основой для извлечения ценных мыслей и переосмысления старых подходов к управлению бизнес-процессами.

5. Консалтинг экспертов с привлечением юных исследователей. Особенно значимые результаты для бизнеса можно получить на основе анализа больших данных, макроэкономической конъюнктуры под руководством теоретиков и формированием рекомендаций по изменениям в компании в зависимости

от изменений институциональных условий. Для бизнеса это новый взгляд и профессиональные советы в сферах совершенствования как отдельных сегментов бизнеса – производства, финансов, продвижения и др., – так и предоставления комплексных решений. Этими возможностями организации могут воспользоваться перед запуском пилотных продуктов или тиражированием, поскольку именно в этот период цена ошибки наиболее высока. Консультационные мероприятия помогут фирмам усилить свои конкурентные преимущества, а преподавателям и студентам – повысить уровень компетенций в практической сфере.

6. Для того чтобы организации были всегда в тренде, вузы могут обеспечить непрерывное обучение своих выпускников, а также сотрудников бизнес-партнеров, организуя разного рода курсы повышения квалификации и переквалификации под нужды бизнеса. Это могут быть кумулятивные форматы машинного, онлайн- и вечернего обучения, модульных курсов с отрывом от производства и погружением в учебную деятельность, образовательные платформы. Обеспечение новейших знаний и фокус на нужных навыках для решения текущих задач бизнеса способствуют углублению слушателей в профессиональные тонкости и повышению производительности их труда.

7. На базе университетов молодежь с поддержкой инвесторов может реализовать свои предпринимательские таланты. Для этого университеты могут организовать инжиниринговые центры и бизнес-инкубаторы. Под руководством опытных бизнесменов начинающие предприниматели способны генерировать неожиданные, дерзкие, необычные идеи, рассчитывать возможность их реализации с учетом внутренних и внешних рисков: отсутствием нужных наработанных навыков, выбором неверных технологий, неэффективным бюджетированием и непредвиденными затратами, нереальными сроками, законодательными и конкурентными рисками, недостаточно продуманным планированием и др. В случае исключения или минимизации рисков при помощи наставников можно внедрять самые безумные проекты в реальном экономическом пространстве.

8. Кроме живых встреч по обсуждению проектов, можно реализовывать предпринимательское взаимодействие на цифровых акселерационных платформах. Они позволяют студентам, желающим развить свою бизнес-идею, самостоятельно находить ресурсы и инвестора для реализации их задумки, проходя определенные этапы, которые являются элементами бизнес-симуляций. Таким образом, студенты могут структурировать понимание проектной работы в целом и собственного проекта в частности и оценить разные бизнес-процессы, с которыми им придется столкнуться в действительности [Ксенофонтов, Камалетдинов, 2019].

9. Взаимодействие практиков может осуществляется в формате совершенствования образовательных программ с учетом потребностей рынка. Важна постоянная обратная связь по результатам работы выпускников образовательных программ в реальном секторе экономики. Руководители могут предоставить информацию по положительным качествам выпускников, а также по слабым звеньям в совокупности их компетенций, которые необходимо нивелировать у последующих выпусков. Наиболее актуальные образовательные программы формируются при совместной работе преподавателей, ученых и практиков бизнеса. Для адаптации уже имеющихся программ под изменения возможны исключение невостребованных модулей и включение наиболее значимых новых в образовательный процесс. При таком гибком подходе возникает смена профессиональных компетенций студента для максимизации соответствия его профессиональных и личностных качеств рынку труда.

10. Научные гранты, подкрепленные потребностями бизнес-среды, имеют большие шансы на успех, поэтому государственные научные фонды более охотно выдают ассигнования на реализацию совместных научных проектов образования и бизнеса. Выявление интересных с точки зрения университета и организации проектов важно и государству, поскольку такое содружество может свидетельствовать об инновационных темах, помогающих обеспечить прогресс в разных областях экономики. Такие взаимодействия впоследствии могут привести к созданию научно-производственных объединений, которые будут на острие науки и коммерциализации ее продукта. Разработку заявок гораздо проще осуществлять представителями вузов, поскольку им ближе такой формат изложения идеи. В процессе отработки гранта возникает уникальное эко-пространство, объединяющее студентов, преподавателей и практиков, которое укрепляет связи «теория–практика», «образование–индустрия» и создает основу для развития инновационной инфраструктуры не только внутри группы, но и шире.

11. При высокой заинтересованности бизнеса в конкретных студентах предприятия могут выплачивать им дополнительные стипендии, для повышения их желания рассматривать компанию в качестве будущего работодателя, а также в качестве имиджевого продвижения организации.

Коммуникации образования и организаций не ограничиваются одним–двумя видами сотрудничества.

Это огромное поле взаимовыгодных отношений, которое может только расширяться в условиях непрерывных трансформаций. Данные элементы представлены в модели взаимодействия высшей школы и бизнеса (рис. 2).

Разные способы и формы взаимодействия практиков бизнеса и организаций, осуществляющих подготовку кадров для бизнеса, помогают достичь общей цели – формирования продуктивных, конкурентоспособных человеческих ресурсов для обеспечения экономического роста организаций и страны.

Заключение / Conclusion

Изменения социально-экономической экосистемы происходят все стремительнее. Потребители желают получить все новые продукты, производители – работников нового уровня компетенций. Динамика изменений накладывает прямой отпечаток на экономический ландшафт. Для устойчивого экономического роста необходимо вовлечение высокопродуктивных человеческих ресурсов. Несмотря на сжатие предложения на рынке труда ввиду демографических и геополитических особенностей, работодатели предъявляют все более жесткие требования к соискателям. Роль вузов в подготовке конкурентоспособных выпускников значительно расширяется.

Помимо узкоспециализированных знаний, высшей школе нужно сформировать гибкую адаптивную личность, способную обеспечить развитие организации, в которой будет работать выпускник, и экономики страны в целом. На помощь университетам могут прийти сами работодатели в разных аспектах сотрудничества, таких как осуществление реальных бизнес-проектов, прохождение студентами стажировок и практик, гостевые встречи и мастер-классы, соревнования и конкурсы, консалтинг экспертов, курсы повышения квалификации и переквалификации, бизнес-инкубаторы, совершенствование образовательных программ, научные гранты, дополнительные стипендии и др.

Такая коллаборация выгодна всем сторонам взаимодействия:

• для университетов это возможность быть на острие технологий, используемых в бизнесе, повысить рейтинг за счет выпуска наиболее конкурентоспособных профессионалов, усилить позиции на рынке образовательных услуг;

• для организаций такое сотрудничество позволит зарядиться новыми идеями в стенах вуза и раскрыть таланты, которые затем смогут развивать компанию и за счет опыта взаимодействия со студенческого периода потом быстро интегрируются в производственный процесс и достигнут высокой продуктивности;

Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Рис. 2. Модель взаимодействия высшей школы и бизнеса
Fig. 2. Model of interaction between higher education and business

• для студентов это уникальный практический опыт во время обучения, синергетический эффект от познания теории и практической ее реализации, самоопределение в части сферы, которая наиболее интересна, новые связи и карьерные перспективы;

• для страны это высокопроизводительный человеческий капитал, способный внедрять инновации, гибко реагировать на изменения, являющийся ключевым импульсом для формирования и поддержания устойчивого экономического роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ксенофонтов А.А., Камалетдинов А.Ш. Процессный подход к управлению как инструмент повышения эффективности хозяйственной деятельности организации. В кн.: Управленческие науки в современном мире: материалы научной конференции, Москва, 7–9 ноября 2018 г. М.: Реальная экономика; 2019. С. 279–285.

Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А., Сюй М. Особенности цифрового управления современной экономикой. Вестник университета. 2022;7:138–144. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-138-144

Alekseeva L., Azar J., Giné M., Samila S., Taska B. The demand for AI skills in the labor market. Labour economics. 2021;6(71). http://dx.doi.org/10.1016/j.labeco.2021.102002

Brown P., Souto-Otero M. The end of the credential society? An analysis of the relationship between education and the labour market using big data. Journal of Education Policy. 2020;1(35):95–118. http://dx.doi.org/10.1080/02680939.2018.1549752

Gasanov E.A., Zubarev A.E., Krasota T.G. Digital technologies as a factor for growth of continuous well-being of sovereign consumers in the modern society. In: Far East Con (ISCFEC 2020): Proceedings pf the International Scientific Conference, Vladivostok, 2020. Atlantis Press; 2020. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.170

Hatch N.W., Dyer J.H. Human capital and learning as a source of sustainable competitive advantage. Strategic management journal. 2004;12(25):1155–1178.

Li L. Reskilling and upskilling the future-ready workforce for industry 4.0 and beyond. Information Systems Frontiers. 2022;5(26):1697–1712.

Litvinenko V.S. Digital economy as a factor in the technological development of the mineral sector. Natural Resources Research. 2020;1(29):1521–1541. http://dx.doi.org/10.1007/s11053-019-09568-4

Monteiro B., Santos V., Reis I., Sampaio M.C., Sousa B., Martinho F., Au-Yong-Oliveira M. Employer branding applied to SMEs: A pioneering model proposal for attracting and retaining talent. Information. 2020;12(11). http://dx.doi.org/10.3390/info11120574

Oakley B., Rogowsky B., Sejnowski T.J. Uncommon sense teaching: Practical insights in brain science to help students learn. Penguin; 2021. 336 p.

Prijadi R., Wulandari P., Desiana P.M., Pinagara F.A., Novita M. Financing needs of micro-enterprises along their evolution. International Journal of Ethics and Systems. 2020;2(36):263–284.

Roberts C. Writing with the Brain in Mind. In: Writing is Thinking: Strategies for All Content Areas. 2022. Pp. 28–50.

Russell M.G., Smorodinskaya N.V. Leveraging complexity for ecosystemic innovation. Technological Forecasting and Social

REFERENCES

Alekseeva L., Azar J., Giné M., Samila S., Taska B. The demand for AI skills in the labor market. Labour economics. 2021;6(71). http://dx.doi.org/10.1016/j.labeco.2021.102002

Brown P., Souto-Otero M. The end of the credential society? An analysis of the relationship between education and the labour market using big data. Journal of Education Policy. 2020;1(35):95–118. http://dx.doi.org/10.1080/02680939.2018.1549752

Gasanov E.A., Zubarev A.E., Krasota T.G. Digital technologies as a factor for growth of continuous well-being of sovereign consumers in the modern society. In: Far East Con (ISCFEC 2020): Proceedings pf the International Scientific Conference, Vladivostok, 2020. Atlantis Press; 2020. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.170

Hatch N.W., Dyer J.H. Human capital and learning as a source of sustainable competitive advantage. Strategic management journal. 2004;12(25):1155–1178.

Ksenofontov A.A., Kamaletdinov A.Sh. Process approach to management as instrument of increase in efficiency of the organization economic activity. In: Management Sciences in the Modern World: Proceedings of the Scientific Conference, Moscow, November 7–9, 2018. Moscow: Realnaya ekonomika; 2019. Pp. 279–285. (In Russian).

Li L. Reskilling and upskilling the future-ready workforce for industry 4.0 and beyond. Information Systems Frontiers. 2022;5(26):1697–1712.

Litvinenko V.S. Digital economy as a factor in the technological development of the mineral sector. Natural Resources Research. 2020;1(29):1521–1541. http://dx.doi.org/10.1007/s11053-019-09568-4

Monteiro B., Santos V., Reis I., Sampaio M.C., Sousa B., Martinho F., Au-Yong-Oliveira M. Employer branding applied to SMEs: A pioneering model proposal for attracting and retaining talent. Information. 2020;12(11). http://dx.doi.org/10.3390/info11120574

Oakley B., Rogowsky B., Sejnowski T.J. Uncommon sense teaching: Practical insights in brain science to help students learn. Penguin; 2021. 336 p.

Prijadi R., Wulandari P., Desiana P.M., Pinagara F.A., Novita M. Financing needs of micro-enterprises along their evolution. International Journal of Ethics and Systems. 2020;2(36):263–284.

Roberts C. Writing with the Brain in Mind. In: Writing is Thinking: Strategies for All Content Areas. 2022. Pp. 28–50.

Russell M.G., Smorodinskaya N.V. Leveraging complexity for ecosystemic innovation. Technological Forecasting and Social Change. 2018;136:114–131. http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2017.11.024

Sazanova S.L. Socio-economic ecosystems, sustainable economic development and digitalization of the economy. In:

Change. 2018;136:114–131. http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2017.11.024

Sazanova S.L. Socio-economic ecosystems, sustainable economic development and digitalization of the economy. In: Socio-economic Systems: Paradigms for the Future. Cham: Springer International Publishing; 2021. Pp. 799–808.

Van Laar E., Van Deursen A.J., Van Dijk J.A., De Haan J. Determinants of 21st-century skills and 21st-century digital skills for workers: A systematic literature review. SAGE Open. 2020;1(10). http://dx.doi.org/10.1177/2158244019900176

Socio-economic Systems: Paradigms for the Future. Cham: Springer International Publishing; 2021. Pp. 799–808.

Sharipov F.F., Dyakonova M.A., Xu M. Features of digital management of modern economy. Vestnik universiteta. 2022;7:138–144. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-138-144

Van Laar E., Van Deursen A.J., Van Dijk J.A., De Haan J. Determinants of 21st-century skills and 21st-century digital skills for workers: A systematic literature review. SAGE Open. 2020;1(10). http://dx.doi.org/10.1177/2158244019900176

УДК 303 JEL A22 DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-1-63-74
Получено: 23.12.2024 Статья доработана после рецензирования: 27.02.2025 Принято: 06.03.2025

Синергетика управленческого образования как основа формирования и развития перспективных экосистем

Афанасьев Валентин Яковлевич
Д-р экон. наук, зав. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0002-2151-898X, e-mail: vy_afanasyev@guu.ru

Райченко Александр Васильевич
Д-р экон. наук, проф. каф. теории и организации управления
ORCID: 0000-0001-5776-013X, e-mail: av_raychenko@guu.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Определены актуальность, возможность и подходы постановки опережающего управленческого образования в качестве основы комплексного построения, устойчивого функционирования и поступательного развития перспективных экосистем. Представлены обоснования, материалы и промежуточные результаты исследований построения и постановки концепций формирования, становления и развития экосистем на основе синергетического воздействия управленческого образования. Выявлены цели, условия и факторы построения управленческого образования в качестве перманентно опережающе развивающейся основы формирования и обновления перспективных экосистем. Выработан комплексный подход к установлению, анализу и оценке совокупности индикаторов формирования, функционирования и развития управленческого образования. Проанализированы основания, проявления и трансформации трендов догоняющего, сопутствующего и опережающего развития постановки управленческого образования. Рассмотрены условия, возможности и перспективы прогнозирования и осуществления модернизации управленческого образования в формате опережающего развития основы построения экосистемы. Сформированы подходы к разработке ключевых положений методологии становления и развития опережающего управленческого образования как необходимой инфраструктурной составляющей построения перспективной конфигурации экосистемы будущего.

Ключевые слова: взаимодействие, образование, опережающее развитие, практика, синергетика, управление, человеческий капитал, экосистемы

Для цитирования: Афанасьев В.Я., Райченко А.В. Синергетика управленческого образования как основа формирования и развития перспективных экосистем//Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 63–74. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-63-74

© Афанасьев В.Я., Райченко А.В., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received: 23.12.2024 Revised: 27.02.2025 Accepted: 06.03.2025

Management education synergy as a basis for forming and developing promising ecosystems

Valentin Ya. Afanasyev
Dr. Sci. (Econ.), Head of the Economics and Management in Fuel and Energy Sector
ORCID: 0000-0002-2151-898X, e-mail: vy_afanasyev@guu.ru

Alexander V. Raychenko
Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Theory and Organization of Management Department
ORCID: 0000-0001-5776-013X, e-mail: av_raychenko@guu.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

Relevance, possibility, and approaches of advanced management education as a basis for complex construction, sustainable functioning, and progressive development of promising ecosystems have been defined. Justifications, materials, and intermediate results of research on constructing and staging concepts of formation, establishment, and development of ecosystems on the basis of synergetic impact of management education have been presented. Goals, conditions, and factors of management education construction as a permanently advanced developmental basis for forming and renewing promising ecosystems have been revealed. A comprehensive approach to establishing, analyzing, and evaluating a set of indicators of formation and functioning of management education has been developed. Bases, manifestations, and transformations of the trends of catching-up, accompanying, and anticipating development of management education formation have been analyzed. Conditions, opportunities, and prospects of forecasting and implementing management education modernization in the form of anticipatory development of the ecosystem building basis have been considered. Approaches to developing key provisions of the methodology of advanced managerial education formation as a necessary infrastructural component of building a promising configuration of the ecosystem of the future have been formed.

Keywords: interaction, education, advanced development, practice, synergetic, management, human capital, ecosystems

For citation: Afanasyev V.Ya., Raychenko Alexander V. (2025). Management education synergy as a basis for forming and developing promising ecosystems. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (1), pp. 63–74. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-63-74

© Afanasyev V.Ya., Raychenko Alexander V., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Эволюционно востребуемое расширение составов, содержаний и конфигураций обеспечения необходимого разнообразия форм и методов развития современных корпораций все активнее проявляется созданием экосистем. Они учреждаются, позиционируются и продвигаются в качестве устойчивого тренда универсализации социально ориентированного бизнеса. Вместе с тем реальная практика становления и развития разнообразных социально-экономических экосистем демонстрирует пока достаточно ограниченное видение их построения (структуры, состава, содержания) и конфигураций взаимодействия, учреждаемых материнскими компаниями или инициативно объединяемых ими организаций и формирований. Более того, ряд циклично повторяющихся мероприятий подобных трансформаций устойчиво сводится к воссозданию тех или иных вариаций ожидаемого спектра непрофильных корпоративных активов, ранее неоднократно и целенаправленно ликвидировавшихся их учредителями в целях повышения эффективности бизнеса. Передовой отечественный опыт убедительно свидетельствует о том, что созданные и устойчиво функционирующие экосистемы градообразующих предприятий энергетической, добывающей, перерабатывающей и других отраслей промышленности, транспортных коммуникаций и их логистических потоков изначально ориентированы на безусловное осуществление длительного самообеспечивающего функционирования и поступательного развития всего взаимодействующего состава их участников [Афанасьев, Райченко, 2023].

Научные исследования показывают, что формирование, функционирование и развитие таких образований, как наукограды, моногорода, закрытые территориальные формирования в новых экономических условиях, изначально нуждаются в освоении и применении соответствующих подходов. Так, в ходе разработки и осуществления программ восстановления инфраструктуры «Северного морского пути» и целенаправленного продвижения в комплексном освоении арктических регионов Российской Федерации (далее – РФ, Россия) они получают новое построение[1]. Им изначально определяется необходимость соответствующего обоснования методологии и теории постановки и осуществления практической реализации приоритета применения комплексного подхода, призванного обеспечивать воспроизводство человеческого капитала перспективных регионов в формате экосистем. Такие формирования (составы, содержания, конфигурации взаимодействия) должны приоритетно кооперировать деятельность организаций здравоохранения, образования, культуры, формирующих базовые условия гармоничного построения, функционирования и развития локальной социальной среды. Этим в свою очередь и обусловливается неоспоримо возрастающая востребованность теоретического обоснования выработки и применения концепции формирования целей, видов, методов, содержания позиционирования, проведения и развития опережающего управленческого образования в экосистемах. В качестве инфраструктурно развивающих и конфигурационно выстраивающих этот ключевой компонент экосистемы решений обеспечивает инновационно ориентированным человеческим капиталом социо-экономического развитие эффективных рыночных отношений регионов локализации. Реализация таких взаимодействий уверенно содействует достижению эффекта синергии.

Объединяющая природа управления, изначально призванного конструктивно согласовывать целенаправленное взаимодействие разнообразных участников и ресурсов в процессе достижения общей цели, обусловливает постановку и решение задач максимизации эффекта синергии. Именно такое согласование обеспечивается управлением в целом и опережающим управленческим образованием в частности, объединяющим в самых разнообразных формах (проектах, программах, процедурах, механизмах) практически неограниченные ресурсы инновационного преподавания комплекса соответствующих дисциплин. При этом очевидно, что достижение успешных результатов опережающего управленческого образования во многом определяется прогнозом актуальности его содержания, объясняющей необходимость разработки, реализации и непрерывной модернизации опережающих образовательных программ, методик их освоения, процедур адаптации, механизмов закрепления и своевременного обновления осваиваемых профессиональных компетенций. Перспективные экосистемы, как показывает отечественная практика их становления и трансформации, все активнее востребуют разработку и реализацию именно опережающего формата управленческого образования, обеспечивающего комплексное формирование, актуальную мобилизацию и результативное взаимодействие инновационных ресурсов достижения устойчивости их функционирования и развития [Наумова, 2024].

Постановка проблемы / Problem statement

Становление экосистем в качестве лидеров опережающе развивающихся социально-экономических

[1] Экосистемный подход в Арктике: сущность и проблемы. Режим доступа: https://eee-region.ru/article/6325/ (дата обращения: 20.12.2024).

формирований обусловливает целесообразность проведения комплексных исследований конфигураций их формирования, позиционирования, преобразования как наиболее значимых проявлений успешного достижения поставленных целей. Материалы и результаты последовательно проводимых авторами в течение нескольких лет фундаментальных и прикладных исследований их ретроспективы и ориентации наряду с безусловным инновационным характером подтверждаемых тенденций выявили существенные противоречия формирования, функционирования и развития современных экосистем [Афанасьев, Райченко, 2023]. Проявляющиеся в целях, процессах и результатах деятельности экосистем тренды неопределенности их состава, нестабильности содержания, неустойчивости конфигурации, ограниченности взаимодействия отражают широкий спектр внутренних и внешних противоречий. В них выделяются проявления ограниченности, утилитарности, случайности подходов к построению структуры, содержания, конфигураций объединения составляющих формирования и развития самых разнообразных экосистем.

Очевидно, что понимание этого требует расширения и углубления исследования сложившейся практики, методологических и теоретических положений, универсальной концепции позиционирования, функционирования и развития опережающего управленческого образования перспективных экосистем в качестве их важных инфраструктурных формирований. Постановка данной проблемы исследования органично основывается на материалах и результатах, выводах и предложениях, отраженных в предыдущей публикации авторов по рассматриваемой теме, демонстрируя преемственность проводимых научных разработок [Афанасьев, Райченко, 2023]. Вместе с тем такой подход к постановке проблемы исследования, определения его объекта, выбора инструментария, построения логики все чаще востребуется в публикациях научных трудов по рассматриваемой тематике, что подтверждает актуальность его проведения[2].

Особое значение в постановке проблемы исследования такого сложного и относительно нового объекта, как перспективная экосистема, и выделяемого в нем такого специфического предмета, как опережающее управленческое образование, приобретает приоритет достижения и максимизации эффекта синергии. Его обоснованием опережающее управленческое образование выделяет также особое макроэкономическое значение разработки и представления комплексного теоретико-методологического обеспечения постановки и проведения процессов формирования, функционирования и развития перспективных экосистем. Этим обусловливается необходимость выбора, освоения адаптации и применения соответствующих подходов, инструментов, механизмов постановки и проведения исследований, определяемых выделением и позиционированием методологии и теории формирования, функционирования и развития экосистем.

Теория и методы исследования / Research theory and methods

Фундаментальность обоснования цели, сущности и содержания формирования, функционирования и развития экосистем, обусловившая выбор и применение к ним такого наименования, указывает на приоритет позиционирования жизненного цикла человека и создаваемых им социальных организаций в качестве непосредственного и опосредованного объектов воздействия соответствующих механизмов и систем управления. Определение понимания термина «эко» (от греч. οἶκος – «жилище», «местопребывание») как феномена организации и функционирования надорганизменных систем различных уровней (популяций, сообществ, объединений) раскрывает и исчерпывающе представляет их генезис[3]. Таким же пониманием в человеческом обществе определяются и приоритеты формирования, становления и развития подсистем здравоохранения, образования, социального обеспечения как в их построении, так и в управлении функционированием и преобразованием вне зависимости от изначально целевого предназначения создания или корреляций и присоединений таковых. Именно поэтому многие из социально-экономических формирований успешных организаций изначально становились градообразующими, что показали программы строительства и эксплуатации транспортных коммуникаций, производственных комплексов, гидро- и теплоэлектростанций в районах Сибири и Дальнего Востока РФ [Афанасьев, Райченко, 2023].

Обусловленное таким концептуальным пониманием сочетание системного анализа, комплексного подхода, стратегического прогнозирования и других видов традиционно используемого инструментария исследований, построений и применений регулирующих воздействий определило фундаментальность разработки и представления основ методологии и теории экосистем и соответствующих процедур, процессов и механизмов обеспечения опережения управления

[2] 5 российских экосистем за два года запустили 67 новых и закрыли 37 сервисов. Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/ (дата обращения: 20.12.2024).

[3] Большая Российская энциклопедия. Режим доступа: https://bigenc.ru/?ysclid=m4zf8jugdx43858027/ (дата обращения: 20.12.2024).

прогнозируемыми изменениями. Глобальные тенденции усиления проявлений изменчивости, динамичности, непредсказуемости, турбулентности вероятностно складывающихся трансформаций и целенаправленно осуществляемых преобразований востребуют постановку, адаптацию и применение процессных форматов и построений исследований и оценок соответствующих трендов, определяющих необходимость обеспечения оперативности, гибкости, адаптивности используемого в них инструментария. Совершенствование перспективного прогнозирования и выявление оперативного ожидания наступления слабо предсказуемых изменений обусловливают постановку и использование динамичных моделей определения, планирования, программирования, регулирования вероятных и происходящих преобразований, апробации и адаптации их использования в конкретных условиях формирования, функционирования и развития составов, содержаний и конфигураций построения и развития как профильной, так и инициируемых видов дополнительной деятельности рассматриваемых экосистем.

Ключевой идеей разработки, представления постановки и использования методологии и теории экосистем становится гармоничное согласование формирования и функционирования определенных видов их деятельности, что обеспечивает достижение и максимизацию эффекта синергии, выражающегося в превышении потенциала организации над суммой потенциалов ее составляющих[4]. Этим определяются необходимо обеспечивающие его достижение и закрепление выделения и доминирования социально-экономических приоритетов построения, адаптации и применения процедур и механизмов формирования, функционирования и развития экосистем, объединяющих востребуемые ресурсы, согласующих их комплексное использование и сопровождающих перманентное воспроизводство расходуемого потенциала [Сулимова, Ремзова, 2019]. Именно такое теоретико-методологическое понимание применяется в актуальных исследованиях в качестве основы выбора конструкции применения логики построения методологии и теории становления опережающего управленческого образования в качестве основного ресурса перспективных экосистем.

Исследование экосистем / Ecosystems research

Социально-экономические образования, продвигающие себя в качестве перспективных экосистем, представляют собой достаточно разнообразные сообщества, формируемые, как правило, крупными корпорациями, рассматривающими эту форму как актуальный этап своего поступательного развития [Стаценко, Бычкова, 2024]. Проведенные авторами исследования показывают, что в процессе их построения одним из ключевых ориентиров инициируемой трансформации становятся освоение и развитие комплекса непрофильных видов коммерческой деятельности сферы обслуживания, их приоритетно социальной направленности во внешнюю среду [Афанасьев, Райченко, 2023]. Эволюционно проявляясь на практике как периодически повторяющиеся циклы «оснащения и освобождения» материнской компании такими одиозными формами, как «непрофильные активы», подобные трансформации долгое время не выделялись в качестве перспективной основы построения корпораций «нового типа». Бурная активизация этих тенденций со временем все же закрепила в общественном понимании и профессиональном обращении приоритетное позиционирование нового функционала экосистем в сфере обслуживания[5]. Такой вариативный (с одной стороны, естественный, а с другой – совершенно не обязательно необходимый) этап эволюции представлений сформировал современную востребованность тривиальных экосистем в качестве приоритетно ориентированных на сферу обслуживания организаций.

Прикладные исследования, поисковые разработки и критический анализ получаемых результатов наглядно показывают, что составы и содержания как формируемых сообществ, так и проводимых трансформаций далеко не всегда основываются на стратегическом представлении целей и последовательностей достижения, форм и методов реализации разрабатываемых, адаптируемых и проводимых преобразований, что неизбежно сказывается на устойчивости, востребованности, эффективности функционирования осваиваемых подходов[6]. На практике неизбежные проявления подобной неустойчивости, неопределенности, непредсказуемости так или иначе приводят к повторению упомянутого выше цикла «оснащения–избавления» от непрофильных активов, превращая реальную практику построения, функционирования и развития большинства экосистем в акции освоения альтернативных сегментов деятельности, хеджирования рисков, тривиальной трансформации бизнеса и др. Проявляющиеся таким образом «сиюминутность» выбора,

[4] Большая Российская энциклопедия. Режим доступа: https://bigenc.ru/?ysclid=m4zf8jugdx43858027/ (дата обращения: 20.12.2024).

[5] Экосистемы России. Как развиваются и что ждет рынок. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6267515?ysclid/ (дата обращения: 20.12.2024).

[6] Карта крупнейших российских экосистем. Режим доступа: https://ict.moscow/research/ (дата обращения: 20.12.2024).

противоречивость формирования их составов, неопределенность и даже случайность освоения конкретного содержания, а также турбулентность искажения конфигураций взаимодействий участников методом «явочного порядка» вызывают многократные, необоснованные трансформации процессов функционирования экосистем, не позволяющие обеспечить достижение показателей их эффективной деятельности и устойчивого развития[7].

Проявление неопределенности специализации сервисов пробного характера, усиление трендов необоснованной турбулентности учреждения и трансформации состава и содержания участников подобных формирований не способствуют осуществлению действительно важной и стратегически ориентированной деятельности перспективных экосистем. Это существенно подрывает доверие бизнеса к конструктивности становления функционирования и развития таких достаточно новых форм[8]. Нарастающие проявления необоснованной изменчивости реализуемых видов деятельности таких корпораций, ошибочно оцениваемые их менеджментом в качестве необходимых возможностей адаптивности, гибкости, маневренности функционирования бизнеса, вуалируют рост востребованности прогнозирования и программирования состава, содержания и конфигураций взаимодействия перспективных экосистем[9]. В контексте исследования это выражается отсутствием обоснованной и проработанной стратегии развития опережающего управленческого образования в качестве одной из обязательных основ построения перспективной экосистемы, подменяемой приоритетом обеспечения подвижности бизнеса в условиях обострения конкуренции.

Сохраняемые при большинстве трансформаций подразделения медицинского обеспечения, профессиональной подготовки, отраслевого страхования, изначально удовлетворяя исключительно внутренние потребности организаций, также не могут формировать и поддерживать стратегические направления развития экосистем. Даже проявляющиеся в последнее время тенденции выхода на открытый рынок отраслевых коммерческих клиник или корпоративных страховых фирм не отражают стратегической ориентации их учредителей, представляя собой отдельные вариации повышения эффективности их бизнес-моделей[10]. Понимание этого обусловливает необходимость обоснования, разработки и реализации стратегии перспективного развития экосистем, поддерживающей конструктивные и устойчивые тренды обучения и функционирования высококвалифицированного персонала конкурентных организаций на основе постановки и совершенствования стратегически ориентированного опережающего управленческого образования[11]. При этом прикладные исследования и оценки квалификации персонала управления выделяют именно опережение управленческого образования в качестве системообразующего, социально ориентированного ресурса обеспечения максимизации эффекта синергии функционирования и развития перспективных экосистем [Ефремов, 2024].

Проводимый авторами анализ выводов исследований ученых и практиков показывает, что именно в формате перспективной экосистемы разработка и реализация преемственности программ опережающего управленческого образования в цепочках дерева жизненных циклов должности, карьеры, работника, специальности перспективно определяют и необходимо обеспечивают постановку и осуществление стратегии опережающего развития организации [Рубцова, Гаврилина, 2024]. При этом реальные условия постановки и применения формата опережающего управленческого образования обеспечивают построение конструктивной основы формирования и функционирования перспективных экосистем как непосредственным, так и опосредованным наращиванием профессионального потенциала «человеческого капитала» [Гастев, 2024][12]. В условиях осуществления эволюционно организационных преобразований и наращивания радикальных цифровых трансформаций креативная способность создания, внедрения и адаптации инновационных программных продуктов и баз данных формирует конструктивные ресурсы и открывает беспрецедентные возможности социально-экономического развития перспективных экосистем. Понимание этого кардинально расширяет возможности, функционал сферы участия в актуальных цифровых разработках самого широкому круга инициаторов, создателей, адаптеров, промоутеров,

[7] Экосистемы России. Как развиваются и что ждет рынок. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6267515?ysclid=m4zepaqaut885416128/ (дата обращения: 20.12.2024).

[8] Почему большинство экосистем терпят неудачу. Режим доступа: https://vc.ru/u/262310andrey-bashin/305858-pochemu-bolshinstvo-biznes-ekosistem-terpyat-neudachu/ (дата обращения: 20.12.2024).

[9] 5 российских экосистем за два года запустили 67 новых и закрыли 37 сервисов. Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/ (дата обращения: 20.12.2024).

[10] Экосистемы России. Как развиваются и что ждет рынок. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6267515?ysclid/ (дата обращения: 20.12.2024).

[11] Стратегии развития экосистем: анализ российского опыта. Режим доступа: https://www.jsdrm.ru/jour/article/view/958/ (дата обращения: 20.12.2024).

[12] Образование как элемент стратегии опережающего развития. Режим доступа: https://www.pravda.ru/economics/1191311-education/ (дата обращения: 20.12.2024).

пользователей, модернизаторов программ опережающего управленческого образования.

Результаты исследования / Research results

Проводимые авторами исследования обоснования, построения деятельности и совершенствования современных, перспективно ориентированных экосистем выявили исключительно широкий спектр проявлений, характеристик, тенденций их формирования, функционирования и развития. Генезисом этих процессов выделяются достаточно разнообразные подходы к их организации, обусловленные отраслевой спецификой их учредителей и менеджмента. Впоследствии они конкретизируются и ограничиваются реальными условиями взаимодействия и преобразования экосистем в деловой конкурентной среде их позиционирования. В ряде случаев это приводит к вырождению целевой ориентации экосистем, хотя те из них, которым удается сохранить выбранные приоритеты, как было установлено в ходе исследования практики и описывающих ее публикаций, опираются на универсальные положения, оценка содержания которых требует детерминированного анализа обоснованности их составов, содержаний и конфигураций[13].

Системно образующееся и перманентно развивающееся управленческое образование наряду со здравоохранением и социальным обеспечением создает основополагающие условия построения, функционирования и развития наиболее перспективных экосистем. Это обусловливается становлением и использованием ключевой роли наращивания «человеческого капитала» в функционировании и развитии любых социальных организаций и интерактивно востребующих его потенциал, перспективных экосистем. Проводимые авторами исследования реального сектора экономики показывают, что освоение, накопление и реализация такого основополагающего ресурса формирования и функционирования перспективных экосистем не могут эффективно осуществляться в «догоняющем» (по оценкам авторов, более 50 %) или даже «сопутствующем» (менее 30 %) режимах целевого функционирования и поступательного развития социально-экономических организаций. Понимание этого так или иначе обусловливает актуальную востребованность усиления тенденций опережения (до 15 %) и непрерывного управленческого образования, изначально призванного превентивно обеспечить достижение целенаправленности, согласованности, эффективности всего многообразия взаимодействий участников и формирований перспективных экосистем.

Авторы исходят из понимания того, что сверхзадачей постановки и осуществления управления функционированием любой организации изначально является достижение эффекта синергии ее деятельности. Оно стратегически обеспечивается наращиванием потенциала «человеческого капитала», необходимо востребующем периодическое освоение им обновляемых программ опережающего образования [Гастев, 2024]. Перманентное ускорение социально-экономических преобразований требует все более и более оперативного обновления осваиваемых профессиональных и социальных компетенций участников, рано или поздно приводящего к пониманию необходимости постановки и реализации опережающего формата управленческого образования. Помимо фундаментальной основы и актуальной модернизации, эффективное решение такой инновационной задачи возможно только путем обеспечения синергетического взаимодействия процессов прорывных научных исследований инновационной профессиональной деятельности и опережающего управленческого образования, формирующих соответствующий прогнозируемым задачам инновационный потенциал «человеческого капитала» перспективной экосистемы в процессе активизации осуществления инновационных цифровых трансформаций [Ефремов, 2024].

Наиболее перспективным форматом опережающего образования в сфере управления, что убедительно показывает опыт Государственного университета управления (далее – ГУУ), вместе с фундаментальностью постановки прикладной специализации и оперативностью модернизации становится непосредственное участие обучающихся в перманентном проведении исследований, разработок, апробации, адаптации внедрения и сопровождения применения инновационно востребованных решений. Так, результаты исследований и разработок сначала студента, а затем и аспиранта Института информационных систем ГУУ И.А. Матвеева, на протяжении всего периода обучения в университете содержательно участвовавшего в выполнении хоздоговорных научных тем по заказам открытого акционерного общества «Слава», «РКК «Энергия», «МПО «СВАРЗ» и др., нашли отражение в регистрации пакета 6 авторских свидетельств на базы данных и программное обеспечение процессов и систем управления корпорациями. Такие адаптированно применяемые программные продукты, как «Мультимедийный тьютор управленческого тезауруса», своевременно обновляются и широко используются сегодня при моделировании ситуаций и обучении резерва руководящего состава ряда

[13] Почему большинство экосистем терпят неудачу. Режим доступа: https://vc.ru/u/262310andrey-bashin/305858-pochemu-bolshinstvo-biznes-ekosistem-terpyat-neudachu/ (дата обращения: 20.12.2024).

ведущих отечественных корпораций, проводя ключевой этап реализации национального проекта (далее – НП) «Цифровизация экономики» [Бокова, Чукавин, Юхимец, Александрова, Репьева, 2024][14]. Конструктивное взаимодействие с эффективно работающими в сфере практического управления профессионалами максимально актуализировало образовательный процесс, сформировав комплекс компетенций конкурентно востребованного выпускника университета, успешно работающего сегодня ведущим специалистом цифрового департамента Центрального банка РФ.

Интерактивный формат погружения обучающегося в реальные процессы разработки, апробации наладки внедрения и сопровождения применения актуально востребованных практическим участием в управлении инноваций кардинально меняет его позиционирование в механизмах востребования, освоения и закрепления конкретных компетенций. Он превращает обучающегося из пассивного потребителя абстрактного предложения опций образовательных программ в интерактивного заказчика, пользователя, модернизатора их конкретизированных составов, адаптированных содержаний, результативно функционирующих конфигураций построения и реализации, формируя механизм активизации его персональной заинтересованности в освоении и применении наиболее необходимых компетенций. Прикладная актуализация проблем функционирования производственно-финансового цикла и интерактивный формат содержательного участия обучающегося в их разрешении формируют устойчивый тренд обеспечения опережения управленческого образования непосредственным погружением продвинутого обучающегося в практически осуществляющееся взаимодействие процедур разработки, апробации, адаптации внедрения и сопровождения применения конкретных инноваций.

Развертывание программ постановки исследовательского формата опережающего управленческого образования, как показывает практика вовлечения обучающихся в студенческую научную деятельность, возможна уже с первых дней обучения в вузе. Так, бакалавриантами первого курса Института отраслевого менеджмента ГУУ, обучающимися по открытой в 2023/2024 учебном году новой образовательной программе «Технологическое брокерство», начаты и успешно продолжаются самостоятельные исследования влияния креативности на инновации, обеспечивающие технологический суверенитет России, проводимые Д.П. Кондратьевой, и приоритетов освоения инструментария менеджмента технологическим брокером суверенной экономики отраслей, проводимые В.Н. Чикиной [Кондратьева, 2024; Чикина, 2024]. Весной 2024 г. на студенческой научной конференции материалы и первые результаты проводимых исследований доложены их авторами, обсуждены заинтересованной аудиторией и опубликованы в сборнике научных трудов студенческой научной конференции ГУУ 2024. Подтверждая справедливость известного выражения «Воспитай ученика, чтобы было у кого учиться», опережающий формат управленческого образования начинает конструктивно складываться, оттачиваться и реализоваться прежде всего в программах новых специализаций. Опережая наработку, определение и совершенствование практически только определяющихся представлений состава и содержания профессиональных и общекультурных компетенций, они формируют наиболее востребованные рынком труда, перспективно ориентированные образовательные программы.

Экспериментально поисковый характер первых погружений обучающихся в процессы самостоятельных инициативных научных исследований радикально меняет их отношение к уже не первое десятилетие рутинно осуществляемому ими участию в привычных образовательных процедурах и мероприятиях. Принципиально инновационная ориентация самостоятельно инициированных обучающимися исследований в пока только устанавливающемся и нарабатываемом механизме освоения новой образовательной программы мотивирует их интерактивное позиционирование, кардинально меняя и отношение к ним профессорско-преподавательского состава. Только возникающее, но достаточно быстро и содержательно развивающееся конструктивное взаимодействие всех участников образовательного процесса создает атмосферу интерактивного сотрудничества, стимулирующую замену выполнения академических заданий проводимыми исследованиями. Такая трансформация становится первым этапом установления формата опережения построения и осуществления всего комплекса учебно-методических мероприятий управленческого образования, конструктивно закрепляемого и развиваемого персонально нарабатываемыми формами личного участия каждого.

Подобный подход должен был зарождаться и развиваться в отраслевых образовательных учреждениях, изначально опирающихся на практически неограниченные массивы отраслевого информационного обеспечения, чему мешает жесткий регламент прикладной ориентации. Формирование и развитие корпоративных

[14] Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ от 3 марта 2014 г. № 2014612625 «Мультимедийный тьютор управленческого тезауруса». Режим доступа: https://guu.ru/wp-content/uploads/ (дата обращения: 20.12.2024).

университетов такими разрекламированными экосистемами, как «МТС», «Сбер», «Яндекс», отражают стратегическое понимание бизнесом необходимости опережающего позиционирования образования в качестве фундаментальной основы их построения и развития[15]. Вместе с тем декларируемая ориентация и содержательная деятельность их образовательных проектов недалеко ушли от типовых задач, решавшихся отделами технического обучения или соответствующими подразделениями служб управления персоналом[16]. Глубоко отраслевая установка содержания образовательных программ таких формирований, как правило, имеет утилитарную специализацию, изначально продиктованную необходимостью предметно адаптированной подготовки и регулярного повышения должностной квалификации собственного персонала. Приоритет прикладной специализации изначально не позволяет стратегически ориентировать их на обеспечение опережающего развития, хотя такие программы, как «Сопровождение цифровой трансформации», неизбежно оснащаются инновационными методиками их проведения [Стаценко, Бычкова, 2024]. Они конструктивно используются в инновационных процедурах управленческого образования, корпоративных университетах, современных экосистемах, что открывает перспективные возможности обеспечения их перехода к опережающему развитию.

Проводимые исследования и полученные результаты показали, что обоснование, апробация и построение конструктивного взаимодействия подходов классических и корпоративных университетов на основе комбинирования вариаций сочетания и использования ключевых преимуществ обеих сторон способны создать наиболее благоприятные условия построения действительно опережающего образования, в том числе в сфере управления. Организация и развитие такого взаимодействия эффективно осуществляются в межотраслевом формате, изначально свойственном построению и реализации процедур формирования и преумножения реально востребованного потенциала экосистем. Наиболее результативно такое взаимодействие формируется, обеспечивается и сопровождается в рамках осуществления НП – не только таких уже успешно реализуемых, как «Развитие бизнеса», «Технологии», «Цифровизация», но и 19 новых, все активнее развиваемых с января 2025 г.[17].

Масштабность постановки и повсеместность реализации НП создает широкие возможности конструктивного вовлечения обучающихся в те или иные варианты взаимодействия при осуществлении их исследований, апробаций и адаптаций. Конструктивность выбора и реализации конфигураций постановки, форматирования и взаимодействия контрагентов национальной кооперации, конкурсно отбирающих и согласовывающих деятельность наиболее перспективных участников, позволяет в конечном счете прийти к результативному варианту достижения и максимизации эффекта синергии сотрудничества научных и учебных подразделений академических и корпоративных университетов. В инновационном решении актуальных задач освоения, применения и модернизации компетенций опережающего управленческого образования в бизнесе, производстве, инновациях современных корпораций конструктивное участие обучающихся в осуществлении НП предоставляет исключительные возможности.

Универсальность постановки, расширения и совершенствования направлений профессиональной деятельности современных экосистем обусловливается актуальными требованиями их интерактивного позиционирования в конкурентной среде рыночных отношений, приоритетно востребующей освоение, адаптацию и применение опережающих управленческих компетенций. Так, в «контур управления» корпорации «Росатом», помимо таких профильных формирований, как «Прикладная наука», «Промышленность», «Логистика», «Энергетика» и др., входят такие приоритетные составляющие, как «Комфортная городская среда», «Новые направления бизнеса», «Образование», «Северный морской путь», «Цифровые продукты», «Экологические проекты», «Ядерная медицина», необходимо востребующее и конструктивное использование оригинальных подходов еще только обучающихся молодых исследователей[18]. Не декларируя повсеместно себя в качестве экосистемы, «Росатом» на самом деле изначально и на длительную перспективу учреждает, поддерживает, финансирует деятельность целого спектра профильных формирований градообразующих предприятий, опосредованно ориентированных на опережающие решения актуальных социальных задач.

Образование опережающего развития, тесно интегрированное с широким спектром прорывных научных исследований и разработок, одним из безусловных приоритетов изначально позиционирует инновационное развитие, органично востребуемое не только

[15] Карта крупнейших российских экосистем. Режим доступа: https://ict.moscow/research/ (дата обращения: 20.12.2024).

[16] Почему большинство экосистем терпят неудачу. Режим доступа: https://vc.ru/u/262310andrey-bashin/305858-pochemu-bolshinstvo-biznes-ekosistem-terpyat-neudachu/ (дата обращения: 20.12.2024).

[17] Национальные проекты России. Режим доступа: https://национальныепроекты.рф/ (дата обращения: 20.12.2024).

[18] Росатом. Ядерные технологии и атомная энергетика. Режим доступа: https://www.rusatom-utilities.ru/?ysclid=m7gchb9lvt572079976/ (дата обращения: 20.12.2024).

технологическими, но и управленческими образовательными программами. Такое опережающее управленческое образование изначально ориентируется на перспективно мотивированную, интерактивно расширяющуюся новую соискательскую аудиторию обучающихся, представляемую потенциальными участниками программ, аналогичных таким приоритетным НП, как «Время героев». Мобилизуемое участвующими в нем обучающимися практическое опережение патриотической ориентации органично воспринимается, поддерживается и развивается оснащением наиболее актуальными адаптациями реализации управленческих компетенций. Неизбежная активизация конструктивно складывающегося взаимодействия участников опережающе ориентирует обучающихся на освоение и применение принципиально новых подходов и решений в сфере овладения искусством постановки и достижения целей социально-экономического развития.

При разработке и осуществлении опережающих образовательных программ необходимо изначально учитывать, что социально-экономическая специализация и универсально-объектная ориентация управленца не позволяют окончательно конкретизировать составы и содержание осваиваемых профессиональных компетенций, что способствует своевременному их перманентному обновлению в формате эксперимента. Очевидно, что его построение не может осуществляться традиционным образом обобщения накопленного или даже передового опыта, но должно формироваться при создании конструктивного взаимодействия обучающихся, практиков и обучающих в ходе проектирования и осуществления синергии исследовательских, образовательных и прикладных процедур управления. Эта синергетическая роль в постановке, осуществлении и обновлении формата опережающего развития управленческого образования заключается в обеспечении конструктивного согласования этих процессов в единый, перманентно нарастающий поток освоения, адаптации и закрепления компетенций профессионала в управлении перспективными экосистемами [Гастев, 2024]. При этом в таком непрерывно обновляемом согласовании нельзя допускать торможения неопределенностью осваиваемого – напротив, совершенно необходимо опережающе обновлять и конкретизировать его наполнение в ходе конструктивного взаимодействия всех участников становления формата опережающего управленческого образования как стратегической доминанты экосистемы.

Глобальные цифровые трансформации оказывают кардинально обновляющее воздействие на организационно-методическое обеспечение постановки и реализации программ опережающего управленческого образования неудержимым проникновением в них разработок на основе искусственного интеллекта [Рубцова, Гаврилина, 2024]. Наиболее существенной тенденцией инновационного методологического перехода становится перенос ключевых акцентов, ориентиров и методов обучения с приоритета применения функционала запоминания на прикладное освоение инструментария процессного мышления. Переход к опережающему управленческому образованию востребует построение, распространение и совершенствование конструктивного взаимодействия перспективных ресурсов образования, науки и практики на цифровых платформах анализа и разрешения реальных проблем предприятий и организаций[19]. Это позволяет радикально преодолевать множественные информационные и организационные препятствия содержательной и результативной коммуникации университетов, научных формирований и корпораций в дистанционном формате, оперативно открывающем неограниченные возможности ускорения достижения и максимизации эффекта синергии их целенаправленного взаимодействия в реализации и развитии опережающих образовательных программ.

Освоение опережающих форматов постановки и реализации управленческого, как и любого другого, образования, кардинально тормозит, если не вообще исключает их внедрение, консервативность, на что прямо указывает заявление Президента РФ В.В. Путина, предложившего убрать архаичные образовательные программы из вузов[20]. Очевидно, что опережение не может осуществляться в условиях традиционного сдерживания не только необходимого программного, но и органично востребуемого нового методического обновления управленческого образования. Конструктивным примером эффективного прорыва подобного «сдерживания» стал институт наставничества, успешно реализованный в НП «Лидеры России»[21]. Для опережающего управленческого образования освоение такого формата открывает исключительные возможности проведения «персональной доводки» навыков выпускаемого специалиста в ходе личного взаимодействия с профессиональными руководителями всех уровней отраслевых организаций. Такой формат,

[19] Российские цифровые экосистемы: перспективы развития. Режим доступа: https://cdo2day.ru/analytics/cifrovye-jekosistemy-v-rossii-perspektivy-razvitija/ (дата обращения: 20.12.2024).

[20] Путин призвал убрать архаичные образовательные программы из вузов. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/06/02/2025/67a4d05b9a79474028e075ae?ysclid=m6xfir9fna186431290/ (дата обращения: 20.12.2024).

[21] Национальные проекты России. Режим доступа: https://национальныепроекты.рф/new-projects/ (дата обращения: 20.12.2024).

реализуемый в рамках проведения практики, стажировки, руководства квалификационными работами выпускников, становится еще и самой реальной оценкой результата освоения образовательной программы.

Постановка и осуществление адаптивно разрабатываемого, конструктивно позиционируемого, целенаправленно реализуемого и перманентно обновляемого опережающего управленческого образования создают потенциально необходимую основу формирования, функционирования и развития перспективной экосистемы. Одним из ключевых форматов его организации становится погружение обучающихся в реальные процессы фундаментальных и прикладных научных исследований с самого начала проведения образовательных программ, формируемых в подразделениях экосистем, изначально конструктивно корреспондирующих с практически действующими корпорациями. Такой формат позволяет своевременно обеспечивать удовлетворение оперативных и перспективных потребностей экосистем в трудовом участии интерактивно мотивированного, профессионального, высококвалифицированного, инновационно ориентированного человеческого капитала. На этой основе комплексное построение, целенаправленная деятельность и непрерывное совершенствование состава, содержания и конфигурации взаимодействий участников экосистемы необходимо обеспечиваются опережающим накоплением человеческого потенциала, создавая условия расширения возможностей и ускорения темпов социально-экономического развития общества.

Заключение / Conclusion

Результаты разработки и осуществления эффективных социально-экономических инноваций в условиях проведения беспрецедентных цифровых трансформаций конструктивно реализуются в ходе формирования, функционирования и развития таких организаций, как перспективные экосистемы. Основываясь на постановке, освоении и проведении программ опережающего управленческого образования перспективные экосистемы наиболее эффективно обеспечивают достижение и максимизацию эффекта синергии перманентным согласованием нарастающих взаимодействий участников. Ключевая роль опережающего управленческого образования, конструктивно и непрерывно обеспечивающего новыми профессионалами, заключается в устойчивом функционировании механизмов разработки и реализации квалифицированного целенаправленного воздействия на всех уровнях перспективных экосистем, что формирует условия построения эффективных процессов достижения и максимизации эффекта синергии их деятельности. Понимание этого убедительно подтверждает и то, что именно синергетика конструктивного взаимодействия обучающихся, практиков и обучающих в процессах опережающего управленческого образования становятся совершенно необходимой основой и эффективным механизмом формирования и развития перспективных экосистем.

Адаптация постановки и применения сочетания процессного и комплексного подходов определяет соответствующие требования не только к составу и содержанию объединяемых ресурсов, но и к построению конфигураций их позиционирования, которые в конечном счете обеспечивают максимизацию эффекта синергии путем конструктивного согласования разрабатываемого и осуществляемого целенаправленного взаимодействия. В успешном решении этой задачи определяющая роль принадлежит построению, позиционированию и совершенствованию опережающего управленческого образования как ресурса, резерва и состава персонала аппаратов управления подразделениями объединяемых экосистемой социально-экономических формирований, а также инициативно обращающимся контингентом ее дислокации. Обеспечиваемые сочетанием процессного и комплексного подходов непрерывность накопления, адаптация применения и опережение обновления профессионального потенциала человеческого капитала перспективной экосистемы становятся ключевыми факторами достижения и максимизации эффекта синергии целенаправленного, устойчивого и эффективного взаимодействия всех ее участников. Формированием, освоением и развитием этого ресурса определяется стратегически возрастающая необходимость разработки, постановки и проведения программ опережающего управленческого образования как основы освоения, накопления и использования потенциала выработки, принятия и реализации перспективно ориентированного и результативного воздействия.

Материалы и результаты уже приведенных положений, заключений и разработок, как и только осуществляющиеся и расширяющиеся фундаментальные и прикладные исследования устойчивых социально-экономических формирований, последовательно и убедительно демонстрируют необходимость, возможность и нарастающую востребованность постановки и применения формата опережающего управленческого образования в качестве одной из ключевых основ устойчивого функционирования и поступательного совершенствования перспективных экосистем. Становясь локомотивом перманентно развивающегося процесса пожизненного образования в тех или иных отраслевых адаптациях, она проецируется как на предтрудовую, так и на трудовую стадии жизненного цикла

работника, обеспечивая смену «догоняющего» на «опережающий» тренд его профессионального функционирования, квалификационного совершенствования и инновационного развития. Как можно более раннее погружение обучающегося в процессы реальных исследований, прикладных разработок, апробаций, объектных адаптаций, предметных внедрений и циклического сопровождения адаптированных применений актуально востребованных экономикой опережающих решений формирует механизмы наиболее конструктивного взаимодействия интегрированных совокупностей процессов и систем науки, практики и образования.

Анализ собранных материалов и полученных результатов показал, что именно опережающий формат позволяет достоверно проектировать конструктивное развитие карьерных циклов управленцев. Он устойчиво и предсказуемо обеспечивает проведение перманентного обновления состава, содержания, конфигураций свода адаптированно востребованных компетенций профессионального управления, необходимо сопровождающих соответствующие модернизации и инновации процессов и систем постановки, и достижения целей формирования, функционирования и развития перспективных экосистем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев В.Я., Райченко А.В., Поляков В.А. Исторические подходы, эффективные решения и перспективные разработки отечественной школы управления по мобилизации потенциала экосистем. Управление. 2023;3(11):5–14. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-5-14

Бокова А.А., Чукавин И.Ю., Юхимец В.И., Александрова В.С., Репьева С.С. Цифровая трансформация как этап совершенствования человеческого капитала. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021;6:167–171.

Ефремов А.П. Опережающее обучение и опережающее образование. Вестник Челябинского государственного университета. 2012;19(273):38–43.

Кондратьева Д.П. Влияние креативности на инновации, обеспечивающие технологический суверенитет России. В кн.: Проблемы управления 2024: материалы 32-й Всероссийской студенческой конференции, Москва, 2024. М.: ГУУ; 2024.

Наумова А.С. Анализ экосистем Российской Федерации. Экономика и бизнес: теория и практика. 2021;3-2(73):85–88. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-3-2-85-88

Рубцова О.Л., Гаврилина А.А. Опережающее развитие сферы образования в цифровой экономике. Молодой ученый. 2020;44(334).

Стаценко В.В., Бычкова И.И. Экосистемный подход в построении современных бизнес-моделей. Индустриальная экономика. 2021;1:45–61. https://doi.org/10.475776/2712-7559_2021_1_45

Сулимова Е.А., Ремзова М.А. Синергетический эффект как залог успешного ведения бизнеса. Инновации и инвестиции. 2019;12:122–125.

Чикина В.Н. Приоритеты освоения инструментария менеджмента технологическим брокером суверенной экономики отраслей. В кн.: Проблемы управления 2024: материалы 32-й Всероссийской студенческой конференции, Москва, 2024. М.: ГУУ; 2024.

REFERENCES

Afanasyev V.Ya., Raichenko A.V., Polyakov M.B. Historical approaches, effective solutions and promising developments of the national school of management for the mobilization of ecosystem potential. Upravlenie / Management (Russia). 2023;3(11):5–14. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-5-14

Bokova A.A., Chukavin I.Yu., Yukhimets V.I., Aleksandrova V.S., Repyeva S.S. Digital transformation as a stage of human capital improvement. Bulletin of Altai Academy of Economics and Law. 2021;6:167–171. (In Russian).

Chikina V.N. Priorities of mastering management toolkit by technological broker of industrial sovereign economy. In: Issues of management 2024: Proceedings of the 32nd All-Russian Student Conference, Moscow, 2024. Moscow: State University of Management Publ. House; 2024. (In Russian).

Efremov A.P. Advanced learning and advanced education. Bulleting of Chelyabinsk State University. 2012;19(273):38–43. (In Russian).

Kondratieva D.P. Impact of creativity on innovations providing technological sovereignty in Russia. In: Issues of management 2024: Proceedings of the 32nd All-Russian Student Conference, Moscow, 2024. Moscow: State University of Management Publ. House; 2024. (In Russian).

Naumova A.S. Analysis of ecosystems of the Russian Federation. Economics and Business: Theory and Practice. 2021;3-2(73):85–88. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-3-2-85-88

Rubtsova O.L., Gavrilina A.A. Overshooting education sphere development in digital economy. Molodoi uchenyi. 2020;44(334). (In Russian).

Statsenko V.V., Bychkova I.I. Ecosystem approach in building modern business models. Industrial Economics. 2021;1:45–61. (In Russian). https://doi.org/10.475776/2712-7559_2021_1_45

Sulimova E.A., Remzova M.A. Synergetic effect as a guarantee of successful business. Innovatsii i investitsii. 2019;12:122–125. (In Russian).

УДК 330.59 JEL J11, R23 DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-1-75-89
Получено: 17.12.2024 Статья доработана после рецензирования: 28.02.2025 Принято: 07.03.2025

Прогноз влияния качества жизни на миграционную ситуацию в регионах Российской Федерации

Орешников Владимир Владимирович
Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.
ORCID: 0000-0001-5779-4946, e-mail: voresh@mail.ru

Уфимский университет науки и технологий, 450076, ул. З. Валиди, 32, г. Уфа, Россия

Аннотация

Целью настоящего исследования являются оценка влияния изменения параметров качества жизни на миграционное поведение населения и формирование соответствующего прогноза. Для ее достижения применены методы ретроспективного анализа, группировки, регрессионного анализа и сценарного моделирования. Проведенный анализ ретроспективных данных позволил выявить взаимосвязь между данными показателями, однако качество статистических оценок потребовало проведения дополнительных исследований, в ходе которых вся совокупность субъектов Российской Федерации была разбита на четыре группы. Для каждой из групп построено отдельное регрессионное уравнение, описывающее взаимосвязь между значением коэффициента миграционного прироста и комплексной оценкой качества жизни в регионе. Характеристики качества полученных уравнений подтверждают возможность их применения для создания прогноза изменения показателей. Сформирован сценарный прогноз изменения значений показателя качества жизни населения в регионах Российской Федерации до 2025 г. На основе полученного прогноза рассчитаны соответствующие значения коэффициентов миграционного прироста. Реализация того или иного сценария развития ситуации по-разному отражается на миграционной привлекательности регионов. Это связано с различной чувствительностью к изменению качества жизни населения. Вместе с тем высокая чувствительность регионов первой группы не только дает им преимущества при улучшении ситуации, но и создает дополнительные риски в случае ее ухудшения. Рассмотрены три сценария развития ситуации. В соответствии с первым к 2025 г. ситуация в области миграционного прироста населения улучшится в 33 субъектах Российской Федерации по сравнению с уровнем 2021 г., со вторым – в 34, с третьим – в 28. Получение прогноза численности населения в регионах страны является неотъемлемой частью анализа влияния изменения параметров качества жизни на динамику системы расселения в стране, в частности для расчета указанных показателей концентрации и неравномерности расселения.

Ключевые слова: население, качество жизни, регионы России, система расселения, миграционный прирост, группировка, моделирование, сценарный прогноз

Для цитирования: Орешников В.В. Прогноз влияния качества жизни на миграционную ситуацию в регионах Российской Федерации// Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 75–89. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-75-89

© Орешников В.В., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received: 17.12.2024 Revised: 28.03.2025 Accepted: 07.03.2025

Forecast of the impact of quality of life on the migration situation in Russian regions

Vladimir V. Oreshnikov
Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
ORCID: 0000-0001-5779-4946, e-mail: voresh@mail.ru

Ufa University of Science and Technology, 32, Z. Validi ulitsa, Ufa 450076, Russia

Abstract

The purpose of the study is to assess the impact of changes in the quality of life parameters on migration behavior and to form a relevant forecast. To achieve this goal, the author used the methods of retrospective analysis, grouping, regression analysis, and scenario modeling. The retrospective data analysis allowed us to identify interrelationship of these indicators, but the statistical estimates quality required additional research, during which the entire population of Russian regions has been divided into four groups. For each of the groups a separate regression equation describing interrelationship of migration growth rate value and a comprehensive assessment of regional quality of life has been constructed. The quality characteristics of the obtained equations has confirmed the possibility of their implementation to create a forecast of changes in the indicators. A scenario forecast of changes in the values of the quality of life indicator in Russian regions up to 2025 has been formed. On the basis of the obtained forecast the corresponding values of migration growth coefficients have been calculated. The realization of one or another scenario has a different impact on the migration attractiveness of the regions. This is due to different sensitivity to changes in quality of life. At the same time, high sensitivity of the first group regions not only gives them advantages when the situation improves, but also creates additional risks in case of its deterioration. Three scenarios of the situation development have been considered. According to the first one, by 2025 the migration population growth process will improve in 33 constituent entities of the Russian Federation compared to the level of 2021, with the second – in 34, with the third – in 28. Obtaining a forecast of the regional population size is an integral part of analyzing the impact of changes in the quality of life parameters on the dynamics of the country's settlement system, in particular for calculating the above indicators of concentration and unevenness of settlement.

Keywords: population, quality of life, Russian regions, settlement system, migration growth, grouping, modelling, scenario forecast

For citation: Oreshnikov V.V. (2025). Forecast of the impact of quality of life on the migration situation in Russian regions. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (1), pp. 75–89. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-75-89

© Oreshnikov V.V., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Несмотря на развитие современных технологий и цифровизацию большинства видов экономической деятельности, позволяющую получать многие услуги, а также выполнять определенный перечень работ удаленно, территориально находясь в другом месте, пространственная мобильность населения не потеряла своей актуальности с точки зрения как формирования системы расселения, так и влияния на экономическое развитие стран мира. В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) сложилась достаточно устойчивая центростремительная модель миграционных процессов. Очевидно, что миграция имеет как положительные, так и отрицательные последствия и для территории выбытия, и для территории прибытия лица, меняющего место жительства. Однако, стремясь регулировать миграционные процессы, прямого влияния на принятие человеком подобного решения органы государственного управления оказать не могут. Системе управления, ограниченной лишь возможностью создания условий, требуется четкое понимание того, какие именно факторы и каким образом отражаются на принятии решения о пространственной миграции.

Данные миграционных служб и Министерства внутренних дел РФ показывают, что наиболее распространенными причинами являются поиск работы, получение высшего образования, личные причины и возвращение в место, где человек проживал ранее. Вместе с тем анализ фактических данных не позволяет говорить о том, что указанные факторы влияют отдельно друг от друга или независимо от общего развития региона. В связи с этим на первый план выходит потребность изучения такого многоаспектного понятия, как качество жизни.

В рамках настоящего исследования под качеством жизни понимаются не только доходы и благосостояние населения (что соответствует понятию уровня жизни), но и степень удовлетворенности потребностей населения, под которыми подразумевают различные условия жизни, включая такие сферы, как здравоохранение, образование, безопасность, обеспеченность продуктами питания, различными категориями товаров и т.д. Не отрицая субъективность подобных оценок, для получения количественного измерения по всей совокупности регионов страны автор использовал данные статистического учета, описывая термин как финансовые возможности, доступность, качество объектов социальной инфраструктуры, безопасность, комфорт проживания в той или иной местности [Орешников, Аитова, 2019].

Качество жизни выступает как индикатор привлекательности региона для населения. Следует отметить, что под населением в этом случае понимаются не только жители самого региона, но и других территорий, с которыми осуществляется миграционный обмен. Это связано с тем, что в дальнейшем нами рассматривается общий коэффициент миграционного прироста, который выступает в качестве характеристики миграционной привлекательности региона.

Целью настоящего исследования является описание подхода к прогнозированию параметров миграции населения в регионах России в зависимости от качества жизни в регионе и результатов его апробации. Достижение данной цели позволит перейти к оценке влияния качества жизни на численность населения региона и систему расселения в стране в целом.

Обзор литературы / Literature review

Рассматриваемые вопросы находятся на стыке нескольких предметных областей – пространственная миграция населения, оценка качества жизни населения, прогнозирование социально-экономического развития региональных систем. Каждая тема в отдельности достаточно широко представлена в литературных источниках, однако область их пересечения изучена как отечественными, так и зарубежными авторами в значительно меньшей степени [Ling-Na et al, 2021; He et al, 2022; Huang et al, 2022]. Более того, в зависимости от поставленных целей исследования проблема взаимовлияния качества жизни и миграции населения может рассматриваться по-разному, что во многом связано с обоюдонаправленностью их влияния.

Ряд вопросов, включая оценку влияния миграции на качество жизни населения в регионе, нами не рассматривались, поскольку они выходят за рамки проводимого исследования [Акаев, 2017; Егоров, Трубина, 2011; Уляева, Мигранова, 2017]. В более широком смысле качество жизни населения может анализироваться с позиции неравенства социально-экономического развития регионов страны [Храмова, Рязанцев, Ху, 2018]. В данном аспекте фактором миграции выступает не определенное значение того или иного параметра, в том числе такого комплексного, как качество жизни, а степень дифференциации регионов. В связи с этим само понятие качества жизни как характеристика привлекательности территории для населения является относительным. Однако, в ходе эконометрического анализа миграционных процессов на межрегиональном уровне установлено, что «наиболее интенсивная миграция происходит в основном между регионами с близкими по значениям показателями качества и уровня жизни» [Вакуленко, 2019, с. 113].

Анализируя факторы миграционного поведения, которые могут рассматриваться как элементы качества жизни, следует отметить, что исследователи наиболее часто выделяют финансовые показатели, такие как величина доходов и расходов населения, покупательная способность доходов, а также параметры развития инфраструктуры региона [Найден, 2015; Клейменова, 2022]. При этом могут использоваться как методы социологических исследований, так и статистический анализ объективных данных, в том числе с применением корреляционно-регрессионного анализа [Сидорова, 2019; Фахрутдинова, Юрков, 2019].

Результаты исследований зачастую оказываются хуже ожидаемых в силу отсутствия комплексности учета разнородных факторов и различия между регионами, которое проявляется при использовании различных методов группировки и ранжирования [Карачурина, 2006]. Интерес представляет сегментация миграционных «волн» во взаимосвязи с развитием рынка труда [Нехода, Соловьева, 2016].

Переход от рассмотрения частных показателей к комплексной оценке качества жизни в регионах страны требует отдельной исследовательской работы, включающей формирование обширной базы данных и их обработку с целью получения обобщенной оценки. В отечественной практике наиболее известным опытом в данной сфере является исследование качества жизни населения в регионах России рейтингового агентства «РИА Рейтинг». Балльная оценка, полученная на основе 67 частных показателей, объединенных по 11 направлениям, отражает основные аспекты жизни населения. Альтернативный рейтинг подготовлен агентством «Национальные кредитные рейтинги» для РБК и включает 10 разнородных показателей, характеризующих доходы населения, занятость, социальную сферу, климат[1]. Значительно более широкий перечень показателей используется при формировании рейтинга качества жизни, разработанного Агентством стратегических инициатив. Он включает 141 показатель, «среди них 67 опросных показателей, а также данные статистики и геоаналитики»[2]. Имеются и другие примеры формирования оценок качества жизни населения, а также близких показателей – уровня жизни, уровня благополучия, уровня благосостояния и т.д.

Интересно, что качество жизни населения в России оценивается не только для регионов, но и для муниципальных образований. В качестве примера можно привести индекс качества жизни в городах России, разработанный госкорпорацией «ВЭБ.РФ» вместе с партнерами и представленный в виде одноименной информационно-аналитической системы[3]. Он объединяет более чем 300 показателей по 218 городам страны. Однако задача прогнозирования и оценки влияния на социально-экономическое развитие территорий в данном случае также не рассматривается.

Все представленные примеры фактически ставили конечной целью исследования оценку качества жизни населения, но при этом использовали различные методические основы и отличающуюся информационную базу. Зачастую подобная ситуация приводит к определенным противоречиям. Более того, в ряде случаев подробности свертки показателей в единую оценку качества жизни не раскрываются, а сами частные показатели принимаются равнозначными. В связи с этим в рамках настоящего исследования нами разработан и в дальнейшем использован авторский подход к определению качества жизни в субъектах РФ и оценке взаимосвязи данного показателя с величиной миграционного прироста.

Методы и методология исследования / Research methods and methodology

В рамках настоящего исследования применялись такие методы, как анализ текущих значений и динамики изменения социально-экономических показателей развития субъектов РФ, группировка, ранжирование, корреляционно-регрессионный анализ, методы сценарного прогнозирования. Источником статистической информации выступили данные, представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики и опубликованные в серии сборников «Регионы России. Социально-экономическое положение», а также представленные на сайте Единой межведомственной информационно-статистической системы [Федеральная служба государственной статистики, 2023].

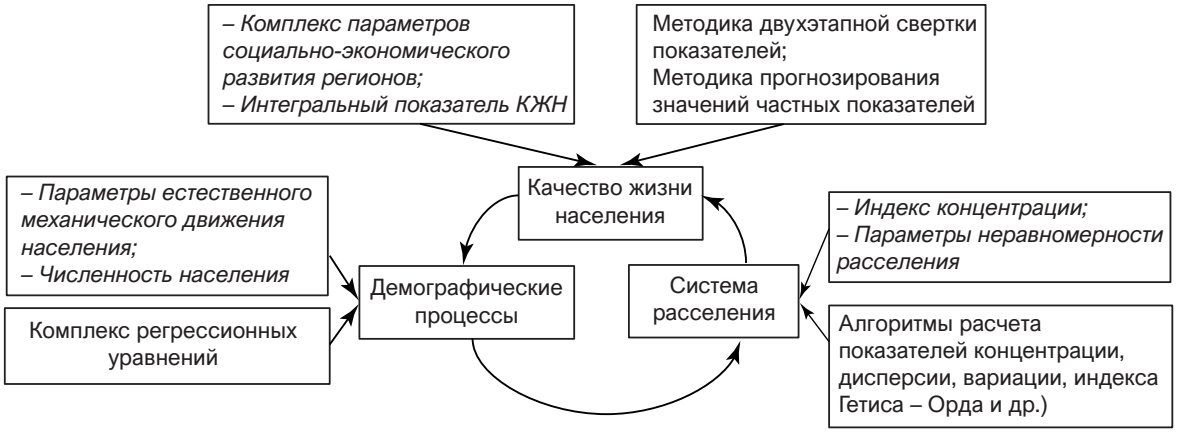
Агрегированная логическая модель исследования представлена на рис. 1. Предполагается выполнение трех блоков работ – определение параметров качества жизни населения (реализовано ранее), формирование прогноза демографических процессов под влиянием изменения качества жизни в регионах страны (текущий этап исследования) и оценка влияния данных процессов на систему расселения (перспектива развития исследования).

Говоря о факторах формирования миграционного поведения населения, необходимо учитывать их многообразие.

[1] Лучшие регионы для жизни. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/21/07/2020/5f159b3b9a79472f207e8324 (дата обращения: 12.10.2024).

[2] Агентство стратегических инициатив. Рейтинг качества жизни. Режим доступа: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (дата обращения: 12.10.2024).

[3] Индекс качества жизни. Режим доступа: https://citylifeindex.ru/ (дата обращения: 12.10.2024).



Примечание: КЖН – качество жизни населения

Составлено авторами по результатам исследования / *Compiled by the authors on the materials of the study*

Рис. 1. Логическая модель взаимосвязи элементов исследования
Fig. 1. Logical model of interrelationship of research elements

Так, для различных групп населения в качестве приоритетных могут быть выделены различные причины смены места жительства (достаточно упрощенно можно сказать, что для населения трудоспособного возраста ключевым фактором является возможность получения стабильного и высокого дохода, в то время как действия абитуриентов продиктованы желанием поступить в высшее учебное заведение, а дети младших возрастных групп фактически не принимают решение и следуют за родителями). Несомненно, что присутствуют и особенности, свойственные жителям тех или иных регионов или стран, если речь идет о международной миграции. Вместе с тем, на наш взгляд, их анализ выходит за пределы рассматриваемой в данной работе тематики.

В ходе ранее проведенных исследований разработан и апробирован подход к определению качества жизни населения в субъектах РФ, который базируется на последовательном анализе 25 частных показателей, сгруппированных по пяти направлениям с использованием весовых коэффициентов. В частности, выделены следующие группы показателей:

• доходы и благосостояние населения (отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, коэффициент Джини, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, отношение потребительских расходов к прожиточному минимуму, число собственных легковых автомобилей, обеспеченность жильем);

• экономика и труд (валовой региональный продукт (далее – ВРП) на душу населения, износ основных фондов, инвестиции в основной капитал, отношение заработной платы к прожиточному минимуму, среднегодовая численность занятых);

• здоровье и безопасность (заболеваемость, плавательные бассейны, число дорожно-транспортных происшествий, прерывание беременности);

• образование и культура (численность учителей, профессорско-преподавательского состава, аспирантов, зрителей театров);

• торговля и коммуникации (отношение среднедушевых объемов оборота розничной торговли к прожиточному минимуму, среднедушевых расходов на общественное питание к прожиточному минимуму, среднедушевых расходов на платные услуги населению к прожиточному минимуму, плотность автомобильных дорог с твердым покрытием);

• климат и географическое положение (температура воздуха в январе, расстояние от столицы региона до Москвы).

Учитывая различия между регионами, использовались удельные показатели. На втором этапе интегральные значения по направлениям также обобщаются в единый комплексный показатель качества жизни населения в регионе. Таким образом, изменение значений частных показателей влияет не только на качество жизни в отдельном регионе, но и в некоторой степени на все оценки данной модели. В целом качество жизни в данном случае отражает совокупность социально значимых характеристик территории.

Проведен анализ взаимосвязи между показателями коэффициента миграционного прироста и качества жизни населения в регионах России, показавший целесообразность выделения четырех групп регионов и формирования для них отдельных эконометрических

уравнений. В выделенных группах отчетливо проявляются различия в уровне чувствительности миграционной привлекательности территории к изменению качества жизни.

Определение прогнозных значений частных показателей базируется на учете трех составляющих – динамики изменения рассматриваемого показателя (внутренний фактор), динамики изменения макроэкономической ситуации (внешний фактор), реализации различных вариантов развития событий в части изменения дифференциации регионов (сценарный фактор).

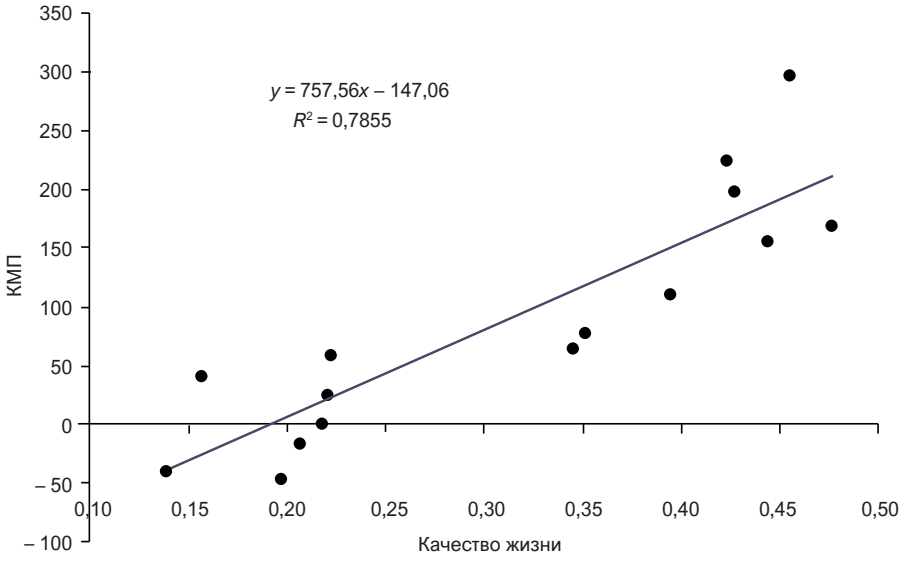
Динамика каждого из рассматриваемых показателей анализируется за предыдущие пять лет на основе данных, представленных в статистических сборниках [Федеральная служба государственных статистики, 2023]. При этом с увеличением временного лага значимость снижается, то есть наиболее близкие по времени значения имеют больший вес, а наиболее удаленные – наименьший. Данный метод имеет свои ограничения и не позволяет формировать долгосрочные прогнозы. Кроме того, по большинству показателей статистическая отчетность за 2024 г. на текущий момент не представлена либо является предварительной оценкой. В отношении ВРП временной лаг еще больше, и ожидается уточнение значений данного показателя за 2022–2023 гг.

В связи с этим в рамках исследования проведен расчет параметров до 2025 г. Применение данного подхода позволило провести массовую оценку. Следует отметить, что при наличии необходимых данных (в том числе экспертной оценки частных показателей, формирующих качество жизни населения) прогноз может быть пролонгирован с учетом имеющихся ограничений, что говорит о методологической применимости представленного подхода.

Значения сценарного параметра задаются искусственно и позволяют отследить изменение итогового параметра в зависимости от того, какая политика в области дифференциации развития регионов России будет реализовываться. В данном аспекте следует обратить внимание на существование двух принципиально различающихся точек зрения. С одной стороны, для обеспечения равных возможностей для всех жителей страны требуется обеспечить равномерное развитие всех регионов, что подразумевает перераспределение ресурсов в пользу экономически менее эффективных субъектов федерации. С другой стороны, сторонники теории «полюсов роста» отдают предпочтение концентрированию ресурсов с целью максимизации экономического эффекта, однако это грозит упадком регионов-аутсайдеров с последующим оттоком населения и еще большим ослаблением экономики [Медведева, 2022].

В рамках проведенного исследования рассмотрены три сценария развития ситуации. Первый сценарий базируется на сохранении сложившейся динамики частных индикаторов социально-экономического развития в регионах России, второй предполагает снижение уровня дифференциации, а третий – ее повышение.

Анализ показал, что уровень корреляции между качеством жизни населения и коэффициентом миграционного прироста для всей совокупности регионов страны недо-



Составлено автором по результатам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Рис. 2. Диаграмма рассеяния и график функций соотношения коэффициента миграционного прироста и качества жизни населения (регионы первой группы)

Fig. 2. Scatter diagram and functions graph of correlation between migration growth rate and quality of life of population (the first group regions)

статочен для формирования соответствующей модели. Это может объясняться неоднородностью выборки, в связи с чем выделены четыре группы субъектов РФ, для каждой из которых сформированы частные регрессионные модели, представленные на рис. 2–5.

Диаграммы рассеяния (точечные графики) иллюстрируют соотношение двух рассматриваемых показателей в рамках каждой из выделенных групп регионов. Далее используются следующие обозначения: y – коэффициент миграционного прироста (далее – КМП, представлен на оси ординат), x – расчетное значение качества жизни населения в регионе (представлен на оси абсцисс). Очевидно, что группировка регионов могла быть осуществлена и иным образом, однако в данном случае границы групп определены нами так, чтобы максимизировать значения коэффициентов детерминации для каждой из групп.

Минимальное значение данного показателя в первой группе регионов составило 0,75, что говорит о том, что вариация КМП на 75 % определяется вариацией рассматриваемого фактора.

Вторая группа включает 24 субъекта РФ (рис. 3).

Тенденция к распределению вдоль графика линейной функции на рис. 3 выражена более отчетливо, а коэффициент детерминации несколько выше и составляет 0,85. При этом значение коэффициента перед объясняющей переменной ниже, что соответствует меньшей чувствительности КМП к изменению факторной переменной.

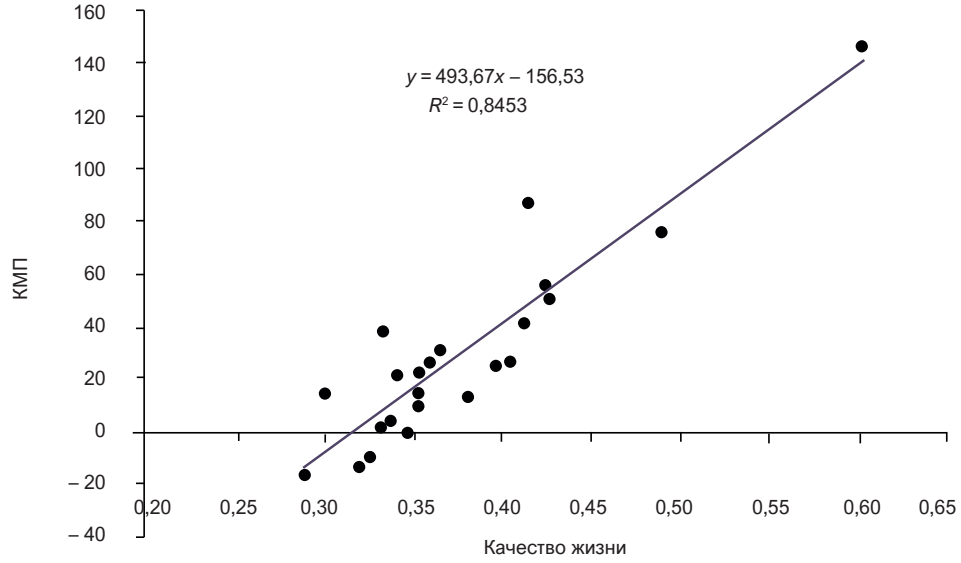
Самой многочисленной является третья группа, включающая 35 субъектов РФ (рис. 4).

Снижение чувствительности к изменению качества жизни в регионах третьей группы проявляется в еще большей степени.

Четвертая группа (рис. 5) характеризуется наименьшей чувствительностью миграционных процессов к изменению качества жизни. В нее входит 13 субъектов федерации.

Проведенный анализ показал, что нелинейный вид кривой лучше описывает представленную ситуацию четвертой группы, чем линейные функции. В частности, значение коэффициента детерминации достигает 0,87.

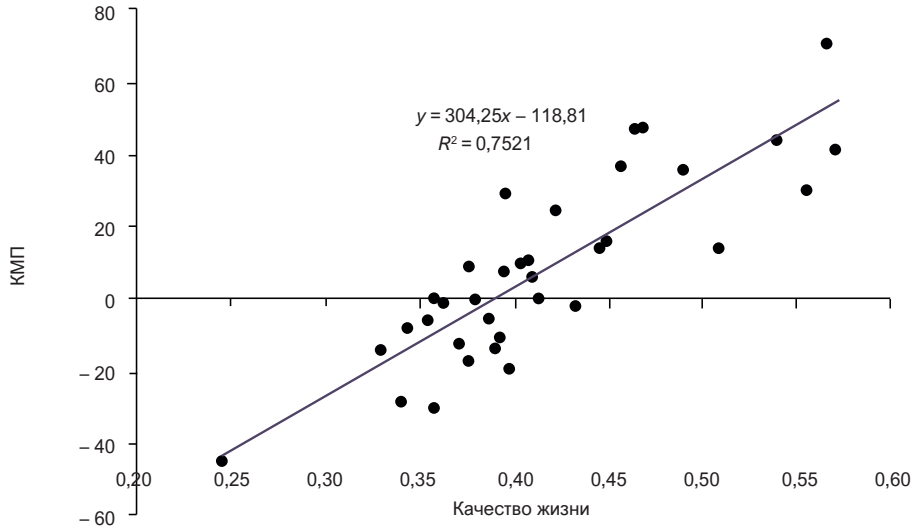
Состав данных групп субъектов РФ представлен в табл. 1.



Составлено автором по результатам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Рис. 3. Диаграммы рассеяния и графики функций соотношения коэффициента миграционного прироста и качества жизни населения (регионы второй группы)

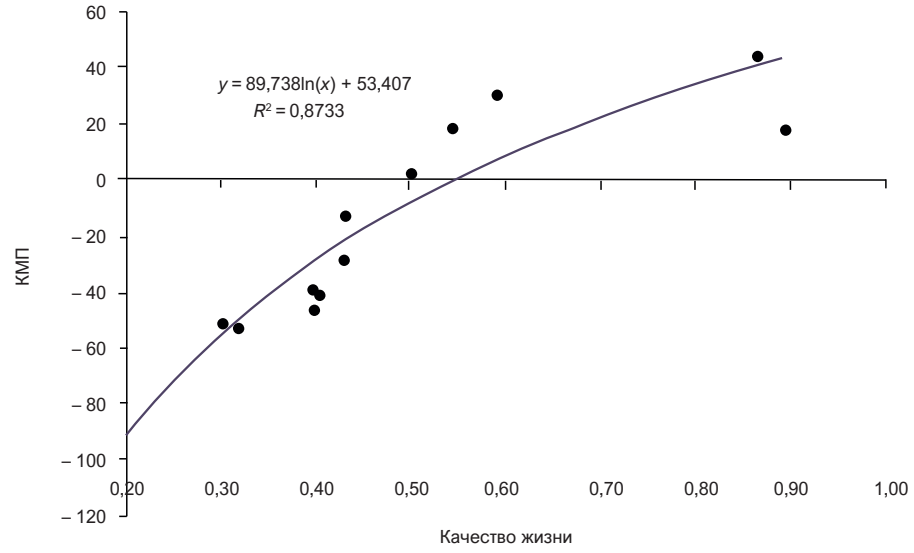
Fig. 3. Scatter diagram and functions graph of correlation between migration growth rate and quality of life of population (the second group regions)



Составлено автором по результатам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Рис. 4. Диаграммы рассеяния и графики функций соотношения коэффициента миграционного прироста и качества жизни населения (регионы третьей группы)

Fig. 4. Scatter diagram and functions graph of correlation between migration growth rate and quality of life of population (the third group regions)



Составлено автором по результатам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Рис. 5. Диаграммы рассеяния и графики функций соотношения коэффициента миграционного прироста и качества жизни населения (регионы четвертой группы)

Fig. 5. Scatter diagram and functions graph of correlation between migration growth rate and quality of life of population (the fourth group regions)

Таблица 1

Распределение субъектов России по выделенным группам

Table 1. Classification of constituent entities of the Russian Federation by selected groups

Группа	Регионы
1	Тюменская, Калужская, Архангельская, Ленинградская, Калининградская области, республики Ингушетия, Алтай, Тыва, Карачаево-Черкессия, Адыгея, Калмыкия, Крым, г. Севастополь, Камчатский край, Чукотский автономный округ
2	Новгородская, Ивановская, Псковская, Московская, Смоленская, Кировская, Рязанская, Тульская, Костромская, Иркутская, Владимирская, Тверская области, республики Марий Эл, Саха (Якутия), Карелия, Кабардино-Балкария, Мордовия, Бурятия, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Алтайский, Хабаровский, Красноярский края, Тюменская область без автономных округов

Окончание табл. 1

3	Курганская, Томская, Новосибирская, Челябинская, Самарская, Вологодская, Ульяновская, Брянская, Волгоградская, Оренбургская, Ростовская, Ярославская, Пензенская, Курская, Нижегородская, Кемеровская, Воронежская, Тамбовская, Астраханская, Саратовская, Орловская, Белгородская, Сахалинская, Амурская области, республики Удмуртия, Хакасия, Чувашия, Башкортостан, Чечня, Дагестан, Краснодарский, Ставропольский, Приморский края, Ямало-Ненецкий автономный округ, Архангельская область без автономного округа
4	Свердловская, Липецкая, Магаданская, Мурманская, Омская области, республики Татарстан, Коми, Северная Осетия – Алания, Пермский и Забайкальский края, г. Санкт-Петербург, г. Москва и Еврейская автономная область

Составлено автором по результатам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Как видно из графиков, в каждом случае наблюдается прямая взаимосвязь между исследуемыми показателями. Различие между регионами проявляется в величине угла наклона линейных функций и, соответственно, величине коэффициента перед факторной переменной, что характеризует чувствительность к ее изменению. Если для первой группы она составляет 757,6 (наиболее чувствительные регионы), то для четвертой (при использовании линейной функции) – лишь 171,6 (наименее чувствительные к изменению качества жизни регионы).

Следующим этапом исследований является формирование сценарного прогноза изменения ситуации. С методологической точки зрения для решения данной задачи созданы необходимые условия, включая определение перечня и источника данных, разработку подхода к оценке качества жизни, выбор метода.

Сценарный прогноз изменения качества жизни в регионах России / Scenario forecast of changes in quality of life in Russian regions

В рамках проведенного исследования рассматривалась дифференциация субъектов РФ не по качеству жизни или какого-либо из частных параметров, а по их динамике. Регион с низким значением показателя, но относительно высокими темпами роста окажется в более выгодных условиях при реализации третьего сценария, а высокоразвитый регион с относительно низкими темпами роста качества жизни, наоборот, рискует потерять преимущество. Такой подход позволяет учитывать не только текущие значения параметров регионального развития, но и динамику данных показателей. На наш взгляд, это расширяет возможности модельного инструментария, так как позволяет оценить как достигнутый уровень, так и усилия органов государственного управления по улучшению ситуации.

Расчет интегрального показателя качества жизни населения осуществлен в соответствии с разработанной методикой. Результаты модельных расчетов по различным сценариям представлены в табл. 2.

Обращает на себя внимание снижение показателей по ряду регионов (в том числе Севастополь). В данном случае необходимо понимать, что в рамках предложенного подхода качество жизни является относительным показателем. В связи с этим его величина зависит не только от значения частных параметров в конкретном субъекте РФ, но и от изменения ситуации в других регионах. Фактически, если в других регионах улучшение ситуации идет более высокими темпами, рассматриваемый регион может характеризоваться снижением качества жизни даже в условиях, когда все показатели повышаются.

Таблица 2

Сценарный прогноз качества жизни в регионах России к 2025 г.

Table 2. Scenario forecast of quality of life in Russian regions by 2025

Регион	2021 г.	2025 г. / Сценарий		
		1	2	3
Белгородская область	0,53	0,53	0,54	0,51
Брянская область	0,39	0,36	0,37	0,35
Владимирская область	0,31	0,31	0,32	0,31
Воронежская область	0,49	0,48	0,50	0,46
Ивановская область	0,35	0,36	0,36	0,36
Калужская область	0,38	0,38	0,39	0,38
Костромская область	0,33	0,31	0,31	0,29
Курская область	0,42	0,43	0,43	0,41
Липецкая область	0,51	0,48	0,48	0,46
Московская область	0,61	0,56	0,57	0,55

Продолжение табл. 2

Регион	2021 г.	2025 г. / Сценарий		
		1	2	3
Орловская область	0,40	0,38	0,38	0,37
Рязанская область	0,41	0,40	0,40	0,39
Смоленская область	0,37	0,35	0,35	0,34
Тамбовская область	0,43	0,39	0,39	0,38
Тверская область	0,39	0,37	0,37	0,36
Тульская область	0,41	0,37	0,38	0,36
Ярославская область	0,41	0,40	0,40	0,40
Москва	0,88	0,89	0,89	0,87
Республика Карелия	0,35	0,33	0,33	0,33
Республика Коми	0,32	0,28	0,28	0,27
Архангельская область	0,22	0,22	0,22	0,22
Ненецкий автономный округ	0,36	0,34	0,35	0,33
Вологодская область	0,35	0,32	0,32	0,31
Калининградская область	0,46	0,43	0,43	0,42
Ленинградская область	0,43	0,40	0,40	0,40
Мурманская область	0,40	0,35	0,36	0,33
Новгородская область	0,34	0,32	0,32	0,31
Псковская область	0,37	0,37	0,36	0,37
Санкт-Петербург	0,86	0,86	0,86	0,86
Республика Адыгея	0,49	0,51	0,50	0,51
Республика Калмыкия	0,19	0,22	0,22	0,22
Республика Крым	0,36	0,39	0,38	0,39
Краснодарский край	0,57	0,55	0,55	0,54
Астраханская область	0,35	0,28	0,29	0,27
Волгоградская область	0,42	0,38	0,38	0,37
Ростовская область	0,50	0,46	0,47	0,45
Севастополь	0,46	0,38	0,39	0,36
Республика Дагестан	0,42	0,34	0,35	0,32
Республика Ингушетия	0,18	0,18	0,18	0,17
Кабардино-Балкарская Республика	0,36	0,35	0,35	0,35
Карачаево-Черкесская Республика	0,23	0,23	0,23	0,22
Республика Северная Осетия – Алания	0,41	0,36	0,37	0,34
Чеченская Республика	0,36	0,31	0,31	0,29
Ставропольский край	0,42	0,34	0,35	0,32
Республика Башкортостан	0,46	0,38	0,39	0,36
Республика Марий Эл	0,32	0,28	0,28	0,27
Республика Мордовия	0,37	0,37	0,36	0,36
Республика Татарстан	0,60	0,52	0,53	0,50
Удмуртская Республика	0,38	0,35	0,35	0,34
Чувашская Республика	0,38	0,36	0,36	0,36
Пермский край	0,44	0,43	0,43	0,43
Кировская область	0,31	0,28	0,28	0,27

Окончание табл. 2

Регион	2021 г.	2025 г. / Сценарий		
		1	2	3
Нижегородская область	0,45	0,40	0,41	0,39
Оренбургская область	0,40	0,36	0,36	0,35
Пензенская область	0,40	0,38	0,38	0,38
Самарская область	0,43	0,40	0,40	0,39
Саратовская область	0,39	0,37	0,37	0,36
Ульяновская область	0,37	0,35	0,35	0,34
Курганская область	0,25	0,25	0,25	0,25
Свердловская область	0,56	0,46	0,47	0,44
Тюменская область	0,23	0,22	0,22	0,21
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,43	0,37	0,38	0,35
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,54	0,50	0,52	0,48
Челябинская область	0,38	0,36	0,36	0,35
Республика Алтай	0,21	0,26	0,25	0,26
Республика Тыва	0,14	0,16	0,15	0,17
Республика Хакасия	0,35	0,31	0,31	0,30
Алтайский край	0,30	0,28	0,28	0,28
Красноярский край	0,41	0,40	0,40	0,39
Иркутская область	0,32	0,33	0,33	0,33
Кемеровская область	0,37	0,35	0,35	0,34
Новосибирская область	0,48	0,45	0,45	0,44
Омская область	0,41	0,37	0,37	0,36
Томская область	0,49	0,50	0,50	0,49
Республика Бурятия	0,32	0,25	0,27	0,24
Республика Саха (Якутия)	0,41	0,40	0,40	0,38
Забайкальский край	0,31	0,29	0,29	0,28
Камчатский край	0,35	0,37	0,36	0,39
Приморский край	0,43	0,43	0,43	0,43
Хабаровский край	0,44	0,38	0,39	0,36
Амурская область	0,35	0,33	0,34	0,32
Магаданская область	0,42	0,39	0,39	0,38
Сахалинская область	0,51	0,52	0,53	0,50
Еврейская автономная область	0,20	0,19	0,18	0,18
Чукотский автономный округ	0,39	0,44	0,44	0,43

Примечание: Безразмерные величины – это результат двухэтапной свертки 25 частных показателей

Составлено автором по результатам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

В случае более заметного ухудшения параметров других территорий регион может стать более привлекательным даже в условиях снижения значений его собственных параметров [Орешников, 2021]. Подобный подход позволяет выявлять взаимосвязь с миграционным приростом населения, исходя из предпосылки о том, что переезд из одной местности в другую связан не столько с абсолютными значениями таких показателей, как величина заработной платы и обеспеченность жильем, сколько с относительным их значением по сравнению с другими территориями.

Принимая во внимание данное замечание, отметим, что первый сценарий предполагает увеличение значения показателя качества жизни в 2025 г. относительно уровня 2021 г. в 20 регионах России, второй – в 18, а третий – лишь в 10. По всем трем сценариям некоторое улучшение ситуации ожидается в Чукотском автономном округе, Камчатском крае, Республиках Алтай, Калмыкия, Крым. Данные регионы на сегодняшний день не являются лидерами по качеству жизни. Наиболее высокую позицию по данным за 2021 г. занимает Чукотский автономный округ, находясь на 45-ом месте. Большая часть регионов, в отношении которых ожидается улучшение относительного показателя качества жизни, находятся в нижней части рейтинга.

Именно эффектом низкой базы и реализацией мер по сокращению дифференциации развития регионов России объясняется подобное изменение. Фактически их позиции в рейтинге сохраняются, что говорит о низком качестве жизни в целом во многих регионах Северного Кавказа, юга Сибири, Дальнего Востока. Именно там наблюдается наиболее существенный миграционный отток населения – Республика Калмыкия, Республика Тыва, Курганская область, Алтайский край, Забайкальский край, Магаданская область, Еврейская автономная область, Республика Северная Осетия – Алания, Амурская область. В других регионах-донорах (Омская, Мурманская области, Республика Коми, Кировская область и т.д.) также наблюдаются относительно низкие показатели качества жизни населения.

Прогноз миграционных процессов в регионах России

Исходя из полученного прогноза изменения качества жизни в регионах РФ, автор провел оценку возможной динамики коэффициентов миграционного прироста в них. Фрагмент полученных результатов представлен в табл. 3. Надежность представленного прогноза обусловливается применением регрессионных моделей, параметры качества которых (коэффициент детерминации, критерии Фишера и Стьюдента) находятся в допустимых пределах. Как отмечено ранее, информационную базу исследования составили данные официальной статистики, что говорит об их достоверности. Вместе с тем нельзя не согласиться с доводами о том, что существенные изменения, произошедшие в 2022 г., снизили прогностическую способность регрессионных моделей в силу их инерционности. В связи с этим формирование долгосрочных прогнозов не представляется возможным.

Как было отмечено выше, группы регионов выделены исходя из соотношения параметров качества жизни населения и миграционного прироста. В связи с этим каждая из групп содержит регионы, характеризующиеся как миграционным приростом, так и миграционной убылью населения. В табл. 3 включены по 6 представителей каждой из выделенных групп (по три региона с высоким и низким значениями показателя коэффициента миграционного прироста). Следует обратить внимание, что в четвертой группе лишь два региона (Москва и Санкт-Петербург) характеризовались миграционным приростом.

Таблица 3

Прогноз значения коэффициента миграционного прироста в регионах России

Table 3. Forecast of migration growth rate in Russian regions

Регион	Сценарий 1, чел. на 1 тыс. чел.			Сценарий 2, чел. на 1 тыс. чел.			Сценарий 3, чел. на 1 тыс. чел.		
	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Республика Ингушетия	– 7,3	7,2	– 10,2	– 10,6	4,0	– 13,7	– 4,9	10,1	– 16,0
Севастополь	166,6	152,2	139,3	173,4	161,9	149,2	159,7	144,2	128,6
Республика Тыва	– 33,0	– 27,2	– 24,5	– 33,6	– 30,6	– 30,3	– 31,9	– 22,4	– 21,0
Ленинградская область	168,3	165,3	157,7	170,3	166,2	158,8	167,1	165,0	152,8
Калининградская область	195,5	195,7	178,2	195,9	196,9	180,9	194,3	194,6	168,5
Республика Калмыкия	17,6	19,0	22,1	14,1	17,5	20,5	18,9	20,5	22,3
Республика Марий Эл	– 13,0	– 13,3	– 20,7	– 11,4	– 12,8	– 20,5	– 14,1	– 13,5	– 23,7
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	43,7	40,4	27,2	46,5	43,9	32,3	41,1	37,1	18,3
Московская область	134,9	131,2	121,1	136,8	133,8	124,2	132,8	129,1	113,7
Алтайский край	– 13,2	– 11,9	– 16,2	– 13,4	– 12,9	– 17,2	– 13,1	– 10,7	– 18,2
Рязанская область	46,5	46,5	40,3	45,7	45,9	39,8	46,5	47,1	37,9

Окончание табл. 3

Регион	Сценарий 1, чел. на 1 тыс. чел.			Сценарий 2, чел. на 1 тыс. чел.			Сценарий 3, чел. на 1 тыс. чел.		
	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Республика Бурятия	– 14,7	– 20,7	– 31,2	– 10,8	– 15,4	– 25,0	– 18,7	– 25,1	– 39,3
Курганская область	– 41,2	– 39,4	– 42,2	– 41,8	– 40,6	– 43,4	– 40,6	– 38,2	– 42,9
Томская область	39,2	42,8	34,1	36,9	42,5	34,3	39,4	42,9	30,1
Республика Хакасия	– 18,8	– 19,2	– 23,9	– 17,5	– 18,6	– 23,3	– 19,6	– 19,4	– 26,4
Краснодарский край	54,1	52,1	48,6	54,4	52,7	49,0	53,5	51,9	46,7
Астраханская область	– 23,1	– 26,4	– 32,8	– 21,2	– 23,7	– 29,8	– 25,3	– 28,7	– 36,7
Белгородская область	55,0	52,8	43,3	56,1	55,2	46,2	53,3	50,6	37,6
Липецкая область	– 15,8	– 16,2	– 20,2	– 15,5	– 15,8	– 19,6	– 16,1	– 16,4	– 22,3
Забайкальский край	– 50,9	– 50,4	– 52,6	– 50,6	– 50,3	– 52,4	– 51,1	– 50,3	– 54,0
Республика Коми	– 50,4	– 51,3	– 54,1	– 49,6	– 50,7	– 53,1	– 51,0	– 51,9	– 55,9
Санкт-Петербург	45,9	44,1	46,0	45,7	44,2	45,8	45,6	44,3	45,1
Москва	51,5	49,4	50,1	51,2	50,5	51,4	50,8	48,4	47,5
Еврейская автономная область	– 68,5	– 67,8	– 69,9	– 68,5	– 67,9	– 70,1	– 68,5	– 67,4	– 70,4

Составлено автором по результатам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

С учетом того, что значение показателя качества жизни изменяется на рассматриваемом интервале не столь значительно даже при различных сценариях развития ситуации, получаемые оценки миграционного прироста также достаточно близки. Фактически наблюдаемые изменения данного показателя в предыдущие периоды более значительны. В связи с этим полученные значения коэффициентов миграционного прироста следует рассматривать в качестве усредненных значений в прогнозные периоды.

Реализация первого сценария предполагает улучшение к 2025 г. ситуации в области миграционного прироста населения в 33 субъектах РФ по сравнению с уровнем 2021 г. Для второго сценария таких регионов насчитывается 34, для третьего – 28. Наиболее существенный прирост во всех трех случаях прогнозируется для Чукотского автономного округа, Камчатского края, Республик Адыгея, Калмыкия, Крым. Лидерами по величине снижения показателя являются Севастополь и Калужская область, что связано с эффектом высокой базы 2021 г. Заметное снижение прогнозируется в Ленинградской, Тюменской, Свердловской областях, Ингушетии, Якутии. Реализация различных сценариев способна изменить величину снижения коэффициента миграционного прироста, однако без принципиальных изменений экономических процессов и государственной политики в данной сфере общая направленность остается прежней [Захаркина, Соколова, Ильин, 2022].

Необходимо учитывать последствия, отдаленные во времени. Отмечая влияние миграции на трансформацию системы расселения, исследователи в данной области указывают и на обратное влияние. В частности, как отмечает Н.П. Гуляева, «обостряет ситуацию то, что доступ ко всем видам социальных услуг на территории Сибири осложнен разреженностью сети поселений, низкой плотностью путей сообщения» [Гуляева, 2018, с. 229]. Таким образом, качество жизни связано и с системой расселения.

Заключение / Conclusion

Проведенный анализ показал, что качество жизни в значительной степени определяет миграционные процессы в субъектах РФ. Предложенный подход к оценке взаимосвязи между данными параметрами позволяет рассмотреть возможные сценарии развития ситуации. Это дает возможность для формирования соответствующего прогноза миграционных процессов и в целом численности населения регионов. Однако для этого должна быть решена задача прогнозной оценки частных показателей, характеризующих качество жизни населения. Тем самым, с одной стороны, осуществляется взаимоувязка элементов региональной системы, а с другой – находит свое отражение взаимовлияние степени развития отдельных регионов страны. В то же время существует множество иных факторов, оказывающих влияние на миграционные процессы. В связи с этим дальнейшим развитием проведенного исследования может стать анализ дополнительных факторов, способных повысить качество и адекватность модели,

там самым отразившись на обоснованности прогнозных оценок.

Логическим завершением исследования станет переход к оценке влияния описанных процессов на изменение системы расселения в России [Красносельская, Тимирьянова, 2022]. Планируется сформировать трехуровневую систему «качество жизни населения – миграционные процессы – система расселения». Изменившаяся система расселения окажет влияние на качество жизни населения в регионах страны, и будет получен замкнутый самовоспроизводящийся цикл, связанный с экономической, социальной и демографической составляющими территориального развития с учетом пространственных характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акаев А.А. Миграция: формы и роль в улучшении качества жизни населения. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017;2:195–202.

Вакуленко Е.С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? Прикладная эконометрика. 2019;3(55):113–138. https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013

Гуляева Н.П. Дифференциация условий жизни населения как фактор миграционных процессов на территории Сибири. Экономика труда. 2018;5(1):213–232. https://doi.org/10.18334/et.5.1.38910

Захаркина Н.В., Соколова Н.Н., Ильин И.В. Миграция населения в российских регионах: проблемы и реалии современности. Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2022;15:26–33. https://doi.org/10.36683/2500-249X/2022-15/26-33

Егоров Е.Г., Трубина А.В. Миграция как фактор роста качества жизни населения региона (на примере Республики Саха (Якутия)). Уровень жизни населения регионов России. 2011;9(163):77–80.

Карачурина Л.Б. Межрегиональная миграция и социально-экономическая дифференциация пространства современной России. Проблемы прогнозирования. 2006;3:96–115.

Клейменова Е.Р. Инфраструктура как фактор миграции молодежи. Гуманитарный акцент. 2022;2:35–47.

Красносельская Д.Х., Тимирьянова В.М. Оценка полицентричности систем расселения: чувствительность к методам, количеству наблюдений и уровню агрегирования данных. Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2022;4(20):144–153.

Медведева О.А. Зарубежный опыт кластерной политики и перспективы ее реализации в России. Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022;1(5):130–137. https://doi.org/10.37493/2307-907X.2022.5.13

Найден С.Н. Качество жизни как фактор миграционных мотиваций населения Камчатского края. Региональные проблемы. 2015;3(18):35–44.

Нехода Е.В., Соловьева Н.Н. Миграционные волны на российском рынке труда. Социологические исследования. 2016;4(384):31–36.

Орешников В.В. Исследование влияния уровня развития социальной инфраструктуры на миграционную привлекательность территории с применением методов экономико-математического моделирования. Известия Уфимского научного центра РАН. 2021;4:110–116. https://doi.org/10.31040/2222-8349-2021-0-4-110-116

REFERENCES

Akayev A.A. Migration: form and role in improving living quality. International journal of Humanities and Natural Sciences. 2017;2:195–202. (In Russian).

Egorov E.G., Trubina A.V. Migration as a factor in population's living standards regional growth (the Republic of Sakha (Yakutia) case). Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2011;9(163):77–80. (In Russian).

Fakhrutdinova E.V., Yurkov D.V. An empirical analysis of the relationship between quality of life and population migration in the constituent entities of the Russian Federation. Economic Sciences. 2019;181:363–368. (In Russian). https://doi.org/10.14451/1.181.363

Federal State Statistics Service. Regions of Russia. Social and economic indicators. 2023. Moscow: Federal State Statistics Service; 2023. 1126 p. (In Russian).

Gulyaeva N.P. Differentiating the quality of life as a factor of migration processes in the Siberia. Russian Journal of Labour Economics. 2018;1(5):213–232. (In Russian). https://doi.org/10.18334/et.5.1.38910

He X., Zhang F., Zhao H. et al. How Migration in Later Life Shapes Their Quality of Life: A Qualitative Investigation of the Well-Being of the "Drifting Elderly" in China. Social Indicators Research. 2022;160:909–933. https://doi.org/10.1007/s11205-020-02497-3

Karachurina L.B. Interregional migration and social and economic differentiation of modern Russia. Problems of forecasting. 2006;3:96–115. (In Russian).

Khramova M.N., Ryazantsev S.V., Hu V.K. Factors of migration and the problem of regional inequality in the socio-demographic development of Russia and Vietnam. Scientific Research. Human Sciences. 2018;6:54–64. (In Russian). http://dx.doi.org/10.26653/2076-4685-2018-6-04

Kleimenova E.R. Infrastructure as a factor of youth migration. Humanitarian Accent. 2022;2:35–47. (In Russian).

Krasnoselskaya D.H., Timiryanova V.M. Estimate of Settlement Systems' Polycentricity: Sensitivity to Methods, Number of Observations and a Level of Data Aggregation. Vestnik of Nosov Magnitogorsk State Technical University. 2022;4(20):144–153. (In Russian).

Ling-Na K., Nan Zh., Chi Y., Zong-Yu Yu, Wang Yu., Guang-Li Zh. Relationship of social support and health-related quality of life among migrant older adults: The mediating role of psychological resilience. Geriatric Nursing. 2021;1(42):1–7. https://doi.org/10.1016/j.gerinurse.2020.10.019

Medvedeva O.A. Foreign experience of cluster policy and prospects for its implementation in Russia. Newsletter

Орешников В.В., Аитова Ю.С. Социальная инфраструктура как ключевой фактор демографического развития региона. Региональные проблемы преобразования экономики. 2019;11(109):259–267. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-11-259-267

Сидорова Н.П. Влияние уровня жизни населения на формирование миграционных настроений. Власть и управление на Востоке России. 2019;1(86):126–133. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-126-133

Уляева А.Г., Мигранова Л.И. Исследование процессов маятниковой трудовой миграции в городской агломерации. Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2017;5(66):179–193.

Фахрутдинова Е.В., Юрков Д.В. Эмпирический анализ взаимосвязи качества жизни и миграции населения в субъектах Российской Федерации. Экономические науки. 2019;181:363–368. https://doi.org/10.14451/1.181.363

Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. М.: Федеральная служба государственной статистики; 2023. 1126 с.

Храмова М.Н., Рязанцев С.В., Ху В.К. Факторы миграции и проблема регионального неравенства в социально-демографическом развитии России и Вьетнама. Научное обозрение. Гуманитарные науки. 2018;6:54–64. http://dx.doi.org/10.26653/2076-4685-2018-6-04

He X., Zhang F., Zhao H. et al. How Migration in Later Life Shapes Their Quality of Life: A Qualitative Investigation of the Well-Being of the "Drifting Elderly" in China. Social Indicators Research. 2022;160:909–933. https://doi.org/10.1007/s11205-020-02497-3

Ling-Na K., Nan Zh., Chi Y., Zong-Yu Yu, Wang Yu., Guang-Li Zh. Relationship of social support and health-related quality of life among migrant older adults: The mediating role of psychological resilience. Geriatric Nursing. 2021;1(42):1–7. https://doi.org/10.1016/j.gerinurse.2020.10.019

Xinrong H., Mingxing Ch. Understanding the role of housing in rural migrants' intention to settle in cities: Evidence from China. Habitat International. 2022;128:102650. https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2022.102650.

of North-Caucasus Federal University. 2022;1(5):130–137. (In Russian). https://doi.org/10.37493/2307-907X.2022.5.13

Nayden S.N. Quality of life as a factor of migration motivations of the Kamchatka Krai population. Regional Issues. 2015;3(18):35–44. (In Russian).

Nekhoda E.V., Solovyova N.N. The waves of migration on the Russian labour market. Sociological Stidues. 2016;4(384):31–36. (In Russian).

Oreshnikov V.V. Study of the impact of the development of social infrastructure on the migration attractiveness of the territory using the methods of economic and mathematical modeling. Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre. 2021;4:110–116. (In Russian). https://doi.org/10.31040/2222-8349-2021-0-4-110-116

Oreshnikov V.V., Aitova Yu.S. Social infrastructure as a key factor of demographic development of the region. Regional problems of economic transformation. 2019;11(109):259–267. (In Russian). https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-11-259-267

Sidorova N.P. Impact of living standards on the formation of migration attitudes. Power and Administration in the East of Russia. 2019;1(86):126–133. (In Russian). https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-126-133

Ulyaeva A.G., Migranova L.I. Investigation of pendulum labor migration processes in urban agglomeration. Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2017;5(66):179–193. (In Russian).

Vakulenko E.S. Motives for internal migration in Russia: What has changed in recent years? Applied Econometrics. 2019;3(55):113–138. (In Russian). https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013

Xinrong H., Mingxing Ch. Understanding the role of housing in rural migrants' intention to settle in cities: Evidence from China. Habitat International. 2022;128:102650. https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2022.102650.

Zakharkina N.V., Sokolova N.N., Ilyin I.V. Migration of the population in Russian regions: problems and realities of today. Education and science without borders: fundamental and applied research. 2022;15:26-33. (In Russian). https://doi.org/10.36683/2500-249X/2022-15/26-33

УДК 332.1 JEL R15 DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-1-90-98
Получено: 17.01.2025 Статья доработана после рецензирования: 06.03.2025 Принято: 13.03.2025

Пространственное моделирование влияния разработанных передовых производственных технологий на промышленное производство регионов России

Красных Сергей Сергеевич
Канд. экон. наук, науч. сотр.
ORCID: 0000-0002-2692-5656, e-mail: krasnykh.ss@uiec.ru

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Московская ул., 29, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

Целью настоящего исследования является пространственное моделирование влияния разработанных передовых производственных технологий на объемы добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и генерацию электроэнергии в регионах Российской Федерации. Применены модели пространственного лага (SAR) и пространственной ошибки (SEM), а также глобальный и локальный индекс Морана. В качестве исследуемых переменных рассмотрены объемы разработанных передовых производственных технологий, добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и генерации электроэнергии за 2022 г. Обнаружено, что процессы разработки передовых производственных технологий влияют на отрасли обрабатывающей промышленности и генерацию электроэнергии. Анализ коэффициентов пространственной автокорреляции показал, что в процессах разработки передовых производственных технологий, добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и электроэнергии регионы формируют кластеры, а также существует положительная пространственная автокорреляция. Субъекты Российской Федерации классифицированы с помощью локального индекса Морана, который позволил определить полюса роста, кластеры высоких значений, территории, испытывающие на себе влияние данных кластеров, и территории с низким значением разработанных передовых производственных технологий, обрабатывающих производств и генерации электроэнергии. Отрицательное значение коэффициента пространственной автокорреляции в модели SAR показало, что увеличение объема разработанных передовых производственных технологий в одном регионе приводит к снижению их уровня в другом. Это свидетельствует о пространственной неоднородности процессов разработки передовых технологий в регионах страны.

Ключевые слова: разработка передовых производственных технологий, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, генерация электроэнергии, пространственные модели, SAR, Индексы Морана, регионы России

Для цитирования: Красных С.С. Название//Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 90–98. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-90-98

© Красных С.С., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received: 17.01.2025 Revised: 06.03.2025 Accepted: 13.03.2025

Spatial modelling of the impact of developed advanced production technologies on industrial production in Russian regions

Sergey S. Krasnykh
Cand. Sci. (Econ.), Researcher
ORCID: 0000-0002-2692-5656, e-mail: krasnykh.ss@uiec.ru

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29, Moskovskaya ulitsa, Yekaterinburg 620014, Russia

Abstract

The purpose of the study is spatial modeling of the impact of developed advanced production technologies on the volume of mineral extraction, manufacturing industries, and power generation in Russian regions. The SAR and SEM models, as well as global and local Moran index, have been applied. The volumes of developed advanced production technologies, mining, manufacturing industries, and electricity generation for 2022 have been considered as the variables under study. It has been found that the processes of advanced production technologies development affect the manufacturing industries and electricity generation. The spatial autocorrelation coefficients analysis showed that in the processes of developing advanced production technologies, mining, manufacturing, and electricity generation regions form clusters, and there is a positive spatial autocorrelation. Russian regions have been classified using the local Moran index, which allowed us to identify growth poles, high values clusters, territories influenced by these clusters, and territories with a low value of developed advanced production technologies, manufacturing industries, and electricity generation. The negative value of the spatial autocorrelation coefficient in the SAR model showed that an increase in the amount of developed advanced manufacturing technologies in one region leads to a decrease in their level in another one. It indicates spatial heterogeneity of the processes of advanced technologies development in the regions.

Keywords: advanced production technologies development, mining, manufacturing, power generation, spatial models, SAR, Moran index, Russian regions

For citation: Krasnykh S.S. (2025). Spatial modelling of the impact of developed advanced production technologies on industrial production in Russian regions. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (1), pp. 90–98. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-90-98

© Krasnykh S.S., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Глобальная геоэкономическая нестабильность, вызванная коронавирусными ограничениями, а также санкционными ограничениями со стороны западных стран, подчеркивает важность формирования технологического суверенитета для обеспечения устойчивого развития промышленности. Перед Российской Федерацией (далее – РФ, Россия), столкнувшейся с рядом ограничений на импорт технологий и оборудования, встает необходимость активизации собственного научно-технического потенциала и инновационного развития. В этом контексте исследование влияния передовых технологий на промышленное производство регионов страны является актуальным и стратегически значимым.

Передовые производственные технологии представляют собой разработки и технологические процессы, ориентированные на обработку продукции, производство, проектирование, а также на обеспечение организации этих процессов. Эти технологии способствуют социально-экономическому развитию России, а также являются одним из драйверов инновационного развития страны [Фраймович, Быкова, Власенко, 2022; Дежина, 2014]. Введенные западными странами санкционные ограничения направлены в том числе на сокращение импорта технологичной и высокотехнологичной продукции, в связи с чем российской экономике необходимо находить пути замещения и активизации создания передовых производственных технологий для поддержки отраслей промышленности.

Разработка передовых производственных технологий играет ключевую роль в повышении конкурентоспособности и устойчивости экономики. Их внедрение способствует созданию новых рынков и отраслей, росту производительности труда и снижению зависимости от дешевой рабочей силы.

И. Дежина отмечает, что передовые производственные технологии ведут к индивидуализации товаров, снижению зависимости от дешевых трудовых ресурсов и обеспечивают связанность производственных процессов благодаря цифровым технологиям [Дежина, 2014]. В России наблюдается снижение уровня технологической оснащенности экономики. С 2018 г. количество организаций, использующих передовые производственные технологии, сократилось на 22 %. Однако среднее число применяемых технологий на одну организацию увеличилось с 14 до 18. Это указывает на то, что, несмотря на общее снижение числа пользователей таких технологий, компании стремились расширять и углублять их использование в своей деятельности[1]. Для эффективного развития и внедрения прямых производственных технологий необходимо преодолевать такие препятствия, как нехватка квалифицированного персонала и длительный срок окупаемости инвестиций, в связи с чем организации применяют различные стратегии, включая повышение квалификации сотрудников и сотрудничество с научными и образовательными учреждениями, для успешной интеграции передовых технологий в производственные процессы[2].

Разработка передовых технологий приобретает особую значимость в условиях санкционных ограничений, поскольку они существенно влияют на научно-технологическое развитие страны. Санкции ограничивают доступ к современным технологиям и оборудованию, что может замедлить инновационное развитие. Однако эти ограничения также стимулируют внутренние научные исследования и разработки, способствуя технологической независимости [Ленчук, 2022].

В условиях санкций важно развивать собственные наукоемкие технологии и новые отрасли, ранее не характерные для национальной экономики. Это способствует снижению зависимости от внешних поставок и укреплению экономической безопасности[3].

Кроме того, санкции могут оказывать негативное влияние на высокотехнологичные отрасли, требуя дополнительных инвестиций в создание собственных технологий и инфраструктуры. Это подчеркивает необходимость разработки и внедрения передовых технологий для преодоления технологических барьеров и обеспечения устойчивого развития [Шкодинский, Кушнир, Продченко, 2022].

Разработка передовых производственных технологий имеет ключевое значение для обеспечения устойчивого экономического роста, повышения конкурентоспособности и укрепления технологической независимости, особенно в условиях санкционного давления со стороны западных стран. Именно поэтому пространственное моделирование влияния передовых производственных технологий на промышленное производство регионов России приобретает особую актуальность в современных геополитических условиях, поскольку этот метод позволяет учитывать взаимозависимость регионов, выявлять прямые и опосредованные эффекты от внедрения технологий. Применение пространственного подхода особенно важно в выявле-

[1] Высшая школа экономики. Создание и использование передовых производственных технологий. Режим доступа: https://issek.hse.ru/news/697324047.html (дата обращения: 15.01.2025).

[2] Там же.

[3] Сергеев В. Наука вне политики. Профессор Виталий Сергеев – о влиянии санкций на работу ученых в России. Режим доступа: https://iz.ru/783889/vitalii-sergeev/nauka-vne-politiki (дата обращения: 15.01.2025).

нии межрегиональных эффектов, когда технологические достижения одного региона стимулируют развитие соседних территорий. Например, внедрение передовых производственных технологий в экономически развитых регионах, таких как Москва или Санкт-Петербург, может усиливать промышленное производство в прилегающих субъектах за счет роста спроса на промежуточные товары, технологии и услуги.

Материалы и методы исследования / Research materials and methods

В качестве исходных данных представлены объемы разработанных передовых производственных технологий (ед.), добычи полезных ископаемых (млн руб.), обрабатывающих производств (млн руб.), генерации электроэнергии (млн руб.) за 2022 г. Данные использованы на основе статистического сборника «Регионы России: социально-экономические показатели 2023»[4].

На начальном этапе исследования планируется провести пространственный авторегрессионный анализ по методике Морана для показателей количества разработанных передовых производственных технологий, объемов добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и генерации электроэнергии. В качестве матрицы пространственных весов будет использоваться матрица линейных расстояний среди всех регионов России. Этот анализ позволит определить тип пространственных взаимодействий между регионами, выделяя следующие типы: случайное либо дисперсионное распределение и кластеризацию. При оценке глобального индекса Морана рассматриваются p- и z- значения. Если p-значение больше 0,10, а z-значение находится в пределах от 1,65 до 1,65, то пространственные отношения между регионами считаются случайными. Если p-значение меньше 0,10, а z-значение – ниже 1,65, то пространственные взаимоотношения являются дисперсными. В случае, когда p-значение также меньше 0,10, а z-значение – выше 1,65, регионы образуют кластеры.

Также интерпретируется значение самого индекса Морана. Если глобальный индекс Морана больше нуля, это свидетельствует о наличии положительной пространственной автокорреляции. Регионы с высокими значениями переменной склонны располагаться рядом с другими субъектами с высокими значениями, а регионы с низкими значениями переменной – с соседними субъектами с низкими значениями. Это может указывать на существование кластеров, где развитые регионы сосредоточены в одних областях, а менее развитые – в других. Если индекс Морана меньше нуля, это говорит о наличии отрицательной пространственной автокорреляции. В этом случае регионы с высокими значениями переменной располагаются рядом с субъектами с низкими. Если глобальный индекс Морана близок к нулю, это означает, что пространственная автокорреляция отсутствует или минимальна. Это свидетельствует о случайном распределении значений переменной, когда нет ярко выраженных пространственных зависимостей и регионы не образуют устойчивых кластеров или полюсов роста.

Этот индекс рассчитывается по формуле (1):

$$I_G = \frac{\sum_i \sum_j w_{ij}(x_i - \overline{x})(x_j - \overline{x})}{\frac{1}{n}\sum_i (x_i - \overline{x})^2 \sum_i \sum_j w_{ij}}, \quad (1)$$

где, w_{ij} – элемент матрицы весов W, x_i – исследуемый показатель региона I, n – общее число регионов [Moran, 1948].

На следующем этапе исследования планируется построение пространственных моделей SAR (2) и SEM (3) для оценки пространственных эффектов:

$$V_{it} = \alpha + \rho W(V_{it}) + \beta_1 DPI_{it} + \beta_2 OP_{it} + \beta_3 (EE_{it}) + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

$$V_{it} = \alpha + \beta_1 DPI_{it} + \beta_2 OP_{it} + \beta_3 (EE_{it}) + \lambda W u_{it} + \gamma_t + \mu_i + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где V_{it} – объем разработанных в регионах передовых производственных технологий, ед., WV_{it} – пространственно взвешенные значения количества разработанных в регионах передовых производственных технологий, DPI – объем добычи полезных ископаемых, млн руб., OP – объем обрабатывающих производств, млн руб., EE – объем генерации электроэнергии, млн руб., α – совокупность прочих факторов, влияющих на объем разработанных технологий, β – коэффициент эластичности по факторам регрессионной модели, ρ – коэффициент пространственной авторегрессии, λ – вектор не зависящих от времени индивидуальных пространственно зависимых специфических эффектов, μ_t – индивидуальный эффект региона i, не зависящий от времени t, γ_t – временные эффекты для региона i в момент времени t, ε_{it} – нормально распределенные случайные величины по времени t и территориям i.

Используя модель пространственного лага (SAR), можно оценить влияние факторов на развитие передовых технологий с учетом пространственных эффектов, возникающих из-за воздействия соседних регионов, также разрабатывающих эти технологии. Модель пространственной ошибки позволяет учесть влияние пространственных факторов на зависимую

[4] Федеральная служба государственной статистики. Регионы России: Социально-экономические показатели 2023. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 05.12.2024)

переменную, которое может быть не учтено в модели из-за пропущенных переменных или несовершенных спецификаций.

Заключительным этапом исследования является анализ локальных индексов Морана с целью определения межрегиональных взаимоотношений в территориальных системах. Расчет локальных индексов Морана производится по следующей формуле (4):

$$I_{Li} = N \cdot \frac{(x_i - \overline{x}) \cdot \sum_i w_{ij}(x_j - \overline{x})}{\sum_i (x_i - \overline{x})^2}. \quad (4)$$

Интерпретация локальных индексов Морана позволяет анализировать пространственные взаимодействия между регионами, выявляя кластеры и полюса роста. Локальные индексы Морана используют информацию о пространственной автокорреляции, которая показывает насколько значения переменной в одном регионе схожи или противоположны значениям соседних регионов.

В ходе интерпретации результатов можно получить следующие типы территориальных систем.

1. Кластер высоких значений (HH) – регионы, в которых значения исследуемой переменной высоки (соседние регионы также имеют высокие значения). Такие субъекты могут быть центрами концентрации, например, передовых производственных технологий, что свидетельствует о развитии инновационной и производственной деятельности.

2. Кластер низких значений (LL) – регионы с низкими значениями исследуемой переменной, окруженные соседними субъектами с аналогичными характеристиками. Это может указывать на отсталость региона, например, в промышленном производстве или разработке передовых производственных технологий.

3. Полюса роста (HL) – территории с высокими значениями исследуемой переменной, окруженные регионами с низкими значениями. Это может обозначать субъекты, выступающие в роли драйверов экономического роста и инноваций, оказывающие влияние на соседние регионы, тем самым способствуя их развитию.

4. Зоны влияния кластеров высоких значений (LH) – регионы с низкими значениями исследуемой переменной, которые находятся вблизи территорий с высокими значениями. Эти субъекты могут испытывать влияние соседних развитых территорий, что может способствовать их постепенному улучшению и развитию.

Автокорреляционный анализ по методике Морана поможет выявить пространственные кластеры и определить межрегиональные взаимодействия в процессе разработки и применения передовых производственных технологий. Данный методический подход позволит определить отрасли промышленности, получающие наибольший вклад от разработанных передовых производственных технологий, а также оценить существующие пространственные эффекты в данных процессах.

Модели пространственного лага (SAR) и пространственной ошибки (SEM) / Spatial Autoregressive Model (SAR) and Spatial Error Model (SEM)

Проведем анализ глобального индекса Морана для следующих переменных: количество разработанных передовых производственных технологий, объем добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и генерации электроэнергии (табл. 1).

Таблица 1

Пространственная автокорреляция по методу Морана

Table 1. Spatial autocorrelation by Moran's method

Переменная	Индекс Морана	z-оценка	p-значение
Разработанные передовые производственные технологии	0,336982	9,273420	0,000000
Добыча полезных ископаемых	0,060663	1,872808	0,061095
Обрабатывающие производства	0,507146	13,736191	0,000000
Генерация электроэнергии	0,402837	11,043378	0,000000

Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Все четыре модели подтверждают наличие пространственных взаимосвязей между исследуемыми объектами, а значения индекса Морана, z-оценки и p-значения позволяют охарактеризовать, что в данной территориальной системе регионы объединяются в кластеры, а также существует положительная пространственная автокорреляция.

Учитывая наличие пространственных взаимосвязей между переменными, следующим этапом предложенного методического подхода является построение моделей с пространственным лагом и с пространственной ошибкой (табл. 2).

В модель SAR вводилась переменная (коэффициент пространственной автокорреляции), которая соответствует пространственному лагу зависимой переменной, а в модель SEM – переменная λ, вектор не зависящих от времени индивидуальных пространственных эффектов. Выбор наилучшей модели проверяется с помощью теста множителей Лагранжа [Baltagi, Song, Koh, 2003]. В данном случае, учитывая значения ρ и λ, наиболее подходящая модель – это модель с пространственным лагом. В полученной модели высокий коэффициент детерминации (0,91), отсутствуют

Таблица 2

Результаты построения SAR- и SEM-моделей

Table 2. SAR and SEM models construction results

Модель с пространственным лагом (SAR)				
Переменная	**Коэффициент**	**Стандартная ошибка**	**z-значение**	**p-значение**
W_Vit (ρ)	– 0,297431	0,179011	– 1,661520	0,09661
CONSTANT	– 3,30802	5,89231	– 0,561413	0,57452
DPI	– 9,96996e-07	3,05225e-06	– 0,326643	0,74394
OP	6,33815e-05	5,16158e-06	12,279500	0,00000
EE	– 0,000108224	6,49631e-05	– 1,665930	0,09573
Диагностика регрессии				
Тест	**Значение**	**Тест**	**Значение**	
R-квадрат	0,919331	Логарифм правдоподобия	– 399,981000	
Сигма-квадрат	467,147000	Критерий Акаике	809,961000	
Стандартные ошибки регрессии	21,613600	Критерий Шварца	822,404000	
Модель с пространственной ошибкой (SEM)				
Переменная	**Коэффициент**	**Стандартная ошибка**	**z-значение**	**p-значение**
CONSTANT	– 11,775700	2,957990	– 3,980970	0,00007
DPI	– 1,39368e-06	3,09839e-06	– 0,449810	0,65285
OP	6,2086e-05	5,17262e-06	12,002800	0,00000
EE	– 9,04681e-05	6,48923e-05	– 1,394130	0,16328
λ	0,0438697	0,324834	0,135052	0,89257
Диагностика регрессии				
Тест	**Значение**	**Тест**	**Значение**	
R-квадрат	0,916946	Логарифм правдоподобия	– 401,111454	
Сигма-квадрат	480,954000	Критерий Акаике	810,223000	
Стандартные ошибки регрессии	21,930700	Критерий Шварца	820,177000	
Общие тесты				
Тест	**Значение**	**Тест**	**Значение**	
Тест Харке-Бера	0,003620	Тест Вайта	0,000000	
Тест Бройша-Пэгана	0,000000	VIF	7,084928	

Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

гетероскедастичность и мультиколлинеарность, ошибки распределены нормально.

Интерпретируя модель с пространственным лагом, можно заключить, что процессы разработки передовых производственных технологий оказывают негативное влияние на отрасли обрабатывающей промышленности и генерацию электроэнергии. С учетом значимости коэффициента пространственной автокорреляции в модели SAR и его отрицательного значения можно сделать вывод о том, что изменения в одном регионе приводят к отрицательному воздействию на соседние. Иными словами, увеличение количества разработанных передовых технологий в одном субъекте сопровождается снижением их разработки в других регионах, что может свидетельствовать о росте пространственной неоднородности в этих процессах.

Анализ локальных индексов Морана / Analysis of Local Moran indices

Следующим этапом реализации методического подхода является анализ локальных индексов Морана для ключевых переменных, таких как количество разработанных передовых производственных технологий, объем обрабатывающих производств и генерации электроэнергии. Этот анализ позволит выявить кластеры с высокими и низкими значениями исследуемых показателей, а также полюса роста.

Полученные типы регионов в результате интерпретации локальных индексов Морана представлены на рис. 1.

Локальные индексы Морана для показателя объема обрабатывающих производств представлены на рис. 2.

Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Рис. 1. Локальный индекс Морана по показателю разработанных передовых производственных технологий
Fig. 1. Local Moran index by developed advanced production technologies indicator

Анализ полученных индексов позволил выделить кластер высоких значений, включающий Москву и Санкт-Петербург, а также Ленинградскую, Московскую, Ростовскую, Самарскую, Свердловскую, Тюменскую, Челябинскую, Архангельскую, Белгородскую области, Пермский край и Республику Башкортостан. Моделирование выявило следующие полюса роста: Краснодарский и Красноярский край, Новосибирскую область, а также Республики Дагестан и Татарстан. Определены зоны влияния кластеров высоких значений (изображены синим на карте) и низких значений (отмечены белым). Территории, входящие в кластер высоких значений, характеризуются высоким уровнем промышленного производства и развитой научно-технологичной инфраструктурой, что способствует внедрению передовых производственных технологий. Полюса роста также обладают значительным производственным и научно-технологическим потенциалом, однако для более эффективной разработки передовых технологий требуется реализация программ, направленных на их развитие, а также внимание со стороны властей для раскрытия потенциала этих территориальных систем.

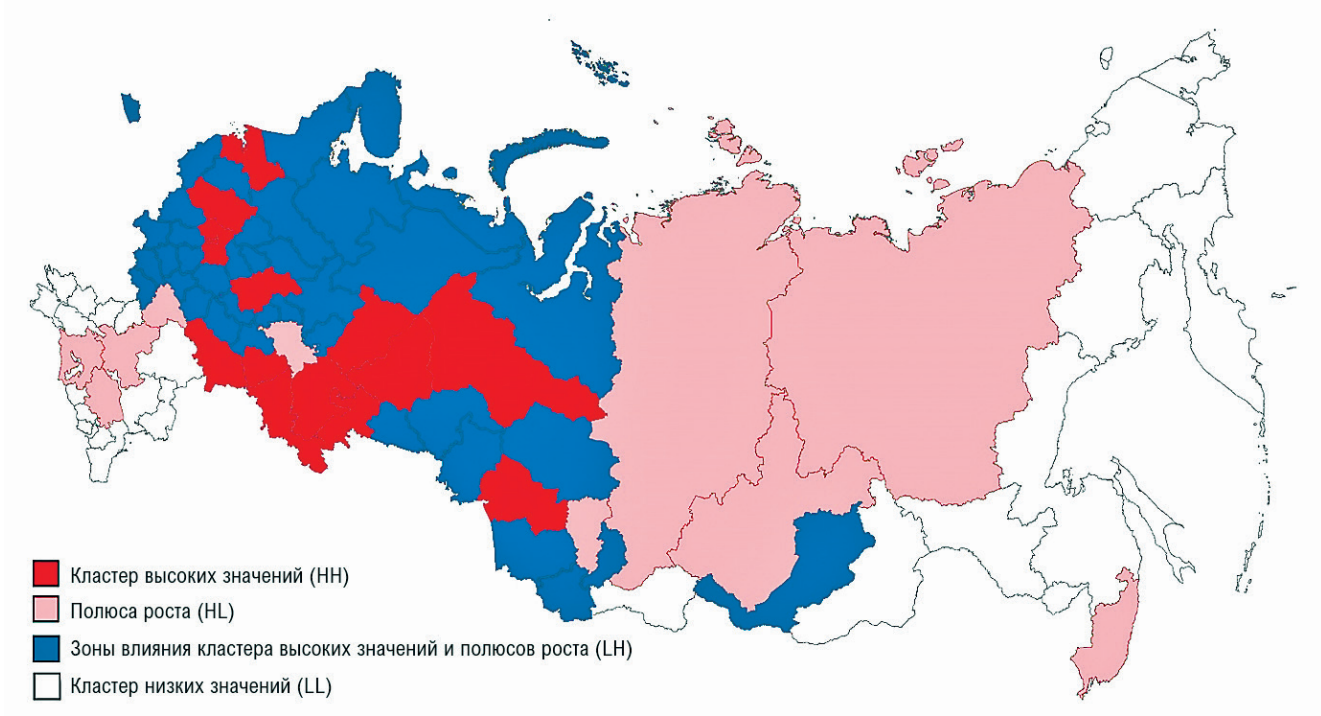
Полученные виды территориальных систем похожи на предыдущие, однако в кластер высоких значений стали входить Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Татарстан, Нижегородская, Вологодская, Воронежская, Калужская, Липецкая, Мурманская и Тульская области. Увеличение количества территорий в кластере свидетельствует о высоком уровне обрабатывающих производств в данных регионах. Полюса роста по этому показателю представлены в Новосибирской, Кемеровской областях, а также Краснодарском и Красноярском краях. Данные территории обладают сравнительно высоким уровнем обрабатывающих производств, однако необходимо более активное внедрение передовых производственных технологий с целью увеличения выпуска и обработки продукции.

Рассмотрены локальные индексы Морана для показателей генерации электроэнергии (рис. 3).

Анализ локальных индексов Морана по показателю генерации электроэнергии показывает те же самые ядра кластеров высоких значений, что и в предыдущих моделях, находящихся в Москве, Санкт-Петербурге и на Урале. Данные ядра соотносятся с регионами, в которых сконцентрировано более половины научно-исследовательских организаций

Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Рис. 2. Локальный индекс Морана по показателю обрабатывающих производств
Fig. 2. Local Moran index by manufacturing industries indicator



Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Рис. 3. Локальный индекс Морана по показателю генерации электроэнергии
Fig. 3. Local Moran index by electricity generation performance indicator

России и разрабатываются передовые производственные технологии, а также которые являются основными центрами использования данных технологий [Наумов, Красных, 2023]. Полюса роста преимущественно сосредоточены в Сибири и на юге России, что объясняется большим количеством

гидроэлектростанций, находящихся в Якутии, Иркутской и Кемеровской областях, а также теплоэлектростанций в Ростовской области и Краснодарском крае, что необходимо для развития обрабатывающей и добывающей промышленности.

Заключение / Conclusion

Проведенный анализ с использованием глобального и локальных индексов Морана, а также моделей SAR и SEM позволил выявить пространственные закономерности в развитии промышленного производства и разработке передовых технологий в России. Глобальный индекс Морана подтвердил наличие пространственных взаимосвязей между регионами, что свидетельствует о формировании устойчивых территориальных кластеров. Модель с пространственным лагом (SAR) продемонстрировала, что развитие передовых производственных технологий оказывает существенное влияние на обрабатывающую промышленность и генерацию электроэнергии. Однако отрицательное значение коэффициента ρ указывает на следующую тенденцию: увеличение количества разработанных технологий в одном регионе сопровождается их снижением в соседних, что усиливает пространственную неоднородность и может создавать диспропорции в развитии территорий.

Анализ локальных индексов Морана позволил выделить четыре типа территориальных образований: кластеры высоких значений, сосредоточенные преимущественно в европейской части России (Москва, Санкт-Петербург, регионы Большого Урала), полюса роста, расположенные в Сибири и на юге страны, а также территории-зоны влияния кластера высоких значений, полюсов роста и кластеры низких значений исследуемых показателей. Регионы-лидеры характеризуются развитой научно-технологической инфраструктурой и высоким уровнем промышленного производства. Выявленные полюса роста обладают значительным потенциалом развития, но требуют дополнительной поддержки для реализации имеющихся возможностей. Для преодоления пространственной неоднородности и обеспечения технологического суверенитета необходима сбалансированная региональная политика, направленная как на поддержку уже существующих центров развития, так и на стимулирование новых полюсов роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дежина И. Передовые производственные технологии: место России. Экономическое развитие России. 2014;2(22):47–53.

Ленчук Е.Б. Научно-технологическое развитие России в условиях санкционного давления. ЭВР. 2022;3(73):52–60. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-3-73-52-60

Наумов И.В., Красных С.С. Пространственное моделирование влияния научно-исследовательского потенциала на динамику научно-технологического развития регионов России. Journal of Applied Economic Research. 2023;3(22):630–656. https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.3.026

Фраймович Д.Ю., Быкова М.Л., Власенко К.А. Значение передовых производственных технологий в социально-экономическом развитии Российской Федерации. Вестник Тверского государственного университета. Экономика и управление. 2022;3(59):54–62. https://doi.org/10.26456/2219-1453/2022.3.054-062

Шкодинский С.В., Кушнир А.М., Продченко И.А. Влияние санкций на технологический суверенитет России. Проблемы рыночной экономики. 2022;2:75–96. https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-2-75-96

Baltagi B.H., Song S.H., Koh W. Testing panel data regression models with spatial error correlation. Journal of Econometrics. 2003;1(117):123–150.

Moran P. The Interpretation of Statistical Maps. Journal of the Royal Statistical Society. 1948;10:243–251.

REFERENCES

Baltagi B.H., Song S.H., Koh W. Testing panel data regression models with spatial error correlation. Journal of Econometrics. 2003;1(117):123–150.

Dezhina I. Advanced production technologies: the place of Russia. Russian Economic Development. 2014;2(22):47–53. (In Russian).

Fraymovich D.Yu., Bykova M.L., Vlasenko K.A. The importance of advanced production technologies in the socio-economic development of the Russian Federation. Vestnik Tver State University. Economics and Management. 2022;3(59):54–62. (In Russian). https://doi.org/10.26456/2219-1453/2022.3.054-062

Lenchuk E.B. Scientific and technological development in Russia under sanctions pressure. EVR. 2022;3(73):52–60. (In Russian). https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-3-73-52-60

Moran P. The Interpretation of Statistical Maps. Journal of the Royal Statistical Society. 1948;10:243–251.

Naumov I.V., Krasnykh S.S. Spatial modeling of the impact of R&D potential on the dynamics of scientific and technological development of Russian regions. Journal of Applied Economic Research. 2023;3(22):630–656. (In Russian). https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.3.026

Shkodinsky S.V., Kushnir A.M., Prodchenko I.A. The impact of sanctions on Russia's technological sovereignty. Problems of market economy. 2022;2:75–96. (In Russian). https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-2-75-96

УДК 332.1 JEL R11, I30, R58 DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-1-99-112
Получено: 02.11.2024 Статья доработана после рецензирования: 22.01.2025 Принято: 29.01.2025

О развитии городов Арктической зоны как опорных центров пространственного развития северо-западных регионов Российской Федерации

Морошкина Марина Валерьевна

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: 0000-0001-6520-4248, e-mail: maribel74@mail.ru

Поташева Ольга Вячеславовна

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: 0000-0001-9599-6370, e-mail: ovpotash79@gmail.com

Институт экономики карельского научного центра Российской академии наук, 185030, А. Невского пр-т, 50, г. Петрозаводск, Россия

Аннотация

Вопросы социально-экономического развития в разрезе городских и муниципальных образований являются важной стратегической задачей государственного управления. Изучение северных городских поселений и оценка тенденций их социально-экономического развития выступает актуальным направлением исследования действующих и разрабатываемых мер государственной поддержки на федеральном и региональном уровнях. Цель настоящего исследования заключается в выявлении эффективных инструментов оценки показателей развития арктических городов, а также определении направлений и тенденций развития в соответствии с национальными стратегическими задачами и приоритетами в вопросах развития Арктического макрорегиона. Информационной исследовательской базой выступают данные Федеральной службы государственной статистики и показатели независимой оценки качества условий предоставления социальных услуг. С методической точки зрения для выявления пространственных особенностей социально-экономического развития городов проведена оценка демографической характеристики, миграционных показателей и результатов независимой оценки качества. Определены типологические группы по численности населения городских поселений, выявлены миграционные характеристики исследуемых городов, выполнен сравнительный анализ условий предоставления социальных услуг населению по отраслям социальной сферы. Полученные результаты могут быть основой для управления и координации программ комплексного развития арктических территорий и их влияния на пространственное развитие страны в целом.

Ключевые слова: Арктическая зона, город, численность населения, миграция, независимая оценка, инфраструктура, макрорегион, пространственное развитие

Благодарности. Статья подготовлена в рамках темы № 122032200200-2 «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов» государственного задания Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук (FMEN-2022-0001).

Для цитирования: Морошкина М.В., Поташева О.В. О развитии городов Арктической зоны как опорных центров пространственного развития северо-западных регионов Российской Федерации//Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 99–112. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-99-112

© Морошкина М.В., Поташева О.В., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received: 02.11.2024 Revised: 22.01.2025 Accepted: 29.01.2025

On development of the Arctic zone cities as reference centers of spatial development of the Russian Northwestern regions

Marina V. Moroshkina
Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
ORCID: 0000-0001-6520-4248, e-mail: maribel74@mail.ru

Olga V. Potasheva
Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
ORCID: 0000-0001-9599-6370, e-mail: ovpotash79@gmail.com

Institute of Economy of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 50, A. Nevskogo prospekt, Petrozavodsk 185030, Russia

Abstract

The issues of social and economic development in the context of urban and municipal formations are an important strategic task of public administration. The study of northern urban settlements and trends assessment in their social and economic development is a relevant area of study of existing and developing measures of state support at the federal and regional levels. The purpose of the study is to identify effective tools for assessing the Arctic cities development indicators, as well as to determine directions and trends in accordance with the national strategic objectives and priorities in the Arctic macroregion development. The information research base is the data of the Federal State Statistics Service and indicators of independent assessment of the conditions quality for social services provision. From the methodological point of view, demographic characteristics, migration indicators, and the independent quality assessment results have been assessed to identify the spatial features of social and economic development of cities. The typological groups by population size of urban settlements have been determined. Migration characteristics of the cities under study have been revealed. A comparative analysis of the conditions for social services provision to the population by branches of the social sphere has been carried out. The obtained results can be the basis for managing and coordinating integrated development programs for the Arctic territories and their impact on the country's spatial development as a whole.

Keywords: Arctic zone, city, population size, migration, independent assessment, infrastructure, macroregion, spatial development

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state assignment project No. 122032200200-2 "Comprehensive research and development of the basis for sustainable development management of the Northern and border belt of Russia in the context of global challenges" of the Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (FMEN-2022-0001).

For citation: Moroshkina M.V., Potasheva O.V. (2025). On development of the Arctic zone cities as reference centers of spatial development of the Russian Northwestern regions. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (1), pp. 99–112. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-99-112

© Moroshkina M.V., Potasheva O.V., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Формирование северных населенных территорий характеризуется различиями в факторах и последствиях, влияющих на показатели их современного развития. Различаются и основные подходы к оценке, позволяющие определить их социально-экономическое значение в пространственном развитии страны. Северные арктические поселения Российской Федерации (далее – РФ, Россия) представляют собой намеренно созданные территории сельского и городского проживания, которые основаны в разное время советского периода XX в. С одной стороны, период основания и особенности организации территориальной структуры проявляются в очевидной сложности их адаптации к условиям экономики России рыночного типа [Пилясов, 2015]. Городские поселения, имеющие северное расположение, характеризуются высоким уровнем удаленности от экономических центров деловой активности, обладают сложившейся монопрофильностью экономики, что оказывает существенное воздействие на текущие показатели экономического развития. С другой стороны, в северных городах концентрируются предприятия и организации по разработке специализированных технологий освоения природных ресурсов Арктики; одновременно они выступают центрами подготовки кадров и предоставления социальных услуг для населения.

В результате действовавшей «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» выделены приоритетные позиции социально-экономического развития и наиболее значимые направления для разработки стратегий и планов макрорегионов, задач по их реализации. В рамках стратегического планирования на текущий момент уже закреплены в нормативно-правовой базе и федеральной пространственной политике задачи по развитию Арктической территории, ведется работа по введению новой стратегии пространственного развития России на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. С 2023 г. определены городские поселения Арктической зоны, которые рассматриваются как центры притяжения человеческого потенциала и входят в Единый перечень опорных населенных пунктов, в статусе центров предоставления социальных услуг и территорий реализации крупных инвестиционных проектов. Таким образом, с позиции территориального управления выделенным опорным городам в будущем отводится ключевая роль в качестве основы пространственного развития России.

Сегодня оказывается проектная поддержка исследованиям Арктики. Значительное количество их направлений прямо или косвенно связаны с вопросами заселения и освоения природных ресурсов арктических территорий. В рамках настоящего исследования анализируются процессы социально-экономического развития городских поселений арктических территории и оценивается уровень их неоднородности. Неравномерность наблюдается по значительному количеству социальных и экономических показателей [Морошкина, Поташева, Гиенко, 2023]. Интерес представляют взаимовлияние показателей, результат их отражения на уровне развития территории. Уровень развития территорий определяется индикаторами, которые формируются в зависимости от количества процессов и факторов. К ним относятся специализация экономики, ресурсная обеспеченность, наличие производственных мощностей, количественные и качественные характеристики трудовых ресурсов и т.д. Совокупное воздействие этих факторов оказывает влияние на показатели устойчивости экономического роста территории и определяет тенденции жизнеспособности территорий на ближайшую перспективу.

Объектом исследования выступают городские поселения Северо-Западного федерального округа, имеющие северный и арктический статус. Города Республики Карелия, Республики Коми, Архангельской и Мурманской областей выбраны для анализа результатов и обоснования выводов по показателям работы.

Целью настоящего исследования является определение управленческих инструментов развития городских поселений арктического статуса, направлений и тенденций социально-экономического развития в соответствии с национальными стратегическими задачами и приоритетами в вопросах развития Арктического макрорегиона. Важной задачей в развитии арктических территорий и городских поселений выступает возможность учета условий и целей разработки стратегии развития макрорегиона, которая заключается в «переосвоении» Арктики, размещении объектов отраслей социальной сферы и повышении качества жизни [Лексин, Порфирьев, 2019].

Подходы и инструменты региональной науки / Regional science approaches and tools

Изучение арктических городских поселений в современных условиях является актуальным направлением в рыночной экономике и представляет высокий уровень значимости [Пилясов, Путилова, 2020]. Современная региональная наука располагает большим арсеналом подходов и инструментов, направленных на исследование развития арктических городов. Важным направлением выступают показатели социального и экономического характера, которые рассматриваются в работе Н.Ю. Замятиной и соавторов [Замятина, Медведков, Поляченко, Шамало, 2020].

Представленная авторами попытка комплексного анализа на основе интегральных показателей позволила создать модель оценки жизнестойкости арктических городов. Исследователи приходят к выводу о том, что для экономического роста городов арктического типа определяются процессы, тормозящие их экономическое развитие по многим основаниям: высокие издержки на повседневное функционирование города в суровых климатических условиях, развитие городской экономики сдерживаются узостью рынка, обусловленной удаленностью от других крупных центров.

Процесс исследования социально-экономического развития территория с позиции воздействия географического фактора приобретает в современных условиях особую актуальность [Зайков, Кондратов, Кудряшова, Липина, Чистобаев, 2019]. В поле изучения попадают территории российского Севера, рассмотренные по показателям экономического развития в работах С.В. Лаженцева [Лаженцев, 2020]. В научных трудах В.В. Фаузера, А.В. Смирнова, Г.Н. Фаузера отмечается: «... основной каркас заселенности территории составляют поселки городского типа, малые и средние города, именно они сглаживают неравномерность и разреженность расселения, повышают связность поселений; однако несмотря на важность сохранения и развития поселков городского типа, малых и средних городов наметились тенденции сокращения их количества и средней людности, концентрации городского населения в больших и крупных городах...» [Фаузер, Смирнов, Фаузер, 2021, с. 564]. Тенденции сокращения численности и концентрации населения приводят к формированию и функционированию вахтового метода организации труда, сети опорных поселений, центров развития арктического пространства, которые признаются обоснованными и представляют собой современный подход к изучению расселения Арктики [Фаузер, Смирнов, Лыткина, Фаузер, 2022].

На примере городов Республики Коми ученые проанализировали процесс сокращения численности населения и его влияния на развитие северных городов по интегральным показателям социальной и экономической ситуации, сложившейся в период 1989–2012 гг. [Антонов, Денисов, Ефремова, Фаддеев, 2014]. М.С. Гунько, Ю.А. Еременко, Е.Ю. Батунова предлагают количественный критерий при анализе сжимающихся городов со снижением численности населения на 25 % и более (с 1989 г.), что соответствует примерно 1 % в год [Гунько, Еременко, Батунова, 2020].

Сравнительный анализ России со странами мирового сообщества определяет особенность государства: «...вырабатывая самый большой валовой продукт в Арктике, Россия отстает в показателях подушевого валового внутреннего продукта, уровне развития человеческого капитала и диверсификации ресурсов от других стран арктических регионов» [Мартьянов, 2013, с. 126]. Исследование городских поселений и индикаторов их развития показывает, что важную роль в развитии территории играют показатели, связанные с привлечением и созданием человеческого потенциала [Морошкина, 2023]. Фоновыми факторами, определяющими процессы формирования и привлечения человеческого капитала, исследователи принимают различные экономические факторы, в том числе социальные (уровень развития инфраструктуры социальной сферы – культуры и образования).

Оценка численности городского населения Арктической зоны / Estimating urban population of the Arctic zone

Важной исследовательской задачей является изучение северных территорий с использованием демографических показателей, которые раскрывают одну из важнейших сторон развития – социальную [Фаузер, Лыткина, Смирнов, 2018]. Показатель численности городского населения Арктической зоны позволяет определить тенденции развития ряда динамики, а также провести взаимосвязи с реализуемыми механизмами государственного и муниципального управления в разрезе направления, определяющего уровень активности населения, а именно степень участия граждан в формировании и совершенствовании условий предоставления услуг и их качественных характеристик.

В объект исследования попадают городские поселения Северо-Западного федерального округа арктического статуса (табл. 1): Архангельская область – Архангельск, Северодвинск, Новодвинск, Республика Коми – Воркута, Инта, Усинск, Мурманская область – Мурманск, Апатиты, Кировск, Мончегорск, Оленегорск, Полярные Зори, Костомукшский городской округ (далее ГО) – Республика Карелия.

Полученные результаты сравнительного анализа рядов данных за период 2016–2023 гг. проявили особенности динамики показателя. Наблюдается высокий уровень различия в разрезе городов Арктической зоны по рассматриваемому показателю. Динамика изменения численности населения характеризуется различными тенденциями в разрезе городских поселений и сменой динамики показателя в разные временные периоды. Отмечено сокращение численности населения в большинстве рассматриваемых городов субъектов Арктической зоны Северо-Западного округа. Особенного внимания заслуживает определение тенденции изменения численности населения с позиции роли города как административного центра региона. Так, Архангельск и Мурманск как арктические столицы

Таблица 1

Демографическая характеристика городов Арктической зоны в субъектах Северо-Западного федерального округа

Table 1. Arctic cities demographics in the constituent entities of the North-West Federal District

Города Арктической зоны РФ		Год создания	Численность населения, чел.							
			2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Архангельская область	Архангельск	1583	351 226	351 488	349 742	348 343	346 979	344 927	342 164	298 617
	Новодвинск	1936	38 906	38 735	38 434	38 082	37 699	37 256	36 832	32 826
	Северодвинск	1936	186 138	185 042	184 280	183 284	182 970	181 768	180 668	156 731
Республика Коми	Воркута	1936	80 970	79 593	76 856	74 312	72 681	71 984	70 849	67 410
	Инта	1942	28 047	27 334	26 510	25 948	25 180	24 752	24 211	19 947
	Усинск	1966	40 239	40 014	39 566	39 211	38 294	38 328	37 899	32 062
Мурманская область	Мурманск	1916	301 572	298 096	295 374	292 465	287 847	282 851	279 064	267 422
	Апатиты	1926	56 730	56 356	55 713	55 201	54 667	53 847	52 762	48 748
	Кировск	1929	26 971	26 687	26 581	26 206	26 020	25 944	25 586	24 271
	Мончегорск	1935	42 893	42 581	42 099	41 482	41 145	40 675	40 425	39 477
	Оленегорск	1949	21 097	21 039	20 847	20 697	20 364	19 887	19 533	20 875
	Полярные Зори	1968	14 853	14 794	14 644	14 421	14 389	14 196	14 209	14 078
Республика Карелия	Костомукшский ГО	1977	29 511	29 526	29 381	29 367	29 634	29 778	29 739	25 928

Составлено авторами по материалам источника[1] / *Compiled by the authors on the materials of the source[1]*

имеют самые высокие значения численности населения. В то же время 8 малых городов с численностью населения менее 50 тыс. жителей представляют собой опорные центры расселения и занятости. Убыль городского населения проявляется в наибольшей степени после завершения пандемии COVID-19 с 2020 г.[1]

Исследование другого демографического показателя – миграции населения из арктических городов – проводилось на основании рассмотрения типологических групп по численности населения. На основе собранных динамических рядов данных выделено три группы северных городов, которые различались по значению показателя численности населения в 2023 г. (табл. 2).

Отдельного внимания заслуживает оценка темпов прироста численности населения, рассмотренная в разрезе различных временных интервалов и типов городских поселений. Расчет показателя проводится по формуле, которая позволяет оценить динамику прироста численности населения, рассматривая разные временные интервалы:

$$population_i^{growth\ rate} = \frac{population_i^{final_value}}{population_i^{final_value}}, \qquad (1)$$

где $population_i^{growth\ rate}$ – темп прироста показателя численности населения i-ого городского поселения, $population_i^{final\ value}$ – конечное значение в рассматриваемом временном интервале показателя численности населения i-ого городского поселения (значения показателя определяются для 2020 г. и 2023 г.), $population_i^{initial\ value}$ – начальное значение в рассматриваемом временном интервале показателя численности населения i-ого городского поселения (значения показателя определяются для 2016 г. и 2020 г.).

Полученные результаты расчетов темпов прироста населения позволили сформулировать следующие выводы:

• города Арктической зоны субъектов Северо-Западного федерального округа можно распределить по трем типологическим группам в зависимости от численности населения: первая группа – население более 150 тыс. чел., вторая – от 50 до 150 тыс. чел., третья – менее 50 тыс. чел.;

• наибольшая убыль населения в период 2016–2023 гг. наблюдается в городах Мурманской (Апатиты) и Архангельской (Новодвинск) областях;

• единственным случаем положительного прироста населения является Костомукшский ГО Республики Карелия, темп прироста в 2020 г. по отношению к 2016 г. составил 0,4 %.

[1] Федеральная служба государственной статистики. Оценка численности постоянного населения сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok_75_Calendar1_2024.xlsx (дата обращения: 30.10.2024).

Таблица 2

Изменение численности постоянного населения в городах Арктической зоны субъектов Северо-Западного федерального округа

Table 2. Dynamics of resident population in the Arctic zone cities in the constituent entities of the North-West Federal District

Классификация городских поселений по численности населения, 2023 г.		Темп прироста численности населения по 2016/2020 гг.	Темп прироста численности населения по 2020/2023 гг.	Темп прироста численности населения по 2016/2023 гг.
Свыше 150 тыс. чел.	Архангельск	– 1,2	– 13,9	– 15,0
	Мурманск	– 4,6	– 12,9	– 15,6
	Северодвинск	– 1,7	– 14,3	– 15,8
От 50 до 150 тыс. чел.	Воркута	– 10,2	– 7,3	– 16,7
	Апатиты	– 3,6	– 20,8	– 28,9
Менее 50 тыс. чел.	Новодвинск	– 3,1	– 16,3	– 20,3
	Инта	– 10,2	– 7,1	– 11,3
	Усинск	– 4,8	– 10,8	– 14,1
	Кировск	– 3,5	– 6,7	– 10,0
	Мончегорск	– 4,1	– 4,1	– 8,0
	Оленегорск	– 3,5	2,5	– 1,1
	Полярные Зори	– 4	– 2,2	– 5,2
	Костомукшский ГО	0,4	– 12,5	– 12,1

Составлено авторами по материалам источника[2] / *Compiled by the authors on the materials of the source*[2]

Миграционное поведение населения / Migration behavior of the population

Характерными особенностями северных городов является высокий уровень монопрофильности градообразующего производства, что уходит своими корнями в советский период и не обладает высоким уровнем рентабельности в современных экономических условиях. Северные города, сохранившие советский индустриальный формат, оказались лишенными механизмов диверсификации основных сфер производственной деятельности. В результате проявления наследия прошлого в разрезе городов Арктической зоны субъектов Северо-Западного федерального округа возможным вариантом развития и адаптации к сложившимся рыночным условиям стал процесс миграции трудовых ресурсов в более благоприятные для жизни регионы России.

Поколенческие группы населения по-разному определяют приоритеты в рамках трудовой деятельности. Проблемы занятости для молодого поколения определяются уровнем заработанной платы и предоставляемых условий труда, которые решаются при помощи оттока

[2] Федеральная служба государственной статистики. Оценка численности постоянного населения сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok_75_Calendar1_2024.xlsx (дата обращения: 30.10.2024).

Таблица 3

Миграционная характеристика городов Арктической зоны субъектов Северо-Западного федерального округа

Table 3. Arctic cities migration characteristics in the constituent entities of the North-West Federal District

Города Арктической зоны РФ		Год создания	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Архангельская обл.	Архангельск	1583	199	– 1 353	– 702	– 226	– 84	338	– 931	– 394
	Новодвинск	1936	– 111	– 218	– 247	– 208	– 219	– 15	– 58	– 3
	Северодвинск	1936	– 955	– 667	– 565	86	– 164	131	135	362
Республика Коми	Воркута	1936	– 1 451	– 2 854	– 2 610	– 1 549	– 515	– 816	– 204	– 1
	Инта	1942	– 591	– 663	– 413	– 604	– 174	– 190	– 274	– 7
	Усинск	1966	– 505	– 628	– 516	– 1 020	25	– 411	– 685	– 249

Окончание табл.3

Города Арктической зоны РФ		Год создания	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Мурманская обл.	Мурманск	1916	– 3 440	– 2 322	– 2 380	– 3 770	– 3 029	– 1191	– 810	455
	Апатиты	1926	– 125	– 419	– 201	– 173	– 316	– 399	н/д	н/д
	Кировск	1929	– 143	– 36	– 233	– 47	181	– 45	н/д	н/д
	Мончегорск	1935	– 115	– 276	– 350	183	– 273	139	н/д	н/д
	Оленегорск	1949	143	98	56	– 224	– 60	214	н/д	н/д
	Полярные Зори	1968	– 174	– 257	– 76	– 170	92	86	н/д	н/д
Республика Карелия	Костомукшский ГО	1977	– 127	– 218	– 111	228	172	96	85	20

Составлено авторами по материалам источника[3] / *Compiled by the authors on the materials of the source*[3]

населения в крупные городские поселения и развивающиеся территории, где уровень жизни более высокий. Старшая возрастная группа менее подвержена миграционным процессам, обеспечивая занятость при помощи сезонного оттока в сельскую местность и периодической и сезонной занятостью вахтовым методом (табл. 3). Отмечается тенденция сокращения численности населения в крупных городах столичного типа (Архангельск и Мурманск), которые обладают высоким уровнем целевых мер социальной поддержи.

Сравнительный анализ динамики данных табл. 3 демонстрирует особенности миграционного поведения населения городов Арктической зоны на территории северо-запада России. Отмечается наличие проявлений неоднородности городов Арктической зоны по рассматриваемому показателю миграции. Динамика изменения показателя в период с 2016 г. по 2023 г. имеет различные проявления, а также характеризуется сменой динамики показателя во временных периодах. Наличие положительной динамики миграции проявляется лишь в отдельных городах Арктической зоны субъектов Северо-Западного федерального округа (рис. 1).

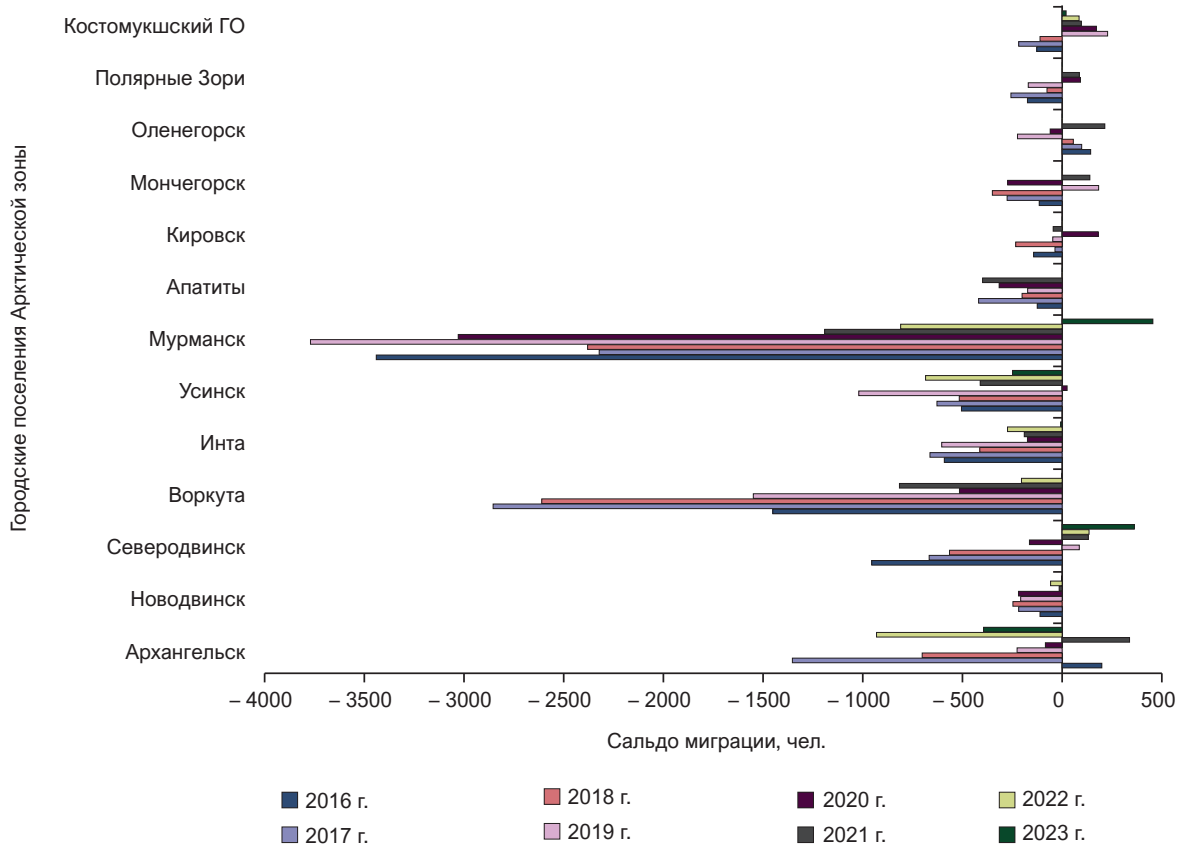
Полученные результаты выявили общий отрицательный тренд миграции постоянного населения из городов Арктической зоны субъектов Северо-Западного федерального округа. Наличие положительного значения в период 2020–2023 гг. наблюдался в Северодвинске, Мончегорске, Оленегорске, Полярных Зорях и Костомукшском ГО, то есть в городах, в структуре экономики которых преобладает промышленное производство, обеспечивающее приток квалифицированных кадров и трудовых ресурсов. Данные территории в разрезе городов Арктической зоны субъектов Северо-Западного федерального округа демонстрируют минимальные показатели миграции. Максимальный миграционный отток населения наблюдается из Мурманска, однако в последующий период 2022–2023 гг. ситуация приобрела положительную динамику.

Среди причин оттока населения выделяется состояние социальной инфраструктуры, в частности качество услуг медицинской помощи и образования выступают ключевыми индикаторами ухудшения условий жизни в северном городе. Например, изучение комментариев в социальных сетях Мурманска показало, что самыми остро воспринимаемыми темами были отмечены вопросы состояния сферы медицинского обслуживания [Недосека, Шарова, Шорохов, 2024]. Неудовлетворенность населения качеством услуг проявляется из-за недостатка врачей специализации, невозможности вовремя и качественно получить медицинскую помощь, в недостаточной доброжелательности и вежливости работников.

Управление развитием инфраструктуры социальной сферы / Social infrastructure development management

Развитие инфраструктуры социальной сферы на муниципальном уровне в последнее десятилетие существенно меняется. Этому способствует реализация как мер целевых ведомственных программ, так и национальных проектов в России. Результат этих изменений можно оценить не только по отчетам отраслевых

[3] Федеральная служба государственной статистики. Оценка численности постоянного населения по районам Крайнего Севера. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2022.xlsx (дата обращения 30.10.2024).



Составлено авторами по материалам исследования / *Compiled by the authors on the materials of the study*

Рис. 1. Динамика миграционной характеристики городов Арктической зоны субъектов Северо-Западного федерального округа
Fig. 1. Dynamics of the Arctic zone cities migration characteristics of the constituent entities of the North-West Federal District

ведомств, но и посредством механизма государственного управления – независимой оценки качества (далее – НОК), учитывающей мнения жителей, проживающих на конкретной территории.

В 2012 г. одним из этапов развития регионального управления стали совершенствование инфраструктуры социальных услуг и повышение качества их предоставления для населения организациями социальной сферы. Государство доверило регионам решение основной задачи по созданию научно-методической основы для сбора информации, анализу проблем и разработке мер по совершенствованию деятельности организаций социальной сферы. В результате Министерством труда РФ были разработаны методические рекомендации на основе изучения мирового опыта по экспертизе качества и с учетом проведенной работы в регионах страны, что позволило учесть специфику региональных особенностей[4]. В дальнейшем все организации, получающие бюджетное финансирование на предоставление социальных услуг населению, проходили НОК не чаще одного раза в год и не реже, чем один раз в три года, согласно требованиям федерального законодательства.

Впервые Общественные советы по проведению независимой оценки качества, созданные при органах исполнительной власти, представили результаты НОК в разрезе субъектов и муниципальных образований в 2015 г. Основными критериями оценки являются открытость и доступность информации об организации, комфортность условий, в которых осуществляется деятельность, доброжелательность, вежливость, компетентность работников организации, удовлетворенность качеством условий предоставления услуг. Каждая организация получает оценку в баллах, значение которой определяется шкалой: в пределах от 81 до 100 баллов – высокий уровень качества, от 0 до 19 – неудовлетворительный. В своей основе результаты НОК примерно на 70 % отражают мнение получателей услуг, выявленное методом очного анкетирования.

За время апробации накопленного опыта проведения НОК была проведена работа по унификации требований методики проведения оценки с учетом

[4] Министерство труда. Независимая оценка качества условий оказания услуг. Режим доступа: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nsok (дата обращения: 30.10.2024).

региональных особенностей расположения организаций социальной сферы, рекомендаций по отбору надежных организаций-операторов по проведению НОК, создания доступного информационного ресурса для размещения результатов оценки. Сегодня НОК рассматривается в качестве инструмента получения обратной связи и совершенствования деятельности организаций социальной сферы с учетом мнения и потребностей граждан – получателей услуг. За время внедрения и развития методики проведения НОК удалось создать государственный ресурс открытых данных, который эксперты характеризуют как «обширную аналитическую информацию о состоянии социальной сферы, отдельных организаций, существующих проблемах и нерешенных вопросах» [Григорьянц, Петрова, 2022, с. 95].

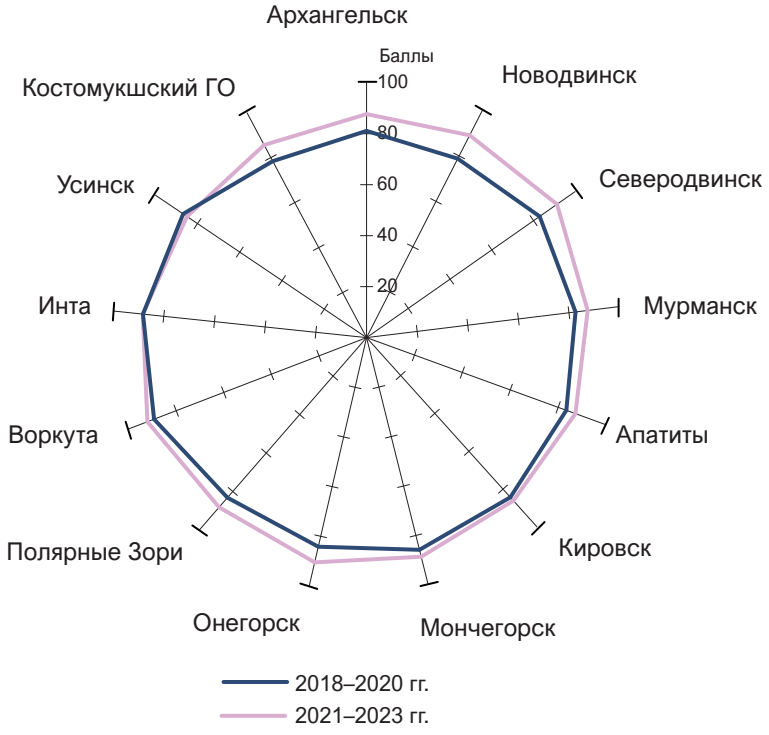
С целью проведения пространственного анализа в разрезе муниципальных поселений результаты НОК позволяют исследователям и специалистам органов государственной и муниципальной власти вести мониторинг по основным сферам социальной деятельности, таким как здравоохранение, образование, социальное обслуживание, культура [Поташева, Морошкина, 2022]. База данных формируется по результатам НОК и с использованием специального федерального ресурса https://bus.gov.ru/ для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях по субъектам РФ[5]. Для проведения сравнительного анализа данных можно выбирать сведения по годам и за трехлетний период (2015–2017 гг., 2018–2020 гг., 2021–2023 гг.).

Исследование данных по северным городам за два последних периода (к 2023 г.) показало следующее.

1. По всем сферам предоставления социальных услуг зафиксированы высокий уровень качества условий и выше среднего. В организациях сферы социального обслуживания он достиг максимальных значений в 99,7 балла.

2. В сфере образования наблюдается наименьшее различие в оценках между северными городами (рис. 2), уровень качества значимо повысился относительно в период 2018–2020 гг. в среднем на пять баллов и достиг максимального значения в Воркуте – 92,1 балла. Минимальное значение составило 78,8 баллов; основной причиной низкой оценки являются показатели по критерию доступности услуг для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ). Выявлены недостатки в отсутствии у организаций версии сайта для слабовидящих с повышенной

[5] Официальный сайт для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях. Режим доступа: https://bus.gov.ru/ (дата обращения: 30.10.2024).



Составлено авторами по материалам источника[6]/ *Compiled by the authors on the materials of the source*[6]

Рис. 2. Динамика результатов оценки качества условий по сфере за трехлетние периоды 2018–2020 гг. и 2021–2023 гг.
Fig. 2. Dynamics of conditions quality assessment results in the service-sector of education for the three-year periods 2018–2020 and 2021–2023

контрастностью, увеличенным шрифтом и другими особенностями.

3. В сфере здравоохранения существенно ниже средний уровень оценки. В 2018–2020 гг. он составил 83,5 балла, минимальное значение в Кировске Мурманской области – 62,1 балла (рис. 3). Основными недостатками в условиях предоставления услуг являются низкий уровень наполненности и доступности информации об организации на сайте, ее отсутствие на инфостендах, неточности в графике работы врачей. По мнению получателей услуг, отмечены отсутствие блока «Вопрос/ответ», а также неудовлетворенность доступностью услуг для инвалидов и лиц с ОВЗ.

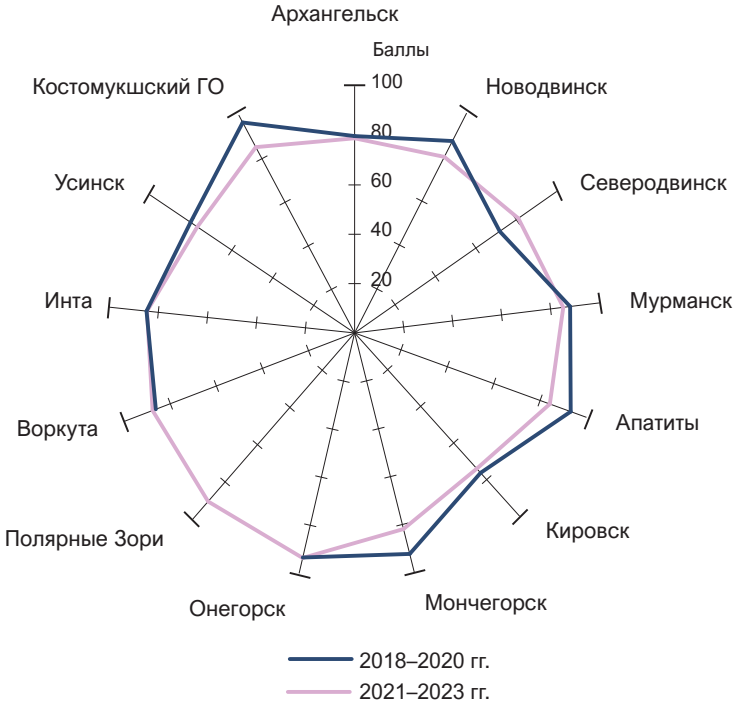
4. В сфере культуры отмечено выравнивание в уровне качества условий по всем обследуемым городам (рис. 4). Наиболее значимые изменения произошли в Северодвинке, где зафиксирована самая низкая оценка в 2020 г. (54,4 балла) и повышение значения до 88 баллов в 2023 г. Среди основных недочетов эксперты отмечают отсутствие комфортной зоны отдыха (ожидания) в организациях, а также низкий уровень доброжелательности и вежливости работников. Положительно высокой динамикой в 81–85 баллов отличаются города Мурманской области.

5. В сфере социального обслуживания в 2023 г. повышение уровня качества условий предоставления услуг произошло в городах Республики Коми и Архангельской области по сравнению с предыдущим периодом. В целом отмечается наиболее высокое значение результатов оценки в разрезе сфер социальных услуг, среднее значение в 2023 г. составило 96 баллов (рис. 5).

Из выявленных недостатков в работе организаций отмечены отсутствие на сайтах организаций полной и достоверной информации о предоставляемых услугах и специалистах, а также разделов обратной связи и отзывов.

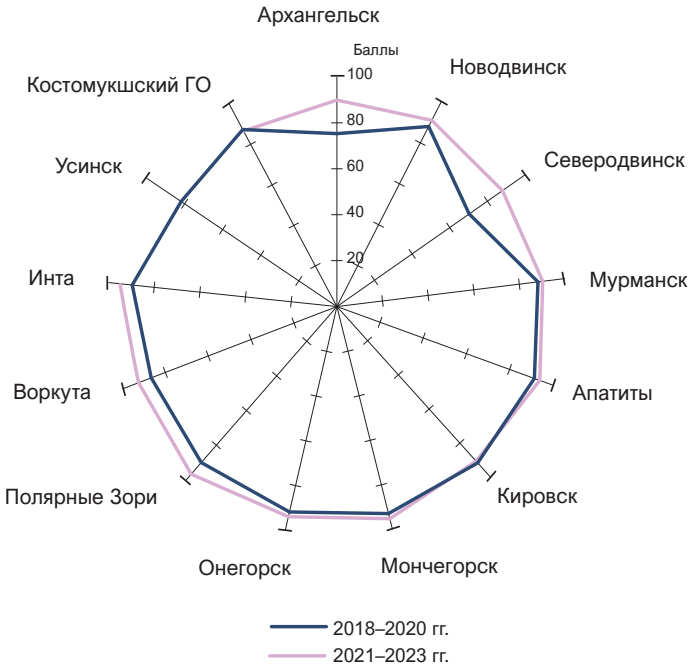
[6] Итоговая оценка качества условий оказания услуг по организациям. Режим доступа: https://bus.gov.ru/top-organizations-second (дата обращения: 30.10.2024).

[7] Итоговая оценка качества условий оказания услуг по организациям. Режим доступа: https://bus.gov.ru/top-organizations-second (дата обращения: 30.10.2024).



Составлено авторами по материалам источника[7] / *Compiled by the authors on the materials of the source*[7]

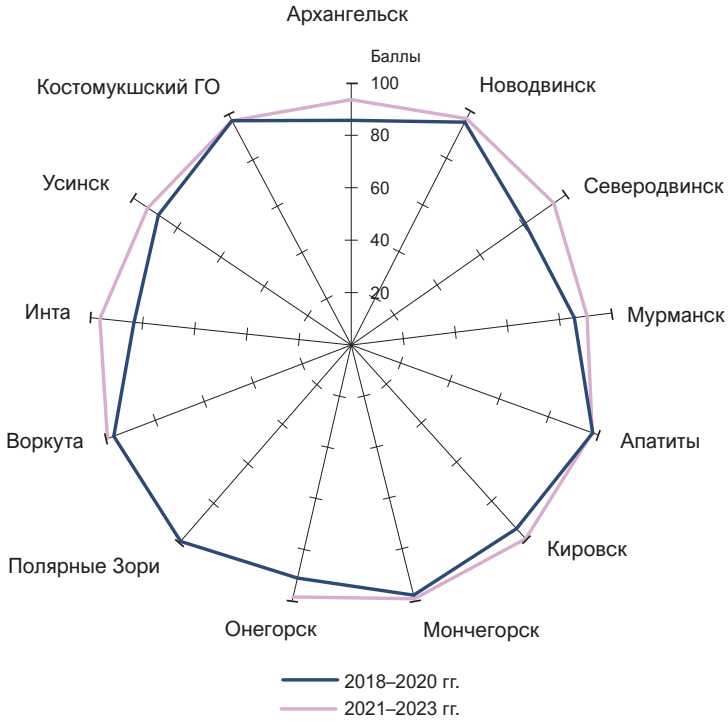
Рис. 3. Динамика результатов оценки качества условий по сфере здравоохранения за трехлетние периоды 2018–2020 гг. и 2021–2023 гг.
Fig. 3. Dynamics of conditions quality assessment results in the service-sector of health protection for the three-year periods 2018–2020 and 2021–2023



Составлено авторами по материалам источника[8] / *Compiled by the authors on the materials of the source[8]*

Рис. 4. Динамика результатов оценки качества условий по сфере культуры за трехлетние периоды 2018–2020 гг. и 2021–2023 гг.

Fig. 4. Dynamics of conditions quality assessment results in the service-sector of culture for the three-year periods 2018–2020 and 2021–2023



Составлено авторами по материалам источника[9] / *Compiled by the authors on the materials of the source[9]*

Рис. 5. Динамика результатов оценки качества условий по сфере социального обслуживания за трехлетние периоды 2018–2020 гг. и 2021–2023 гг.

Fig. 5. Dynamics of conditions quality assessment results in the service-sector of social services for the three-year periods 2018–2020 and 2021–2023

[8] Итоговая оценка качества условий оказания услуг по организациям. Режим доступа: https://bus.gov.ru/top-organizations-second (дата обращения: 30.10.2024).

[9] Там же.

В целях совершенствования и развития организаций социальной сферы Общественные советы по проведению НОК разрабатывают рекомендации по каждой организации, прошедшей проверку в текущем периоде. Анализ представленных рекомендаций в основном связан с двумя критериями оценки – открытость и доступность информации об организации и комфортность условий для инвалидов и лиц с ОВЗ.

1. Важно продолжить работу по своевременному обновлению информации, размещенной на сайте организации, особенно в разделах о графике работы и перечне оказываемых услуг, внедрению форм обратной связи и отзывов. Всем организациям необходимо соблюдать требование о наличии альтернативной версии сайта для слабовидящих.

2. Повышение уровня комфортности и доступности услуг для инвалидов и лиц с ОВЗ является вопросом особого внимания учредителей и руководителей организаций. Рекомендации связаны с обеспечением мест парковок, оборудованием входных зон пандусами, оформлением помещений специальными табличками-указаниями направления движения, рельефными дублирующими знаками (на поручни), символами доступности. Для устранения недостатков, связанных с техническими капитальными особенностями зданий, в которых предоставляются услуги, важно найти инструменты взаимодействия с местными органами власти по включению организаций в целевые программы капитального ремонта и формирования доступной среды.

Эксперты отмечают системность в работе ответственных лиц по осуществлению планов по устранению недостатков и повышение качества условий предоставления социальных услуг в разрезе каждой организации. Отчетность о выполнении как форма контроля также размещается на федеральном сайте в разделе информации об утвержденных планах по устранению недостатков. На завершающем этапе НОК в каждой организации разрабатывается и утверждается такой план с указанием сроков выполнения и ответственных лиц, предоставляется отчетность контролирующих органов по выполнению плана и комментарии по полученным изменениям.

Повышение качества условий предоставления социальных услуг на муниципальном уровне в северных городах на сегодняшний день является важным условием сохранения на их территории постоянного населения и снижения миграции молодежи в другие регионы страны. Ведение постоянного мониторинга по результатам независимой оценки качества условий предоставления услуг социальной сферы позволяет не только фиксировать количественные изменения, но и увидеть в разрезе организаций изменение качества условий и уровня удовлетворенности получателей услуг в определенном муниципальном образовании.

Заключение / Conclusion

В результате проведения оценки тенденций изменения основных характеристик северных городов заметим, что причины оттока населения из арктических территорий на сегодняшний день объясняются не столько низким качеством предоставления услуг населению, сколько запросом населения на более разнообразный спектр социальных услуг. Наблюдаемая высокая миграционная активность населения из северных городов обращает внимание на актуальность решения проблем формирования человеческого капитала и обеспечения экономики территорий квалифицированными кадрами.

Комплексный проектный подход к развитию северных территорий, который в настоящее время формируется на национальном уровне, позволит обеспечить условия повышения качества жизни и окажет весомую поддержку опорным центрам сложившегося каркаса заселения. Эффективность мер совершенствования и развития инфраструктуры социальной среды с учетом ее способности реагировать и изменяться в ответ на общественный запрос может оказать существенное влияние на формирование мотивации молодых поколений жить и работать в суровых условиях, активно участвовать в инновационных и технологических проектах.

Важным направлением остается работа органов муниципальной власти по формированию комфортной городской среды, ориентированной на современные стандарты в рамках национальных проектов, целого ряда федеральных и региональных программ, внедрению специальных мер для арктических территорий. При этом важно исключить дублирование действующих мер и управленческих механизмов, выбрать наиболее эффективные, которые бы дополняли и усиливали эффект комплексного развития и освоения Арктической зоны РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов Е.В., Денисов Е.А., Ефремова В.А., Фаддеев А.М. Современные проблемы развития убывающих городов на северо-востоке Республики Коми. Вестник Московского университета. География. 2014;2:55–61.

Григорьянц Г.Н., Петрова С.А. Система независимой оценки качества услуг в социальной сфере: проблемы, технологии, перспективы развития. Социально-трудовые исследования. 2022;2(47):84–97. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-47-2-84-97

Гунько М.С., Еременко Ю.А., Батунова Е.Ю. Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов. Мир России. 2020;3(29):121–141. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141

Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И. Сценарии развития арктического региона (2020–2035 гг.). Арктика и Север. 2019;35:5–24. https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.35.5

Замятина Н.Ю., Медведков А.А., Поляченко А.Е., Шамало И.А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов. Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020;3(65):481–505. https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.305

Лаженцев В.Н. Север и интеграция социально-экономического пространства (пример Северо-Запада России). Проблемы прогнозирования. 2020;3(180):48–56.

Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Российская Арктика: логика и парадоксы перемен. Проблемы прогнозирования. 2019;6:4–21.

Мартьянов В.С. Стратегия городского развития в Арктическом регионе России. ЭКО. 2013;5(467):124–137.

Морошкина М.В., Поташева О.В., Гиенко Г.В. Социально-экономическое развитие арктических регионов: сравнительный анализ. Друкеровский вестник. 2023;4(54):186–199. http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2023-4-186-199

Морошкина М.В. Развитие прибрежных городов арктической зоны (на примере Карельской Арктики и Архангельской области). Вестник Московского университета. Экономика. 2023;4:84–103. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-4-4

Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Шорохов Д.М. Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения. Арктика и Север. 2024;54:169–189. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169

Поташева О.В., Морошкина М.В. Индикаторы и тенденции социально-экономического развития северных, арктических городов Северо-Западного макрорегиона. В кн.: Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2022: материалы Восьмой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Иркутск: Максима; 2022. С. 300–307.

Пилясов А.Н., Путилова Е.С. Оспаривая очевидное: арктические города. Городские исследования и практики. 2020;1(5):9–32. https://doi.org/10.17323/usp5120209-32

Пилясов А.Н. Российский Арктический фронтир: парадоксы развития. Регион: экономика и социология. 2015;3(87):3–36. http://dx.doi.org/10.15372/REG20150901

REFERENCES

Antonov E.V., Denisov E.A., Efremova V.A., Faddeev A.M. Actual Problems of Urban Shrinkage Development in the North-West of the Komi Republic. Lomonosov Geography Journal. 2014;2:55–61. (In Russian).

Grigor'yants G.N., Petrova S.A. Independent assessment of service quality in the social sphere: challenges, technologies, development prospects. Sociology and Psychology of Labor. 2022;2(47):84–97. (In Russian). https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-47-2-84-97

Gunko M.S., Eremenko Yu.A., Batunova E.Yu. Planning Strategies in the Context of Urban Shrinkage in Russia: Evidence from Small and Medium-Sized Cities. Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2020;3(29):121–141. (In Russian). https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141

Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Lipina S.A., Chistobaev A.I. Scenarios for the development of the Arctic region (2020–2035). Arctic and North. 2019;35:5–24. (In Russian). https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.35.5

Zamyatina N.Yu., Medvedkov A.A., Polyachenko A.E., Shamalo I.A. Resilience of Arctic cities: An analysis of the approaches. Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences. 2020;3(65):481–505. (In Russian). https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.305

Lazhentsev V.N. The North and the integration of socio-economic spaces: an example in the Russian Northwest. Problemy prognozirovaniya. 2020;3(180):48–56. (In Russian).

Leksin V.N., Porfiryev B.N. The Russian Arctic: the logic and paradoxes of change. Problemy prognozirovaniya. 2019;6:4–21. (In Russian).

Martyanov V.S. The strategy of urban development in Arctic macro-region of Russian Federation. ECO. 2013;5(467):124–137. (In Russian).

Moroshkina M.V., Potasheva O.V., Gienko G.V. Socio-economic development of the Arctic regions: a comparative analysis. Drukerovskij vestnik. 2023;4(54):186–199. (In Russian). http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2023-4-186-199

Moroshkina M.V. Development of coastal cities in the Arctic zone (evidence from the Karelian arctic and Arkhangelsk region). Moscow University Economics Bulletin. 2023;4:84–103. (In Russian). https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-4-4

Nedoseka E.V., Sharova E.N., Shorokhov D.M. Shrinking Cities of the Russian Arctic: Statistical Trends and Public Discourse on the Causes of Population Outflow. Arctic and North. 2024;54:169–189. (In Russian). https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169

Potasheva O.V., Moroshkina M.V. Indicators and trends of social and economic development of Northern Arctic cities of the North-West macroregion. In: Current issues, directions and mechanisms of the North productive forces development – 2022: Proceedings of the Eighth All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation). Irkutsk: Maksima; 2022. Pp. 300–307. (In Russian).

Pilyasov A.N., Putilova E.S. Challenging the Obvious: Arctic Cities. Urban Studies and Practices. 2020;1(5):9–32. (In Russian). https://doi.org/10.17323/usp5120209-32

Pilyasov A.N. Russian Arctic frontier: paradoxes of development. Region: Economics and Sociology. 2015;3(87):3–36. (In Russian). http://dx.doi.org/10.15372/REG20150901

Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение. Экономика региона. 2018;4:1370–1382. https://doi.org/10.17059/2018-4-24

Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение. Арктика: экология и экономика. 2022;1(12):111–122. https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-111-122

Фаузер В.В., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера. Экономика региона. 2021;2(17):552–569. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14

Fauzer V.V., Lytkina T.S., Smirnov A.V. Sustainable development of the Northern regions: population dimension. Economy of Region. 2018;4:1370–1382. (In Russian). https://doi.org/10.17059/2018-4-24

Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Challenges and contradictions in the development of the North and the Arctic: demographic dimension. Arctic: Ecology and Economy. 2022;1(12):111–122. (In Russian). https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-111-122

Fauser V.V., Smirnov A.V., Fauser G.N. Demographic assessment of the sustainability of small and medium-sized cities of the Russian North. Economy of Region. 2021;2(17):552–569. (In Russian). https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14

УДК 32.019.51 JEL J13, O3 DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-1-113-122
Получено: 16.08.2024 Статья доработана после рецензирования: 24.12.2024 Принято: 10.01.2025

Молодежная политика в условиях цифровизации: постановка проблемы

Величко Антон Иванович
Директор Центра оценки и развития управленческих компетенций, мл. науч. сотр.
ORCID: 0009-0009-0722-5900, e-mail: ai_velichko@guu.ru

Гончарова Ирина Валентиновна
Д-р ист. наук, вед. науч. сотр.
ORCID: 0000-0002-7532-8751, e-mail: iv_goncharova@guu.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Изучена трансформация молодежной политики под влиянием цифровизации, выявлены направления ее обновления в изменившихся политических и социокультурных реалиях. Предметом исследования являются трансформации основных направлений молодежной политики в условиях проникновения современных цифровых инструментов во все аспекты жизнедеятельности личности и общества. Применялись политико-культурный анализ, который предполагает сравнение направлений молодежной политики в историческом срезе, и правовой анализ, в фокусе внимания которого стоит изучение нормативной и законодательной базы, регулирующей особенности осуществления молодежной политики. Проанализированы современные научные подходы к молодежной политике. Изучено понятие сущности цифровизации, а также особенности ее воздействия на изменения молодежной политики. Выявлены потенции и риски, которые сопровождают усиление процессов цифровизации в молодежной политике. Результаты исследования могут найти свое практическое применение при выработке конкретных решений по обновлению молодежной политики с целью повышения соответствия изменившимся политическим реалиям. Обоснована проблема, которая нуждается в дальнейшем фундаментальном исследовании, прежде всего в отношении изучения трансформаций каждого из выявленных направлений молодежной политики.

Ключевые слова: молодежная политика, государственная молодежная политика, общественная молодежная политика, цифровизация, направления молодежной политики, современные ИКТ, молодежь

Для цитирования: Величко А.И., Гончарова И.В. Молодежная политика в условиях цифровизации: постановка проблемы// Управление. 2025. Т. 13. № 1. С. 113–122. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-113-122

© Величко А.И., Гончарова И.В., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received: 16.08.2024 Revised: 24.12.2024 Accepted: 10.01.2025

Youth policy in the context of digitalization: problem statement

Anton I. Velichko
Director of the Center for Assessing and Developing Management Competencies, Junior Researcher
ORCID: 0009-0009-0722-5900, e-mail: ai_velichko@guu.ru

Irina V. Goncharova
Dr. Sci. (Hist.), Leading Researcher
ORCID: 0000-0002-7532-8751, e-mail: iv_goncharova@guu.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

Youth policy transformation under the influence of digitalization has been studied, and the directions of its renewal in the changed political and social and cultural realities have been revealed. The subject of the study is the transformation of the main directions of youth policy in the conditions of modern digital tools implementation in all aspects of life of an individual and society. Political and cultural analysis, which involves comparing the youth policy directions in a historical cross-section, and legal analysis, which focuses on the study of the regulatory and legislative framework governing the specifics of youth policy implementation, have been applied. Modern scientific approaches to youth policy have been analyzed. The digitalization concept, as well as the peculiarities of its impact on changes in youth policy have been studied. Potentialities and risks that accompany the digitalization processes strengthening in youth policy have been revealed. The study results can find their practical application in specific solutions development to update youth policy in order to increase compliance with the changed political realities. It substantiates the issue that needs further fundamental research, primarily with regard to the study of transformations of each of the identified areas of youth policy.

Keywords: youth policy, digitalization, state youth policy, public youth policy, digitalization, youth policy areas, modern ICT, youth

For citation: Velichko A.I., Goncharova I.V. (2025). Youth policy in the context of digitalization: problem statement. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (1), pp. 113–122. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-1-113-122

© Velichko A.I., Goncharova I.V., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Молодежь как социально-демографическая группа, ее личностные качества, аксиологемы, особенности обучения, образования, интеграции в систему социальных и профессиональных взаимодействий традиционно выступают актуальным объектом научной рефлексии. На сегодняшний день она одновременно рассматривается и как наиболее протестно настроенная группа, способная на радикальные трансформации российского общества и влияющая на выработку направлений дальнейшего развития Российской Федерации (далее – РФ, Россия), и как пассивная социально-демографическая общность, которая не вовлечена в политическую повестку[1]. Представители второго подхода полагают, что текущая политическая и социальная активность молодежи отличается абсентеизмом и апатией, а также отсутствием уверенности в возможностях что-либо изменить [Салин, 2017].

Как в общественном, так и политическом и научном дискурсах представлены не просто разные, но порой кардинально противоположные оценки этой социально-демографической группы, ее активности и вовлеченности в социально-политические процессы, что затрудняет выработку содержания и направлений молодежной политики, предназначенной интегрировать молодых людей в систему социальных и профессиональных взаимодействий при максимально полном учете их интересов. Ситуация усугубляется тем, что сегодня под влиянием цифровизации меняются все аспекты жизнедеятельности личности, общества, государства.

Как и любое столь глобальное, революционное изменение, цифровизация не только сопровождается значительными преимуществами, но и обусловливает формирование острых, масштабных вызовов и рисков. С одной стороны, современные информационные технологии способствуют повышению прозрачности принимаемых политических решений, уровня информированности о них, могут стать эффективным средством преодоления пассионарности и повышения активности молодых людей, а с другой – в ситуации отсутствия высокого уровня сформированности навыков критического мышления они же могут стать средством дезинформации, манипуляций общественным сознанием, дестабилизации социальных взаимодействий, инфодемии. Иными словами, формируется противоречие, которое можно объяснить очевидной необходимостью переосмысления содержания молодежной политики в условиях усиления цифровизации и отсутствием единства в понимании направлений обновления указанной деятельности государства в современных российских реалиях. Разрешение указанного противоречия обусловливает актуальность выбранной темы исследования.

Целью настоящего исследования выступают изучение трансформаций молодежной политики под влиянием цифровизации и выявление основных направлений ее обновления в новых социокультурных и политических реалиях.

Молодежная политика: подходы к дефиниции / Youth policy: approaches to definition

В изучении понятия молодежной политики выделяются два направления.

1. Общественная молодежная политика в современной научной литературе определяется как совокупность, система взглядов, идей, оценок молодежи, видение ее роли в социально-политическом строительстве, а также восприятие роли различных социальных институтов и практик в вопросах воспитания молодежи [Ильинский, 2006]. Необходимость выделения указанной составляющей политики обоснована И.М. Ильинским, когда государственная политика часто оставляла проблемы молодежи на периферии внимания [Ильинский, 2006]. Общественная политика предполагает усиление роли гражданского общества в вопросах взаимодействия с молодыми людьми, призвана дополнять, уточнять, конкретизировать деятельность государственных органов. При этом, по словам С.О. Елишева, на сегодняшний день гражданское общество в стране не сформировано, что не позволяет говорить об эффективности общественной молодежной политики [Елишев, 2012].

2. Государственное направление молодежной политики – одно из направлений деятельности государства, государственных органов, воплощающих стратегическую линию страны на совершенствование разного рода условий (социальных, экономических, культурных, правовых, политических и др.) для обеспечения возможностей самореализации молодых людей, их успешной интеграции в общество[2]. Одной из важнейших задач государственного направления политики выступает повышение активности молодых людей, которое представляет собой способ регуляции межпоколенческих взаимодействий, обеспечения преемственности,

[1] Дело молодое: как власть вспоминала про молодежь перед выборами. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2017/06/08/Delo_molodoe_kak_vlast (дата обращения: 01.08.2024).

[2] Федеральное агентство по делам молодежи. Доклад о положении молодежи и реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации «Молодежь и молодежная политика в России в контексте глобальных тенденций». Режим доступа: https://fadm.gov.ru/documents/?TYPE=32 (дата обращения: 01.08.2024).

стабильного, непрерывного, эволюционного развития общества и государства.

Молодежная политика представляет собой одно из наиболее важных направлений деятельности общества и государства, от успешности реализации которого во многом зависит развитие государства. Необходимость повышения ее эффективности обусловливает целесообразность вовлечения в процессы реализации не только государственных органов, но и всех социальных институтов. Более того, единство общественной и государственной политики способно обеспечить ее успешность, поскольку именно государство может обеспечить формулировку долгосрочных, стратегических направлений – без реализации регуляторной функции со стороны государства общественная политика будет носить хаотичный, противоречивый характер.

Анализ нормативных актов, прежде всего Стратегии молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г., позволяет выделить следующие приоритетные направления реализации молодежной политики[3,4]:

• образование как основополагающий инструмент формирования человеческого капитала молодежи и фактор «социального лифта», выравнивающий региональные возможности реализации молодежи;

• воспитание как «формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы государства, предусматривающей создание условий для воспитания и развития молодежи, знающей и ответственно реализующей свои конституционные права и обязанности, обладающей гуманистическим мировоззрением, устойчивой системой нравственных и гражданских ценностей»[5];

• трудовая занятость, предотвращение роста безработицы, развитие просветительской работы с молодежью, инновационных образовательных и воспитательных технологий, создание условий для самообразования молодежи (наличие возможностей непрерывного самообразования будет способствовать повышению возможностей трудоустройства, снижению уровня безработицы; в российских реалиях крайне важным направлением социальной политики является создание технологий «социального лифта»)[6];

• нацеленность на повышение уровня и качества жизни, включая вопросы обеспеченности молодых людей льготным жильем, услугами здравоохранения, удовлетворения основных потребностей молодежи;

• противодействие росту численности молодых людей с вредными привычками (курение, алкоголизм, злоупотребление наркотическими средствами), «проведение работы по выявлению религиозных объединений и пресечению их деятельности, нарушающей права несовершеннолетних на охрану здоровья и медицинскую помощь, выбору места жительства, получению образования, а также связанной с вовлечением детей в противоправные и иные деструктивные действия»[7];

• противодействие росту преступности среди молодежи;

• организация досуга;

• предотвращение гендерного неравенства, развитие толерантности, инклюзии, предотвращение дискриминации личности;

• эффективное участие молодежи в жизни общества, выработке и принятии решений, создание безопасного информационного поля, направленного на интенсификацию механизмов обратной связи между органами государственной власти, государственными структурами, общественными объединениями и молодыми людьми, «повышение эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах патриотического и гражданского воспитания молодежи»[8].

Указанные направления реализации государственной молодежной политики являются общими для всех стран, при этом в России дополнительно сформулирована задача создания благоприятных условий для молодых семей с целью повышения рождаемости, формирования семейных ценностей, положительного образа

---

[3]Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r/ (дата обращения: 01.08.2024).

[4]Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/ (дата обращения: 01.08.2024).

[5]Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r/ (дата обращения: 01.08.2024).

[6]Там же.

[7]Приказ Генпрокуратуры России от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов». Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-13122021-n-744-ob-organizatsii/ (дата обращения: 01.08.2024).

[8]Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r/ (дата обращения: 01.08.2024).

молодой семьи[9]. Актуальность указанной задачи обусловлена демографической ситуацией, необходимостью повышения рождаемости в стране.

Важно отметить, что выявленные направления реализации молодежной политики отличаются высокой значимостью и актуальностью, однако большая часть из них сформулирована в конце прошлого столетия, когда процессы цифровизации еще не приобрели своего сегодняшнего масштаба, не привели к онтологическим трансформациям всех аспектов жизнедеятельности личности, общества, государства.

Цифровизация: определение и сущность / Digitalization: definition and essence

На сегодняшний день все представленные направления государственной молодежной политики подвергаются трансформациям под влиянием цифровизации. В современной науке выделяют узкий и широкий подходы к пониманию цифровизации [Халин, Чернова, 2018].

1. В логике узкого подхода цифровизация – это преобразование информации, данных в «цифру», что сопровождается снижением издержек и появлением новых возможностей, «процесс перехода от аналоговой информации к цифровой форме ее кодирования», который «порождает новые процессы в политике, особенно в политическом участии, лидерстве, создает новые возможности для интенсификации процессов формирования политического, в частности молодежного, лидерства, формирует новые возможности не только становления, но и реализации этого лидерства» [Судоргин, Агафонов, 2024, с. 100]. Цифровизация – это технологии обработки больших данных, следствием чего становится превращение всего, что окружает человека, в цифровые данные, которые, по мнению исследователей, оказывают позитивное влияние на экономику, развитие знаний, образование и т.д., на позитивные преобразования экономической, социальной, политической, культурной жизнедеятельности [Чернышов, 2018; Smit, Glaudemans, Jonker, 2017].

2. В логике широкого подхода цифровизация рассматривается как мегатренд мирового развития, который затрагивает множественные связи, ассоциации, силы [Isin, Ruppert, 2015].

Принимая во внимание влияние современных информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) на изменения самой личности, в рамках настоящего исследования более оправданным представляется второй подход, рассматривающий цифровизацию как мегатренд мирового развития.

Цифровизация не проявилась одномоментно – она разворачивалась постепенно. Ученые выделяют три основных этапа [Судоргин, Агафонов, 2024]:

• этап появления «специализированных» цифровых платформ, направленных на оптимизацию внутренних процессов, прежде всего процессов документооборота в конце прошлого столетия;

• этап глобальной мобилизации (2006–2008 гг.) связан с усовершенствованием возможностей мобильной связи, увеличением количества пользователей, революционным изменением новых форм коммуникации – пользователи получили возможность создания собственного контента, что привело к росту популярности социальных сетей;

• этап развития систем искусственного интеллекта, отличающихся высокой производительностью и обеспечивающих экстремальную автоматизацию.

Сегодня цифровизация давно вышла за рамки инструмента преобразования информации, превратившись во всеобъемлющий феномен, который оказывает влияние на все аспекты жизнедеятельности глобального социума. Ее можно рассматривать в качестве этапа исторического развития, сменившего информатизацию, компьютеризацию, отличительной характеристикой которых являлось использование вычислительной техники для решения отдельных производственных задач. Цифровизация используется не для оптимизации отдельных производственных и экономических сфер, но для создания целостных технологических сред «обитания», экосистем для решения целого класса задач. Она приводит к существенным трансформациям не только производства и экономики, но и самого мира: «Цифровизация меняет все сферы общественной жизни – от производства экономических и общественных благ до областей, где на первый план выходят общение и отношения между людьми» [Бориско, Ячменник, 2022, с. 48].

Как отражают результаты проведенных социологических исследований, в среднем молодые люди проводят в интернете более 6 часов в день, что наглядно отображает, насколько сеть, виртуальная реальность проникла в действительность человека [Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, 2023]. Важно подчеркнуть, что сегодня цифровые технологии используются в работе с молодыми людьми во всех современных странах [Harvey, 2024]. Молодежь выступает активным субъектом формирования онлайн-ландшафта и создателем контента [Subrahmanyam, Smahel, 2010; Koh, 2013].

[9] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r/ (дата обращения: 01.08.2024).

Направления обновления молодежной политики в условиях цифровизации / Directions for youth policy modernization in the context of digitalization

В наибольшей степени под влиянием цифровизации изменениям подверглась сфера образования. Современные технологии позволяют получить образование в удаленном режиме. В сети представлены многочисленные цифровые образовательные платформы, электронные библиотеки, которые предоставляют любую требуемую информацию в режиме 24/7. В ситуации кризиса, вызванного пандемией COVID-19 2020 г. и связанных с ней изоляционных мер, дистанционное обучение стало единственной формой обучения. Иными словами, под влиянием цифровизации получение образования стало более доступным, возможности инклюзии существенно повысились. При этом в процессе реализации указанного направления молодежной политики остро стоит необходимость повышения регуляции образовательной деятельности, приведения разрозненных и хаотичных образовательных ресурсов в единообразие, соответствия требованиям ведущих педагогических подходов, принципов.

Тесно с образованием связано трудоустройство молодых людей. Это направление молодежной политики сегодня подвергается существенным трансформациям, к которым следует отнести появление удаленных форм занятости. Молодые люди могут находить работу на дому, что способствует снижению численности безработных. Однако и данный феномен сталкивается с серьезными проблемами – несовершенством правового регулирования между работодателями и фрилансерами, социальной и правовой незащищенностью обеих сторон. В результате отсутствия правовых механизмов взаимодействия между работодателем и фрилансером часто первый стакивается со срывом сроков, низким качеством выполненных работ, второй – с отсутствием оплаты труда.

Под влиянием цифровизации осуществляется формирование новой инфраструктуры молодежной политики, новых инструментов цифрового пространства (сайты органов власти, организаций, блоги, аккаунты в социальных сетях и т.д.). Современные цифровые механизмы направлены на повышение уровня и качества жизни, доступности услуг здравоохранения, удовлетворения потребностей молодежи. Например, на Портале государственных услуг создан отдельный раздел для людей в возрасте от 14 до 35 лет, благодаря которому молодые люди могут узнать об услугах для молодежи, включая конкурсы, стажировки, информацию о профориентации и т.д.[10]. Сам сайт обеспечивает возможности записи в медицинское учреждение, оплаты налогов, регистрации транспортных средств и ряд иных актуальных сервисов. Кроме того, можно привести в пример популярную в России социальную сеть «ВКонтакте», которая сегодня рассматривается как виртуальная экосистема, в которой пользователи могут общаться, создавать контент и делиться им, слушать музыку, смотреть фильмы и обсуждать их[11]. Иными словами, социальная сеть сегодня полностью взяла на себя функции социального окружения. Само понятие экосистемы «в XXI в. переместилось из биологического научного лексикона в экономическую, образовательную, управленческую и другие среды» [Судоргин, Агафонов, 2024, с. 102].

Однако, принимая во внимание тот факт, что созданы такие инструменты, направленные на повышение доступности социальных услуг, недавно и многие из них несовершенны, пользователи сталкиваются с многочисленными проблемами в процессе их использования, а также с мошенничеством, незащищенностью личных данных и рядом иных актуальных проблем [Целищева, Гутова, Самохина, 2022]. Как отражают результаты проведенных исследований, в 2023 г. доля мошенничества при помощи мессенджеров выросла на 10,5 % по сравнению с предыдущим годом[12]. Можно предположить, что в ближайшее время она вряд ли снизится.

Информационные площадки могут использоваться для пропаганды девиантного способа жизни, вовлечения молодых людей в противозаконную деятельность, в деятельность различных сетевых сообществ. Достаточно вспомнить пропаганду деструктивного поведения молодежи – печально известный опыт «Синего кита», – чтобы понять, насколько небезопасным может быть нахождение подростка или молодого человека в сети [Клейберг, 2017].

Наибольшую угрозу в информационном пространстве представляют информационные войны. Под информационной войной понимается «...постепенное погружение государства-жертвы в состояние “организованного хаоса”, достижение его “сокрушения изнутри” вне применения вооруженных форм войны» [Гончарова, Ницевич, Судоргин, 2024, с. 21]. Опасность информационной войны заключается в том, что она

[10] Портал государственных услуг Российской Федерации. Сервис «Навигатор возможностей» для молодежи. Режим доступа: https://www.gosuslugi.ru/molodym/info (дата обращения: 01.08.2024).

[11] ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/feed (дата обращения: 01.08.2024).

[12] Доля мошенничества через мессенджеры в 2023 году выросла до 22,5 %. Режим доступа: https://www.interfax.ru/russia/944941 (дата обращения: 01.08.2024).

поражает все сферы жизнедеятельности государства (его экономическое и политическое пространство, сферы здравоохранения, науки, образования), разрушает идеологическое пространство, культурную идентичность, мораль и нравственность общества. В целом остро стоит проблема создания безопасного информационного пространства.

Современные ИКТ вытесняют привычные формы проведения досуга – сегодня все большая часть молодых людей проводит время в сети, что приводит к снижению численности социальных контактов. Увеличивается число молодежи, вовлеченной в компьютерные игры [Прозорова, 2015]. 55,9 % молодых людей в свободное время «сидят» в Интернете, 44,8 % – смотрят телевизор, 34,5 % – слушают музыку [Бочарникова, 2018]. Преобладающими остаются «пассивно-развлекательные виды деятельности, связанные с использованием современных информационных устройств» [Цветкова, 2017, с. 161]. Часто испытывают стремление избежать общения, остаться наедине с собой 72 % молодых людей[13]. Все чаще человек живет не в реальном, но в медийном пространстве, что сопровождается изоляционизмом, отчужденностью личности от общества, влечет за собой риски интернет-аддикции, возникновения депрессии, негативных эмоциональных переживаний.

Противоречивой является роль современных цифровых инструментов и в процессах формирования гражданского общества, повышения активности, инициативности в ходе выработки и принятия политических и важных социальных решений. Распространенность и доступность современных ИКТ полностью позволяет молодым людям участвовать в различных опросах, исследованиях, направленных на выявление общественного мнения в отношении тех или иных важных решений. Цифровые инструменты используются для реализации важнейших демократических процедур, включая выборы различного уровня.

Проведенные социологические опросы позволяют сделать вывод о том, что все большая часть россиян хорошо информирована о сути цифровых избирательных технологий: 47 % респондентов в 2024 г., тогда как в 2019 г. лишь 18 % знали о дистанционном электронном голосовании (далее – ДЭГ)[14]. Более того, «чем моложе россияне, тем активнее они поддерживают идею распространения ДЭГ по всей стране (80 % среди 18–24-летних против 55 % в старшей когорте)»[15]. Процессы цифровизации изменили пространство молодежной политики, создали качественно новые условия для функционирования ее субъектов, предоставив молодым людям новые возможности и инструменты, актуальные для публичного пространства выработки и реализации основных направлений молодежной политики.

Опыт «цветных революций», которые волной прокатились по странам, позволяет сделать вывод о том, что именно цифровые площадки и социальные сети становились средством организации протестов. В качестве примера можно назвать пост известного украинского журналиста и впоследствии политика М. Найема, с которого, по сути, начался Евромайдан в Украине[16]. В отдельных ситуациях информационные инструменты из средства формирования гражданского общества превращаются в инструменты, усиливающие его стратификацию, угрожающие государственности как таковой.

Система государственного управления Россия нацелена на то, чтобы информационные ресурсы не стали инструментом дестабилизации общества, много внимания уделяется лидерам общественного мнения. Исследователи подчеркивают, что государство стремится создать институт гражданских активистов, которые будут способны мобилизовать молодежь на противостояние угрозам «оранжевых революций», чтобы обеспечить государственную безопасность [Омельченко, Лисовская, 2022].

Важнейшим направлением государственной политики, которое получило от цифровизации исключительное преимущество, является формирование гендерного равенства, отсутствия дискриминации. Анонимность пользователей в сети делает просто невозможной дискриминацию людей по гендерным, возрастным, национальным признакам. Человек может идентифицировать себя кем угодно, принимать на себя любые роли, становиться «виртуальной личностью», не имеющей ни пола, ни нации, ни возраста. Тем не менее вышесказанное не обозначает, что человек сегодня не подвергается преследованию в сети, однако, как правило, такие ситуации связаны с высказываниями, действиями самой личности, а не ее полом, расой, возрастом.

[13] Всероссийский центр изучения общественного мнения. Свободное время и как мы его проводим. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svobodnoe-vremja-i-kak-my-ego-provodim (дата обращения: 01.08.2024).

[14] Всероссийский центр изучения общественного мнения. Дистанционное электронное голосование: мониторинг. Популярность ДЭГ в России продолжает расти? Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring-2 (дата обращения: 01.08.2024).

[15] Там же.

[16] Один из инициаторов Евромайдана подал в отставку. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/10/06/2024/6666bbcc9a794741589edce1 (дата обращения: 01.08.2024).

Определенные риски связаны также с тем, что сами молодые люди не в полной мере способны использовать современные цифровые инструменты в практике собственной деятельности, в процессе оказания влияния на принятие политических решений, учитывающих их требования и потребности: «Возможности цифрового пространства не в полной мере используются субъектами молодежной политики ни для информирования молодежи, ни для формирования определенной картины мира молодого человека, ни для включения молодежи в конструктивные практики молодежной политики» [Бориско, Ячменник, 2022, с. 48].

На сегодняшний день цифровизация оказывает противоречивое влияние на такие направления государственной молодежной политики, как образование, трудоустройство, повышение уровня и качества жизни, доступности социальных услуг, противодействие возникновению различных видов аддикций, безопасность, противодействие росту преступности, организация досуга, формирование гражданского общества. Преимущества, связанные с цифровизацией, сопровождаются появлением острых вызовов. В процессе обновления государственной молодежной политики следует в полной мере учитывать указанные риски.

Сама цифровизация открывает молодым людям «огромные коммуникативные и мобилизационные возможности, преобразуя политическое участие молодежи в цифровой формат с непредсказуемыми последствиями» [Судоргин, Агафонов, 2024, с. 99]. К основным рискам влияния цифровизации на реализацию молодежной политики в наиболее общем виде относят изменения личностной идентичности и проявления искажений личности, инфантилизма, компьютерную аддикцию, подмену ценностей социальной среды виртуальными, разрыв социальных связей как следствие ухода из реального мира в виртуальное пространство, повышение возможностей для манипуляций общественным сознанием, проблему информационной безопасности.

Как отмечают исследователи, все субъекты молодежной политики должны активно взаимодействовать между собой с целью достижения единства духовных, идеологических целей, создания общей аксиологической воспитательно-педагогической среды, выработки единой стратегии по преодолению кризиса институтов социализации и формирования у молодых людей традиционных ценностных установок [Бочарникова, 2018].

Заключение / Conclusion

Очевидной становится необходимость обновления содержания и направлений молодежной политики при максимально полном учете усиления процессов цифровизации, проникновения современных ИКТ во все аспекты жизнедеятельности личности.

В процессе проведения исследования проанализированы современные научные подходы к пониманию молодежной политики, что позволяет выделить в ее структуре две составляющих: общественную и государственную. Государственная молодежная политика – деятельность государства, государственных органов, направленная на создание совокупности оптимальных условий, в которых будет происходить самореализация молодых людей. Общественная молодежная политика выступает дополнением к государственной, представляет собой совокупность идей, взглядов, аксиологем, которые вызывают одобрение общества на конкретном этапе его исторического развития. Ее реализация предполагает высокую активность гражданского общества. Иными словами, если государственная политика руководствуется нормами права, общественная – нормами морали. Все направления молодежной политики на сегодняшний день подвергаются трансформациям под влиянием цифровизации как мегатренда развития современного глобального общества, сущность которого сводится к интенсивным темпам внедрения инновационных технологий во все аспекты жизнедеятельности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровизация в сфере реализации молодежной политики носит противоречивый характер. С одной стороны, она способствует повышению информированности молодежи, дает практически неограниченный доступ к данным, обеспечивает возможности дистанционного обучения и трудоустройства, повышает возможности самореализации и инклюзии, а с другой – наряду с огромными преимуществами сопровождается появлением и усилением столь же масштабных рисков.

Полученными результатами заявленная проблематика не ограничивается. Целью настоящего исследования выступало обозначение и выявление проблем реализации молодежной политики в условиях цифровизации. Указанная тема требует дальнейшего фундаментального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бориско О.А., Ячменник К.В. Цифровое пространство молодежной политики (кейс Краснодарского края). Социально-политические исследования. 2022;3(16):47–64. https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-47-64

Бочарникова И.С. Досуговые предпочтения современной российской молодежи: сравнительный социологический анализ. Теория и практика общественного развития. 2018;1. https://doi.org/10.24158/tipor.2018.1.3

Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А. Информационная война как инструмент политического противостояния в современном многополярном мире. Вестник Российского университета дружбы народов. Государственное и муниципальное управление. 2024;1(11):19–31. https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-19-31

Елишев С.О. Молодежная политика в процессе формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи. Пространство и Время. 2012;1(7):113 – 119.

Ильинский И.М. Образование, молодежь, человек. М.: Московский гуманитарный университет; 2006. 560 с.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Интернет в России. М.: RE-FORM; 2023. 207 с.

Клейберг Ю.А. Деструктивная интернет-игра «Синий кит» как девиантологический феномен: постановка проблемы. Пензенский психологический вестник. 2017.

Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022;2:66–92. https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078

Прозорова Д.В. Трансформация форм проведения досуга молодежи в условиях постиндустриального общества. Смоленский медицинский альманах. 2015;3:64–68.

Салин П.Б. Студенческая молодежь как «постоянная переменная» российской массовой политики. Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2017;7(4):47–51.

Судоргин О.А., Агафонов А.В. Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства. Управление. 2024;2(12):99–108. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108

Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски. Управленческое консультирование. 2018;10:46–63. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63

Цветкова И.В. Типология студенческой молодежи по видам досуга. Карельский научный журнал. 2017;3(6):160–164.

Целищева З.А., Гутова С.Г., Самохина Н.Н. Актуальные вопросы формирования информационной безопасности в обществе. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022;8:32–38. https://doi.org/10.23672/d1441-7708-8409-m

Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации. Власть. 2018;5:13–21. https://doi.org/10.31171/vlast.v26i5.5815

Harvey C. Using ICT, digital and social media in youth work. A review of research findings from Austria, Denmark, Finland,

REFERENCES

Bocharnikova I.S. Leisure preferences of the modern Russian youth: a comparative sociological analysis. Theory and practice of social development. 2018;1. (In Russian). https://doi.org/10.24158/tipor.2018.1.3

Borisko O.A., Yachmennik K.V. Digital space of youth policy (case of the Krasnodar Territory). Social and political research. 2022;3(16):47–64. (In Russian). https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-47-64

Chernyshov A.G. Strategy and philosophy of digitalization. Vlast. 2018;5:13–21. (In Russian). https://doi.org/10.31171/vlast.v26i5.5815

Elishev S.O. Youth policy in the process of forming value orientations of modern Russian youth. Space and Time. 2012;1(7):113–119. (In Russian).

Goncharova I.V., Nitsevich V.F., Sudorgin O.A. Information warfare as a tool of political confrontation in the modern multipolar world. RUDN Journal of Public Administration. 2024;1(11):19–31. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-19-31

Harvey C. Using ICT, digital and social media in youth work. A review of research findings from Austria, Denmark, Finland, Northern Ireland and the Republic of Ireland. National Youth Council of Ireland; 2016. 87 p.

Ilyinsky I.M. Education, youth, man. Moscow: Moscow University for the Humanities; 2006. 560 p. (In Russian).

Isin E., Ruppert E. Becoming digital citizens. Lanham, MD: Rowman & Littlefield; 2015. 245 p.

Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks. Administrative Consulting. 2018;10:46–63. (In Russian). https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63

Kleyberg Yu.A. Destructive Internet game "The Blue Whale" as a Deviantological Phenomenon: Statement of the Problem. Penza Psychological Bulletin. 2017. (In Russian).

Koh K. Adolescents' information-creating behavior embedded in digital media practice using scratch. Journal of the Association for Information Science and Technology. 2013;9(64):1826–1841.

Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media. Internet in Russia. Moscow: RE-FORM; 2023. 207 p. (In Russian).

Omelchenko E.L., Lisovskaya I.V. Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia as viewed by youth policy experts. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2022;2:66–92. (In Russian). https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078

Prozorova D.V. Transformation forms of leisure of young people in post-industrial society. Smolensk Medical Almanac. 2015;3:64–68. (In Russian).

Salin P.B. Student youth as a "constant variable" of Russian mass politics. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2017;7(4):47–51. (In Russian).

Smit F., Glaudemans A., Jonker R. (eds.) Archives in Liquid Times. 's-Gravenhage: Stichting Archiefpublicaties; 2017. 326 p.

Subrahmanyam K., Smahel D. Digital youth: the role of media in development. New York, NY: Springer; 2010. 236 p.

Sudorgin O.A., Agafonov A.V. The impact of digitalization on forming modern youth political leadership. Upravlenie /

Northern Ireland and the Republic of Ireland. National Youth Council of Ireland; 2016. 87 p.

Isin E., Ruppert E. Becoming digital citizens. Lanham, MD: Rowman & Littlefield; 2015. 245 p.

Koh K. Adolescents' information-creating behavior embedded in digital media practice using scratch. Journal of the Association for Information Science and Technology. 2013;9(64):1826–1841.

Smit F., Glaudemans A., Jonker R. (eds.) Archives in Liquid Times. 's-Gravenhage: Stichting Archiefpublicaties; 2017. 326 p.

Subrahmanyam K., Smahel D. Digital youth: the role of media in development. New York, NY: Springer; 2010. 236 p.

Management (Russia). 2024;2(12):99–108. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108

Tselishcheva Z.A., Gutova S.G., Samokhina N.N. Actual issues of the formation of information security in society. Humanities, social-economic and social sciences. 2022;8:32–38. (In Russian). https://doi.org/10.23672/d1441-7708-8409-m

Tsvetkova I.V. A typology of student and youth activities. Karelian Scientific Journal. 2017;3(6):160–164. (In Russian).